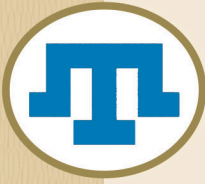

ISSN 2313-612X (print)

ISSN 2712-813X (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Crimean
Historical
Review

2024

Том 11, № 1

Vol. 11, no. 1

DOI: 10.22378/kio.2024.1

ISSN 2313-612X (print)

ISSN 2712-813X (online)

Научный журнал

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024. Том 11, № 1

Scientific journal

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

2024, vol. 11, no. 1

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© «Крымское историческое обозрение», 2024

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

© "Crimean Historical Review", 2024

*Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»*

Крымское историческое обозрение

Научный журнал

Научный журнал «Крымское историческое обозрение» («Crimean Historical Review») – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого публикуются исследования, посвященные изучению истории полуострова с древнейших времен по настоящий день, историко-культурному наследию крымских татар и других народов Крыма. Основной задачей издания является объединение усилий мировой и отечественной науки вокруг решения актуальных исследовательских задач, связанных с археологией, источниковедением, историей и культурой Крыма.

Журнал размещен и индексируется в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), ПИ № ФС 77-87866 от 22 июля 2024 г.
Журнал основан:	2014 г.
ISSN	ISSN 2313-612X (Print), ISSN 2712-813X (Online)
Периодичность:	2 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Адрес редакции:	420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Сайт:	https://crimeanreview.ru
E-mail:	mail@crimeanreview.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная)
Подписка:	Подписной индекс ПС707 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

*The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People”*

Crimean Historical Review

Scientific journal

The scientific journal “Crimean Historical Review” is a peer-reviewed journal that publishes research devoted to the study of the history of the peninsula from ancient times to the present, historical and cultural heritage of the Crimean Tatars and other peoples of the Crimea. The main objective of the publication is to unite the efforts of world and domestic science around solving current research problems related to archeology, source studies, history and culture of Crimea.

The journal is posted and indexed in international abstract and full-text databases: Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Russian Science Citation Index (РИЦ), Scientific Electronic Library of Open Access (CyberLeninka).

Name of the authority that registered the periodical: The journal was founded: ISSN Publication frequency: Founder and publisher:	The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor), PI No. FS 77-87866 from July 22, 2024 2014 г. ISSN 2313-612X (Print), ISSN 2712-813X (Online) 2 times a year State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Web-site:	https://crimeanreview.ru
E-mail:	mail@crimeanreview.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office)
Subscription:	Subscription index ПС707 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

Сейдаметов Эльдар Халилович, к.и.н., руководитель Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов

Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна, лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редакторы крымскотатарских текстов

Сейдаметова Нарие Сеидмамбетовна, к.филол.н., старший преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); заведующий Мемориальным музеем Исмала Гаспринского, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (Бахчисарай, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов

Муртазина Ляля Раисовна, к.пед.н., ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор турецких текстов

Сейт-Маметов Шукри Энверович, младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор

Гиниятуллина Люция Сулеймановна, младший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., профессор РАН, ведущий научный сотрудник Центра исламских рукописей им. Шейха Зайеда Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдульвапов Нариман Ремзиевич, к.филол.н., ведущий научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Айбабин Александр Ильич, д.и.н., профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Акчурина-Муфтиева Нурия Мунировна, доктор искусствоведения, профессор кафедры декоративного искусства, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Аликберов Аликбер Калабекович, д.и.н., директор Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Апселямова Алиме Исмоиловна, к.полит.н., декан филологического факультета, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Брайан Глин Вилльямс, Ph.D., профессор кафедры истории Университета Массачусетса в Дартмуте (Дартмут, США)

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, д.соц.н., доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Ганиева Эмине Сулеймановна, к.филол.н., доцент, декан факультета истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы; ведущий научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Гаркавец Александр Николаевич, д.филол.н., главный научный сотрудник Казахского научно-исследовательского института культуры, Министерство культуры и спорта Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич, к.пед.н., руководитель Центра истории и теории национального образования им. Х. Фаезханова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Грета Лин Улинг, Ph.D. (антропология), профессор кафедры антропологии Мичиганского университета (Мичиган, США)

Грозьян Нина Федоровна, д.филол.н, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Гуменюк Виктор Иванович, д.филол.н., профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Заатов Исмет Аблятифович, доктор философии в арткритицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Ильяс Кемалоглу (Камалов), Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана, член научного совета Турецкого Исторического Общества (Стамбул, Турция)

Ионуц Кожокару, Ph.D. (история), доцент кафедры подготовки педагогических кадров, социальных и гуманитарных наук, Университет ПОЛИТЕХНИКА Бухареста (Бухарест, Румыния)

Керимов Исмаил Асанович, д.филол.н., профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Кондратюк Григорий Николаевич, д.и.н., профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Куртсеитов Рефик Джаферович, к.соц.н., доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, старший научный сотрудник отдела истории НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Майко Вадим Владиславович, д.и.н., директор, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация)

Мусаева Улькер Кязимовна, д.и.н., профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Наматов Мирлан Аманович, профессор, Ph.D (история), тюрколог и иранист, иностранный член-корреспондент Академии наук, надписей и изящной словесности Тулузы (Франция), член-корреспондент Академии наук, словесности и искусств Туниса, Ассоциированный член Португальской Академии Мореплавания (отделение истории), приглашенный исследователь научного проекта с профессором Маратом Алымкуловым в Международном университете Кыргызстана (Бишкек, Киргизская Республика)

Непомнящий Андрей Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Павел Николаевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Питер Голден, Ph.D., профессор Центра исследований Ближнего Востока Рутгерского государственного университета (Нью-Джерси, США)

Поляков Владимир Евгеньевич, д.и.н., доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

Сабитов Ришат, д.полит.н., Центр политических исследований Сорбонны (Париж, Франция)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдалиев Эмиль Исаевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н., профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Усенинов Тимур Бекирович, д.филол.н., профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Хамидова Марфуа Азизовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры сольно-академического пения и оперной подготовки Ташкентской Государственной консерватории (Ташкент, Узбекистан)

Элизабет Титмаер, Ph.D., директор Музея европейской культуры (Берлин, Германия)

Эмирова Адиле Мемедовна, д.филол.н., профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-chief

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Scientific Director of Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Vice-president of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

E.Kh. Seydametov, Cand. Sci. (History), Head of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts editor

L.S. Seytkhalilova, Laboratory assistant of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Crimean Tatar texts editor

N.S. Seydametova, Cand. Sci. (Philology). Senior Lecturer of the Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

E.E. Abibullaeva, Junior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Head of Ismail Gasprinsky Memorial museum, State Budgetary Establishment of the Republic of the Crimea "Bakhchisaray Historical-Cultural and Archeological Museum-Reserve" (Bakhchisarai, Russian Federation)

Tatar texts editor

L.R. Murtazina, Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Researcher at the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Turkish texts editor

Sh.E. Seit-Mametov, Junior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor

L.S. Giniyatullina, Junior Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Centre of Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

N.R. Abdulvapov, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.I. Aibabin, Dr. Sci. (History), Professor, Director of the History and Archeology, Crimea Research Center, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

N.M. Akchurina-Muftieva, Dr. Sci. (Arts), Professor of the Department of Decorative Arts, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.K. Alikberov, Dr. Sci. (History), Director, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

A.I. Apselyamova, Cand. Sci. (Political), Dean of the Philological Department, Associate Professor of the Department of social and humanitarian disciplines, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Brian Glyn Williams, Ph.D., Professor of the Department of History, University of Massachusetts at Dartmouth (Dartmouth, USA)

G.F. Gabdrakhmanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

E.S. Ganieva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Arts and Crimean Tatar Language and Literature; Leading Researcher at the Scientific Research Institute of the Crimean Tatar Philology, history and culture, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

A.N. Garkavets, Dr. Sci. (Philology), Chief Assistant, Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

M.M. Gibatdinov, Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the H. Faezkhanov Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Greta Lynn Uehling, Ph.D. (Anthropology), Professor in the Anthropology Department, University of Michigan (Michigan, USA)

N.F. Grozyan, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

V.I. Gumenjuk, Dr. Sci. (Philology), Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

I.A. Zaatov, Dr. Philosophy (Art Criticism), Cand. Sci. (Arts), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology and Culture of Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Ilay Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor of the History Department, Department of History of Marmara University, Member of the Scientific Council of the Turkish Historical Society (Istanbul, Turkey)

Ionuț Cojocaru, Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Training for Teaching Careers and Social and Human Sciences, University POLITEHNICA of Bucharest (Bucharest, Romania)

I.A. Kerimov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Scientific Research Institute of the Crimean philology, history and culture of the Crimean ethnos, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

G.N. Kondratjuk, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

R.D. Kurtseitov, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of social and humanitarian disciplines, Senior Researcher of the Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Ethnic Groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

V.V. Maiko, Dr. Sci. (History), Director, Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation)

U.K. Musaeva, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

M.A. Namatov, Professor, Ph.D. (History), Turkologist, Iranist, Foreign Corresponding Member of the Academy of Sciences, Inscriptions and Literature of Toulouse (France), Corresponding Member of the Academy of Sciences, Literature and Arts of Tunisia, Associate Member of the Portuguese Academia de Marinha (Department of History), Visiting Researcher of a scientific project by professor Marat Alymkulov at the International University of Kyrgyzstan (Bishkek, Kyrgyzstan)

A.A. Nepomnyashchy, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Archeology and General History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

P.N. Petrov, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archeology of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Peter Golden, Ph.D., Professor of the Center for Middle East Studies, Rutgers State University (New Jersey, USA)

V.E. Polyakov, Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

R.R. Sabitov, Ph. D. (Political), Sorbonne Centre for Political Studies (Paris, France)

R.R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

E.I. Seydaliev, Cand.Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Archeology of the Crimea of Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher of Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

D.V. Sen, Dr. Sci. (History), Professor of Special Historical Disciplines and Documentation Studies, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

T.V. Useinov, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

M.A. Khamidova, Ph.D. (Arts), Professor of the Department of solo-academic and opera training, Tashkent State Conservatory (Tashkent, Uzbekistan)

Elisabeth Tietmeyer, Ph.D., Director of the Museum of European Culture (Berlin, Germany)

A.M. Emirova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Анвар Аксанов. «Не приносившая доходов власть»: Сейид Мухаммад Риза о Казанском ханстве	16
Исмагыйль Гибадуллин, Ильнур Миргалеев. Сейид Мухаммед Риза и его сочинение «Семь планет в известиях о царях татарских»	24
Илья Зайцев. Крымскотатарские документы в архиве Абдурешида Медиева	35
Рефик Куртсеитов. Насильственное переселение крымскотатарского народа в 1944 году, ликвидация Крымской АССР: национальное движение за возвращение на Родину и восстановление автономии	46
Андрей Непомнящий. В.Д. Смирнов – исследователь крымских архивов	83
Григорий Кондратюк. Функционирование крымскотатарского языка в органах власти и управления Крымской АССР в контексте политики коренизации (20–30-е годы XX века)	111
Ionuț Cojocaru. Perspectives of Turkish foreign policy based on analysis of Romanian documents	124

Литература и язык

Исмаил Керим. А.С. Айвазовнынъ миллий тасиль меселелерине дестеги (1910-нджы сенелери)	144
Таир Киримов. Мотивы смерти в лирико-публицистическом дневнике Б. Чобанзаде «Песнь свирели» и его место в контексте творческих исканий автора	152

Культура

- Севиля Велиева.** Довоенные негативы в коллекции
Бахчисарайского музея-заповедника: предметы
и экспозиции Ханского дворца в 1920–1930-х гг. 170
- Исмет Заатов.** Взаимовлияние крымскотатарской
и крымско-армянской культур в контексте музыкальных,
лексических и антропонимических параллелей 183
- Шукри Сейгумеров.** «O malûmatlar fayda ketirmey,
oları bilmemezlikte zararsızdır» 207

Новые издания: рецензии, отзывы

- Татьяна Аникеева.** Рецензия на книгу: Бадр ад-Дин Мухаммед
б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммаль-ходжа).
История хана Сахиб-Гирея (Москва, 2023) 215
- Рефат Абдужемилев.** Рецензия на книгу: Сейид Мухаммед Риза.
Семь планет в известиях о царях татарских.
Книга 2: Перевод (Казань, 2023) 222

Хроника

- События февраль – май 2024 г. 230

CONTENTS

History and Modernity

Anvar Aksanov. “Power that did not generate income”: Seyyid Muhammad Riza about the Kazan Khanate	16
Ismagil Gibadullin, Ilnur Mirgaleev. Seyyid Muhammad Riza and his essay “Seven Planets in the News of the Tatar kings”	24
Il’ya Zaytsev. Crimean Tatars Documents in the archive of Abdureshid Mediev	35
Refic Kurtseitov. The forced resettlement of the Crimean Tatar people in 1944, the liquidation of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic; a national movement for the return to their homeland and the restoration of autonomy	46
Andrey Nepomnyashchy. V.D. Smirnov – researcher of the Crimean archives	83
Grigorii Kondratjuk. The functioning of the Crimean Tatar language in the authorities and administration of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the context of the policy of indigenization (20–30s of the XX century)	111
Ionuț Cojocaru. Perspectives of Turkish foreign policy based on analysis of Romanian documents	124

Literature and language

Ismail Kerimov. Role of A.S. Aivazov in the Process of Primary Schools Reform in Crimea (1910s)	144
Tair Kirimov. The Motives of Death in B. Chobanzade’s Lyrical and Journalistic Diary “The Song of the Reed-Pipe” and its Place in the Context of the Author’s Creative Explorations	152

Culture

- Sevilya Velieva.** Pre-war photographic negatives in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve: objects and expositions of the Khan's Palace in the 1920s–1930s 170
- Ismet Zaatov.** Mutual influence of the Crimean Tatar and Crimean-Armenian cultures in the context of musical, lexical and antroponymic parallels 183
- Shukri Seytumerov.** «Knowing this of no benefit, but ignorance of this is harmless» 207

New editions: reviews, comments

- Tatiana Anikeeva.** Book review: Badr al-Din Muhammad b. Muhammad Kaysuni-zadeh Nidai-efendi (Remmal-khoja). The History of Khan Sahib Giray (Moscow, 2023) 215
- Refat Abduzhemilev.** Book review: Seyyid Muhammed Riza. Seven Planets in the News about the Tatar kings. Book 2: Translation (Kazan, 2023) 222

Chronicle

- Events February – May 2024 230

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 930.23:94(47).04

DOI: 10.22378/kio.2024.1.16-23

«Не приносявшая доходов власть»: Сейид Мухаммад Риза о Казанском ханстве

Анвар Аксанов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. Цель исследования: изучить сведения Сейида Мухаммада Ризы о Казанском ханстве.

Материалы исследования: «Семь планет в известиях о царях татарских», «Умдет ал-ахбар», русские летописи, исторические сочинения, дипломатические документы и т.д.

Результаты и научная новизна: В сочинении «Семь планет в известиях о царях татарских» Сейида Мухаммада Ризы очень подробно представлена история Крымского ханства и крымско-османских отношений. На фоне того, что история Казанского ханства сильно переплелась с историей Крымского ханства, весьма симптоматичным выглядит лапидарность в описании крымско-казанских отношений и истории Казанского ханства в целом. На основе текстуального анализа известий о Казанском ханстве и дипломатических документов мы пришли к выводу, что Сейид Мухаммад Риза намеренно «умалчивал» о некоторых важных событиях в истории крымско-русских, крымско-казанских и осmano-русских отношений, чтобы не ставить «неудобных» вопросов для Порты. Важно, что истоки этого подхода обнаруживаются в самой политике осман конца XV – первой половины XVI в. Султаны не проявляли особого интереса к казанским делам и переадресовывали все обращения казанцев в Крым. Очевидно, что политика игнорирования османами «казанской проблемы» была обусловлена их устремлениями на центрально-европейском театре военных действий. В этом ключе повествование Сейида Мухаммада Ризы представляется апологетикой османской внешней политики.

Ключевые слова: Семь планет в известиях о царях татарских, Сейид Мухаммад Риза, Казанское ханство, Крымское ханство, татары, Османская империя

Для цитирования: Аксанов А.В. «Не приносившая доход власть»: Сейид Мухаммад Риза о Казанском ханстве // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 16–23. DOI: 10.22378/kio.2024.1.16-23

Сочинение Сейида Мухаммада Ризы «Семь планет в известиях о царях татарских» очень подробно повествует об истории Крымского ханства и османо-крымских отношениях. Причем автор демонстрирует прекрасное знание и предшествующей историей Золотой Орды и Чингисидов в целом. Особенно хорошо он разбирался в истории, географии, обычаях и этнокультурных особенностях Крымского ханства, поэтому ученые изучившие «Семь планет в известиях о царях татарских» пришли к выводу, что автор этого произведения был уроженцем Крыма [6, с. 32–33; 5, с. 35–41; 4, с. 5]. В то же время Сейид Мухаммад Риза обладал солидной базой источников по истории средневековых татар. Так как от начала и до конца своей истории судьба Казанского ханства переплетена с Крымом, стоило ожидать подробных экскурсов и в историю Казанского ханства. Однако упоминаний о Казанском ханстве немного.

Первое упоминание Казанского ханства находим при описании земель, на которые распространилась власть Османской державы. Согласно Сейиду Махаммаду Ризе, «ханы Казани и Хаджи-Тархана¹, будучи подданными ханов Крыма, косвенно считались подданными Высокого Государства²...» [4, с. 116]. Именно о такой схеме соподчинения говорится в посланиях султана Сулеймана I к крымским ханам Сахиб-Гирею и Давлет-Гирею. Султан неоднократно перепоручал все дела в Поволжье крымским ханам [3, с. 95, 99, 103, 108]. Он относил к юрисдикции крымских ханов все постордынское пространство и настоятельно повторял: «Вам доверена вся совокупность вопросов, относящихся к тем областям» [3, с. 108].

Более пространно о Казанском ханстве повествуется в разделе о хане Сахиб-Гирее: «В тот век правитель Казани из рода Улуг-Мухаммад-хана, Ичим-хан³, не имея наследника, покинул пиршество жизни, а когда население области выразило благосклонность направлению [к ним] султана из рода Чингисидов, он назначил Сахиб-Гирай-султана. На протяжении пяти лет он нес на себе тяжкое бремя правления, но появившиеся недавно бедствия и смуты и отсутствие независимости потребовали [его] завершения, отчего он передал не приносившую доходов власть находившемуся при

¹ Астрахань.

² Высокое Государство (Девлет-и Алиие) – одно из официальных именований Османской империи.

³ Ичим (Иджим) – одно из прозваний казанского хана Мухаммад-Амина (ум. 1518).

нем сыну султана Махмуд-Гирая Сафа-Гираю⁴, а сам под предлогом совершения хаджа раболепно бил челом у величественных ворот Сулеймана [того] времени и, удостоившись его царской благосклонности, положил голову на подушку безопасности и спокойствия» [4, с. 154].

Это наиболее содержательный фрагмент о Казанском ханстве. Автору хорошо известны обстоятельства династического кризиса, постигшего казанский престол после смерти хана Мухаммад-Амина. Сейид Мухаммад Риза привел достоверные сведения о бездетности Мухаммад-Амина и приглашении казанцами хана из Крыма. Сведения о приглашении казанцами правителя из рода Гиреев автор «Семи планет» мог почерпнуть из письма крымского хана Мухаммад-Гирея I султану Сулейману I от 1521 г. В этом послании крымский хан подробно рассказывает о конфликте, возникшем в Казани в результате вмешательства Москвы в дела ханства [3, с. 55]. Однако Сейид Мухаммад Риза, говоря о приходе к власти Гиреев в 1521 г. и о смене Сахиб-Гирея на Сафа-Гирея в 1524 г., не сообщает о конфликте с Москвой. Хотя на его знакомство с этим обстоятельством указывают его же слова о причине ухода с престола Сахиб-Гирея: «Появившиеся недавно бедствия и смуты и отсутствие независимости». Под «бедствиями», «смутами» и «зависимостью» скрывается военно-дипломатическое давление Василия III, стремившегося установить контроль над Казанью.

После смерти Мухаммад-Амина казанцы пригласили на ханское место Шейх-Али (Шах-Али), при котором резко возросло московское влияние на политику ханства. Это вызвало недовольство казанцев, и в 1521 г. они изгнали молодого московского ставленника и пригласили хана из Крыма. Правительство Василия III, успевшее при Шейх-Али навязать казанцам договоры, по которым без разрешения великого князя казанцы не могли выбирать себе хана, не признавало власть Гиреев в Казани. Так началась одна из самых масштабных московско-казанских войн. Мощный военный натиск великокняжеских сил в 1523–1524 гг. заставил Сахиб-Гирея покинуть Казань.

В общем контексте витиеватости и развернутости повествования «Семи планет» очень странной выглядит чрезвычайная лапидарность при описании этих событий, тем более что автор располагал данными, позволяющими раскрыть суть «бедствий», свалившихся на голову Сахиб-Гирея в Казани. Описание переезда Сахиб-Гирея из Казани в Стамбул оказалось более пространное. Но за этим литературным многословием остались неясными цели ханской политики. Некоторые исследователи считали, что Сахиб-Гирей проявил малодушие, заменив себя на юного Сафа-Гирея в

⁴ Сафа-Гирай (ум. 1549) – казанский хан, правивший в 1524–1532, 1535–1546, 1546–1549 гг.

разгар тяжелейшего для Казани военного противостояния. Но так как Сейид Мухаммад Риза не сообщает о том, что хан покинул Казань в разгар войны, в его повествовании «совершение хаджа» выступает «предлогом» добровольного отказа от ханской власти, что могло расцениваться и как некое проявление аскетизма. Тогда как современник этих событий С. Герберштейн считал, что Сахиб-Гирей отправился в Стамбул за военной помощью [2, с. 177–179]. А историк М. Г. Худяков, оценив ситуацию исходя из дальнейшего развития событий, предположил, что Сахиб-Гирей покинул Казань для того, чтобы самому занять крымский престол, судьба которого решалась в Стамбуле [7, с. 89–91].

Автор «Семи планет» напрямую не указал на то, что Сахиб-Гирей «раболепно бил челом у величественных ворот Сулеймана» для получения крымского престола, но вслед за этим сообщением поместил рассказ о правлении Сахиб-Гирея в Крыму без объяснения обстоятельств его восхождения на ханское место. Сейид Мухаммад Риза акцентирует внимание на том, что частые смуты и мятежи, возникавшие в Крыму, изменили «русло нрава пресловутого хана». Сахиб-Гирей не только «каплями гнева» расправился со смутьянами, но и прославился «водворением порядка в татарском народе». Далее рассказывается том, как хан приводил к оседлой жизни татар-кочевников, жалую им пахотные земли, и обустроивая для них села и городки с мечетями и медресе [4, с. 156]. Конец политической карьеры Сахиб-Гирея, как и начало, связан с Казанским ханством:

«Его племянник Сафа-Гирай, тративший впустую свое время, именуясь ханом в области Казань, оставил пристанище жизни, а жители области сообщили о положении посредством прошения о назначении [ханом] сына покойного, Бёлек-Гирай-султана⁵, и тогда Сахиб-Гирай воздержался от того, чтобы прислать указанного султана и, смутившись по какой-то причине... сочтя тягостным для себя даже то, что Девлет-Гирай-Султан, чей венец гордости был украшен жемчугами благосклонности достопочтенного падишаха [той] эпохи, Султана Сулеймана, находился на государственной службе, и таким образом, преследуя маловероятный замысел отдалить его от дверей счастья (Счастливой Порты. – *примеч. пер.*), а затем казнить и обречь на мученическую смерть клинком коварства, он написал письмо с мольбою, в котором попросил направить указанное лицо к порогу Счастливого Обиталища и назначить его ханом в указанную область (вилайат), отчего зеркало души покорившего мир шахиншаха покрылось ржавчиной обиды, и он сказал: «Нужно устранить и уничтожить основание бытия упрямцев, сделавших пролом в стене [наших] владений», решив своим мудрым усмотрением назначить наказание, и сперва в знак благоприятства»

⁵ Бёлек-Гирай (ум. 1551) – крымский царевич и калга (1551).

ния его желанию и чаянию поймать и казнить того дикого волка, для чего он сделал ловушкой назначение султана ханом в Казань и передал Девлет-Гираю грамоту на ханское правление, после чего, направив послание также и Сахиб-Гираю, ввел его в заблуждение и, дабы выслать его подальше за пределы Крыма, повелел ему отправиться походом на племя жанэ⁶, которое было одним из черкесских кланов, собиравшихся поднять мятеж против султана [того] времени и крымских ханов» [4, с. 159–160].

Далее идет подробный рассказ о государственном перевороте и убийстве Сахиб-Гирея [4, с. 160–162], после чего Сейид Мухаммад Риза более не обращается к теме Казанского ханства. Именно при решении политических проблем Казани проявилось «коварство» Сахиб-Гирея, за которое Сулейман I приговорил его к смерти. Выходит, что хан понес справедливое наказание. Тогда как современник Сейида Мухаммада Ризы Абдулгаффар Кырыми дал иную оценку этим событиям. Согласно ему, ложное донесение о заговоре Сахиб-Гирея было составлено по инициативе Рустема Паши, который был недоволен тем, что хан без посредников общался с султаном. В то же время скончался казанский хан Сафа-Гирей, и казанцы попросили прислать нового хана. Сахиб-Гирей хотел назначить туда Давлет-Гирея и попросил его у Сулеймана I. В Стамбуле решили воспользоваться сложившейся ситуацией и отстранить Сахиб-Гирея от власти, назначив новым ханом Крыма Давлет-Гирея [1, с. 98–99].

Абдулгаффар Кырыми знал эту ситуацию «изнутри» и не боялся проявить нелояльность к историческим представлениям официальной Порты. Он указал на то, что причиной свержения хана стало опасение османских визирей относительно роста влияния Сахиб-Гирея. Успехи хана во внешней и внутренней политике давали шансы объединить под властью Крыма весь Улус Джучи и пугали не только осман. С одной стороны, на фоне этого исторически обоснованного суждения повествование Сейида Мухаммада Ризы менее логично и представляется попыткой сгладить нелицеприятные углы султанской политики. С другой стороны, в свете данных Кырыми автор «Семи планет» выглядит всего лишь одним из тех представителей османской элиты, которые приняли на веру ложный донос.

Как видно из вышеприведенных цитат, в разных частях «Семи планет» дважды транслируется мысль о бесполезности усилий Гиреев на казанском престоле. Так Сахиб-Гирей «передал не приносящую доходов власть» Сафа-Гирею, а последний в течение многих лет тратил «впустую свое время, именуясь ханом в области Казань». У хорошо знающего исторический контекст читателя непременно возникнет вопрос: как власть над областью,

⁶ Жанеевцы (жбанэ) – адыгское племя, жившее в XVI–XIX вв. в Восточном Приазовье.

названной ближайшими соседями и очевидцами «подрайской землицей», может не приносить доход?

Недоумение вызывает и отсутствие какой-либо информации о масштабных московско-казанских военных столкновениях, произошедших в конце жизни Сафа-Гирея и Сахиб-Гирея и в начале правления Давлет-Гирея. Хотя в Стамбуле были хорошо осведомлены об этих событиях. Сахиб-Гирей и Давлет-Гирей подробно докладывали о противостоянии с Москвой и делах Казани. Летом-осенью 1552 г. во время последнего похода Ивана IV на Казань Сулейман I направил несколько писем Давлет-Гирею, в которых сообщал о своей осведомленности относительно казанских событий [3, с. 90–120]. А в послании Сулеймана I от 24 сентября 1552 г. сообщение о том, что до султана дошло письмо хана о «положении в вилайете Газан», и вовсе выходит на первый план. Здесь же султан написал: «Все, что было разъяснено и подробно изложено [Вами] относительно событий, происходящих в тех землях, было объято и охвачено нашим мироукрашающим благородным познанием» [3, с. 120]. То есть в Стамбуле знали даже о подробностях казанских дел. Однако, судя по этим же письмам, султан был больше озабочен балканскими событиями. Он не давал хану никаких поручений относительно Казани, Москвы и Ногайской Орды, но настойчиво убеждал в необходимости активных действий против Польши и Трансильвании (Венгрии). Следовательно, в Стамбуле знали о тяжелом положении Казанского ханства, но посчитали более важным направить основные силы на Польско-Венгерский фронт. Не исключено, что османы воздержались от прямой военной помощи Казани, опасаясь вмешательства Москвы в венгерские дела.

Как бы то ни было, но завоевание мусульманского юрта могло обернуться страницей позора в истории Порты, тем более что она взяла на себя покровительство над всей мусульманской общиной в целом и объявила Казань своим вилайетом (владением) в частности. Однако обесценивание казанской проблемы и умалчивание о важнейших ее обстоятельствах позволяли автору «Семи планет» нарративно завуалировать и оправдать действия османской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

3. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древле-хранилищ Турции: Сборник документов. Казань: Гасыр, 2008. 464 с. + 16 с. илл.
4. Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2: Перевод / Перевод с османского И.Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.
5. Сейтягьяев Н. Происхождение Сейида Мухаммеда Ризы (К вопросу о месте его «Семи планет» среди произведений крымской исторической прозы XVIII века) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44. С. 35–41.
6. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 768 с.
7. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с., карт.

Сведения об авторе: Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036; aksanov571@gmail.com

“Power that did not generate income”: Seyyid Muhammad Riza about the Kazan Khanate

Anvar Aksanov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The purpose of the study: Study the information of Seyyid Muhammad Riza about the Kazan Khanate.

Research materials: “Seven planets in the news about the Tatar kings”, “Umdet al-akhbar”, Russian chronicles, historical works, diplomatic documents, etc.

Results and scientific novelty. In the essay “Seven Planets in the News of the Tatar Kings” by Seyyid Muhammad Riza, the history of the Crimean Khanate and Crimean-Ottoman relations is presented in great detail. Against the background of the fact that the history of the Kazan Khanate is strongly intertwined with the history of the Crimean Khanate, the lapidary nature in the description of Crimean-Kazan relations and the history of the Kazan Khanate as a whole, looks very symptomatic. Based on a textual analysis of news about the Kazan Khanate and diplomatic documents, we came to conclusion that Seyyid Muhammad Riza deliberately “kept silent” about some important events in the history of the Crimean-Russian, Crimean-Kazan and Ottoman-Russian relations, so as not to raise “inconvenient” questions for Porta. It is important that the origins of this approach are found in the Ottoman policy itself at the end of the 15th and first half of the 16th centuries. The sultans did not show much interest in Kazan affairs and forwarded

all requests from Kazan citizens to Crimea. Obviously, the Ottomans' policy of ignoring the "Kazan problem" was determined by their aspirations in the Central European Theater of military operations. In this vein, Sayyid Muhammad Riza's narrative appears to be an apologetics for Ottoman foreign policy.

Keywords: Seven planets in the news about the Tatar kings, Seyyid Muhammad Riza, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Tatars, Ottoman Empire

For citation: Aksanov A.V. "Power that did not generate income": Seyyid Muhammad Riza about the Kazan Khanate. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 16–23. DOI: 10.22378/kio.2024.1.16-23 (In Russian)

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-akhbar. Book 2: Series "Yazma Miras. Pismennoe Nasledie. Textual Heritage". Iss. 5. Trans. from Ottoman Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
2. Herberstein S. Notes on Muscovy. Moscow. Moscow State University Publishing House, 1988. 430 p. (In Russian)
3. Documents on the history of the Volga-Ural region of the 16th – 19th centuries from the ancient repositories of Turkey: Collection of documents. Kazan: Gasyr, 2008. 464 p. + 16 p. (In Russian)
4. Seyyid Mohammed Riza. Seven planets in the news about the Tatar kings. Book 2: Translation. Translation from the Ottoman by I.R. Gibadullin; by scientific ed. I.M. Mirgaleev. Kazan. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 528 p. (In Russian)
5. Seityagyaev N. Origin of Seyyid Muhammad Riza (On the question of the place of his "Seven Planets" among the works of Crimean historical prose of the 18th century). Culture of the peoples of the Black Sea region. 2003, no. 44, pp. 35–41. (In Russian)
6. Smirnov V.D. The Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte until the beginning of the 18th century. St. Petersburg, 1887. 768 p. (In Russian)
7. Khudyakov M.G. Essays on the history of the Kazan Khanate. Moscow. INSAN, 1991. 320 pp., map. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov. – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow at the the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036; aksanov571@gmail.com

Сейид Мухаммед Риза и его сочинение «Семь планет в известиях о царях татарских»

И.Р. Гибадуллин, И.М. Миргалеев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее важных трудов по истории Крымского ханства, историческому сочинению «Семь планет в известиях о царях татарских» («Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар») османского автора Сейида Мухаммеда Ризы, который скорее всего имел крымскотатарское происхождение и был выходцем из прослойки сеидов и входившим в элиту османской империи, ведавшим делами сеидов. Название сочинения носит аллегорический смысл и связано с сакральным значением числа семь и обозначает «семь значительных ханов, правивших в пределах Крыма». Сочинение «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар» было написано в промежутке 1737–1747 гг. и представляет собой образец жанра хроники (таварих) с изложением событий в хронологическом порядке. Всего известно восемь списков сочинения, которые хранятся в Турции, России и Египте. Все они были переписаны в период между 1755–1756 гг. и 1791 г. Первая публикация оригинального текста сочинения принадлежит А.К. Казембеку.

Ключевые слова: Сейид Мухаммед Риза, «Семь планет в известиях о царях татарских», «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар», Крым, татары, османские исторические сочинения, татарские ханы

Для цитирования: Гибадуллин И.Р., Миргалеев И.М. Сейид Мухаммед Риза и его сочинение «Семь планет в известиях о царях татарских» // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 24–34. DOI: 10.22378/kio.2024.1.24-34

Интерес к османским историческим сочинениям в последнее время сильно усиливается. Османские источники дают важные сведения по средневековой татарской истории [4, с. 31–37]. Особенно выделяются те исторические сочинения, которые созданы авторами, связанными с Крымом. В этом отношении большим достижением было введение в научный оборот «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми [2]. Теперь в этот список мы можем включить и «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар» Сейида Мухаммеда Ризы [7].

Историческое сочинение «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар» («Семь планет в известиях о царях татарских») османского автора Сейида Мухаммеда Ризы¹ представляет собой один из наиболее важных трудов, посвященных истории Крымского ханства. Оно было написано в тот период, когда длительная история этого государства уже близилась к своему завершению, и охватило большую часть периода его существования, начиная с его возникновения в 1441 г. и до начала второго срока правления Менгли-Гирея II 1737 г. Таким образом, уровень информированности автора и широта привлеченных им источников, а также объем этого сочинения делают его одним из важнейших источников по истории династии крымских Гиреев.

Крымское ханство, просуществовавшее до конца XVIII века, по сути являлось последним оплотом средневековой татарской и конкретно золотоордынской политической традиции, сохранявшим важные политические и социальные институты, которые отличали татарские ханства от других государств тюркского мира и евразийского пространства. Кризис и закат этого татарского ханства, оказавшегося волей судеб на перекрестке сложнейших взаимодействий между несколькими имперскими проектами, которые боролись в XVI–XVIII вв. за влияние на Европейском континенте, оказались относительно хорошо отражены в исторических источниках. Изучение этого процесса позволяет лучше понять и оценить специфику и динамику развития средневековой татарской государственности, увидеть ее сильные и слабые стороны, разглядеть те кризисные явления, которые привели к ее упадку. Многие специфические черты и особенности крымского опыта, которые нашли отражение в сочинении Сейида Мухаммеда Ризы, прослеживаются в истории и других татарских ханств, что придает этому труду универсальную значимость.

«Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар» служило источником информации для таких крымских авторов, как Халим Гидай-султан, который использовал труд Сейида Мухаммеда Ризы при написании своего сочинения «Гюльбюн-и ханан» («Розовый куст ханов») [10]. Оно также стало основным источником для В.Д. Смирнова при написании его работы «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» [9]. Высоко оценивал его видный российский востоковед иранского происхождения А.К. Казембек (Мирза Казем-Бек), который подготовил первое издание текста сочинения в 1832 г., снабдив его собственным предисловием на османском языке [5]. Блестящее описание и источ-

¹ В турецкой историографии имя автора передается в такой форме Сейид Мехмед Рыза (Seyyid Mehmed Rıza), что связано с особенностями турецкого произношения этих арабских имен.

никоведческий анализ сочинения принадлежат российскому историку И.В. Зайцеву [3]. Достаточно обстоятельный источниковедческо-композиционный обзор сочинения был опубликован в 2020 году в журнале «Золотоордынское обозрение» крымским историком и текстологом Р.Р. Абдужемилевым [1]. Он же подготовил первую в России транслитерацию текста сочинения (по изданию А.К. Казембека), в которой, однако, имеются некоторые неточности и ошибки (преимущественно при передаче персидских слов и фрагментов текста на персидском языке) [6].

Однако, несмотря на все усилия по изучению источника и его введению в научный оборот, до настоящего времени так и не было предпринято попыток подготовить научный перевод этого сочинения на русский язык. Очевидно, главным препятствием на пути исследователей, желавших подготовить подобный перевод, был слишком сложный язык этого сочинения, изобилующий высокопарными фразами, сложными оборотами, многочисленными каламбурами и аллюзиями на религиозные и восточные литературные сюжеты, длинными и неудобочитаемыми конструкциями, занимающими иногда по несколько страниц. Язык сочинения представлял собой образец наиболее высокого стиля османской словесности, в котором автор самым изощренным образом сочетал сложные и многосоставные персидские и арабские речевые конструкции и обороты, используя редкие тюркские слова и частицы речи (в основном глаголы, местоимения и аффиксы).

Автор «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар» Сейид Мухаммед Риза был выходцем из прослойки сеидов (потомком пророка Мухаммада) и представителем образованного слоя османской элиты, получившим блестящее религиозное и светское образование и прошедшим многие ступени карьерного роста в османской имперской административной системе. Он был религиозным деятелем и чиновником высокого ранга. Вместе с тем мы располагаем достаточно скудными сведениями личного характера об этом авторе. Нам не известны дата и место его рождения. Единственная версия о месте его рождения была предложена турецким военным деятелем и автором энциклопедической работы «Османские авторы» Бурсалы Мехмедом Тахир-беем, который упоминает автора сочинения под именем Хаджи Касымзаде и указывает, что он был уроженцем Амасьи на севере Турции [11, s. 123]. Однако уровень его знакомства с географией Крыма и Северного Причерноморья, знание татарских обычаев, традиций и этнокультурных особенностей, знакомство с языком и менталитетом местного населения могут указывать на крымскотатарское происхождение автора. В.Д. Смирнов предполагал, что Сейид Мухаммед Риза родился и вырос в Крыму [9, с. 32–33]. Аналогичного мнения придерживаются и современные крымскотатарские исследователи [8, с. 35–41].

Если говорить об образовании Сейида Мухаммеда Ризы, то доподлинно известно, что он изучал медицину в Медресе-и Тыббийе при мечети Сулеймание в Стамбуле, о чем он указывает в одном из своих сочинений². Турецкие исследователи также приводят сведения о том, что на раннем этапе своей карьеры он преподавал в медресе при мечети Айя-Софья. В дальнейшем он занимал ряд важных государственных постов в различных районах Османской империи: служил кадием в Нише (Сербия), Ускюдаре, Диярбакыре, Эдирне и Бурсе. В 1752–1756 гг. он был назначен приказом османского султана на должность *накиб ал-ашрафа*, специального чиновника, ведавшего делами *сеидов* и некоторыми вопросами, связанными с религиозной благотворительностью. Эта должность считалась очень почетной, но носила отчасти лишь формальный характер, не давая ее носителю существенных властных полномочий. Вместе с тем, занятие этой должности и выполнение обязанностей кадия в важнейших провинциях Османской империи (Эдирне и Бурсе), бывших средоточием османской аристократии, говорит о блестящей репутации Сейида Мухаммеда Ризы и его хороших связях в высших кругах. Известно, что он умер 8 сентября 1756 года.

Сейид Мухаммед Риза сочетал государственную службу с учеными занятиями и увлечением поэзией. Он был прекрасно образован, владел в совершенстве арабским и персидским языками, был знатоком в исламских науках, ханафитском фикхе, медицине, астрономии и астрологии. Помимо «*Ас-саб‘ ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар*», ему принадлежат еще восемь работ, среди которых можно выделить «*Рийад ал-му‘мин*» («Сады верующего») и «*Файз-и анвар*» («Лучезарнейшая эманация», 1734), посвященные изложению суфийской доктрины и исламской этики (*ахлак*), сборник *фетв* «*Фатава-йи Риза*», медицинское сочинение «*Тухфат ал-хан фи шархи нузхат ал-азхан*» («Подарок хану в разъяснении “*Нузхат ал-азхан*”», 1730), по-видимому, написанное в виде комментария к труду «*Нузхат ал-азхан фи ислах ал-абдан*» («Отрада умов в исправлении тел») арабского медика и фармацевта Давуда ал-Антаки (ум. 1599) и преподнесенное в дар крымскому хану Менгли-Гирею II, еще одно медицинское сочинение «*Асафиййа фи куллийат ат-тиббийа*» и «*Мунтахабат-и лугат*» («Избранные слова»), представляющий собой арабско-персидско-турецкий словарь.

Сочинение «*Ас-саб‘ ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар*» не было датировано самим автором, однако, по всей видимости, было завершено не ранее 1744 года, потому что во введении к нему автор, говоря о высокопоставленном османском придворном чиновнике Тавукчубаши Мустафе-эфенди (ум. 1749), которому был поднесен труд Сейида Мухаммеда Ризы,

² Seyyid Mehmed Rıza, Asafıyye Fî Külliyyâtı’t-Tıbbiye, Süleymaniye Kütüphanesi, Nr: 34 NK 3510, v. 2a.

упоминает о втором сроке его пребывания на посту начальника султанской канцелярии (реис уль-кюттаб), который пришелся на 1744–1747 гг. Вместе с тем, в сочинении излагаются события только до 1737 года, что может служить основанием для определения нижней хронологической границы при датировке его написания. Таким образом, работа над созданием этого исторического сочинения могла занять несколько лет в промежутке 1737–1747 гг.

В настоящее время известны восемь списков сочинения, которые хранятся в Турции, России и Египте. Четыре из них хранятся в Стамбуле, в том числе три списка в библиотеке Сулеймание и один список в библиотеке Музея дворца Топкапы, три списка в Санкт-Петербурге и один список в Каире. Ни один из этих списков не является оригинальным, и все они были переписаны в период между 1755–1756 гг. и 1791 г. Первая публикация оригинального текста сочинения, сделанная А.К. Казембеком, была произведена, судя по всему, по тому списку, который в настоящее время хранится в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Турецким исследователем Явюзом Сёйлемезом из Эгейского университета была проделана большая работа по сопоставлению всех известных списков сочинения и подготовке сводного критического издания текста, транскрибированного с использованием латинской графики современного турецкого языка [14]. Эта транскрипция, к сожалению, не была лишена недостатков, погрешностей и ошибок при переводе сложных персидских фразеологических оборотов, прежде всего связанных с неправильным прочтением изафетных конструкций или сохранением ошибок переписчиков при передаче некоторых арабских и персидских терминов. Однако автор этого издания в ходе своего исследования сумел на основе ряда критериев выявить наиболее точный и близкий к оригиналу список сочинения («список Рагып-паши» в библиотеке Сулеймание³), предложив его в качестве основного, что существенно облегчило нам работу, избавив от необходимости кропотливой текстологической работы по сличению имеющихся списков. Поэтому перевод сочинения был осуществлен по этому изданию⁴.

Перевод сопровождается лишь кратким комментарием, поясняющим встречающиеся в тексте персоналии, географические и этнические названия, некоторые специфические понятия и термины ислама, богословских наук и суфизма, а также содержащиеся в авторском тексте цитаты и аллю-

³ İstanbul Kütüphaneleri Tarih-Coğrafya Yazmaları Kataloğu, 2. Fasikül, Türk Tarihine Ait Eserler, s.182.

⁴ В тех немногих местах, где его автором были допущены очевидные ошибки, мы исходили из нашей собственной реконструкции этих сомнительных фрагментов текста (прим. И.Р. Гибадуллина).

зии на аяты Корана, пророческие хадисы, высказывания деятелей ислама и поэтические произведения других авторов.

В структурном отношении «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар» представляют собой образец жанра хроники (таварих) с изложением событий в хронологическом порядке. В сочинении после введения, посвященного истории человечества от Адама до эпохи Османской империи, в котором говорится о пророках, легендарных правителях и династиях древних народов, а также о Чингисидах, подробно излагаются события правления крымских ханов от основателя ханства Хаджи-Гирея до Менгли-Гирея II, современником которого был Сейид Мухаммед Риза. Мы видим на страницах книги подробные сведения о внутривосточной борьбе в Крымском ханстве, группировках внутри феодальной и племенной элиты, о назначениях престолонаследников первого и второго уровня (калгах и нураддинах), связанных с этими группировками. Также автор знакомит читателя с информацией о военных кампаниях о походах османов в Восточной и Центральной Европе, Закавказье и северо-западном Иране, в которых принимали участие представители правящего дома Гиреев. Текст содержит также извлечения из других источников, частые и иногда достаточно пространственные поэтические вставки, призванные продемонстрировать знакомство автора с жемчужинами классической арабской, персидской и турецкой (в основном османской) поэзии.

Необходимо отметить, что взгляд автора на историю Крыма и средневекового татарского этноса в целом укладывается в русло османского имперского дискурса. Несмотря на вероятнее всего крымское происхождение автора и очевидные симпатии к династии Гиреев, он демонстрирует прежде всего свою приверженность интересам Османской империи, высказывает критические соображения о многих явлениях и порядках в жизни татар и ногайских племен, не гнушаясь иногда и язвительных замечаний. Кроме того, он старается вписать события истории Крымского ханства и судьбы крымских ханов в контекст османской истории, постоянно указывая на те политические, социальные, экономические, культурные и религиозные узы, связывавшие Крым с Рах Ottomana. Всё это позволяет отнести сочинение скорее к османской историографии, хотя и нельзя отрицать, что написано оно во многом на местном крымском источниковом материале.

Среди источников, на которые Сейид Мухаммед Риза опирался при написании своего сочинения, можно выделить классические персидские хроники «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина Фазлаллаха (ум. 1318), «Тарих-и Вассаф» Шараф ад-дина 'Абдаллаха Вассафа Ширази (ум. 1334) и «Раудат ас-сафа'» (в тексте упоминается как «Мир'ат ас-сафа'») Мирхонда (ум. 1498), в которых содержатся подробные сведения о Чингисхане, его родословной и Чингисидах. Автор упоминает также сочинение «Таквим

ал-булдан», описательное географическое сочинение арабского историка и географа Абу-л-Фида' (ум. 1331). В тексте также фигурирует некая «Хроника Нишанджи-паши», которая могла принадлежать османскому государственному деятелю Джелальзаде Мустафе Челеби (ум. 1567). Сейид Мухаммед Риза неоднократно ссылается на иранского придворного историка-хрониста Искандер-бека Мунши (ум. 1633), автора сочинения «Тарих-и 'алам-ара-йи 'Аббаси».

Следует отдельно сказать об оригинальном названии сочинения, которое носит аллегорический смысл и связано с сакральным значением числа семь, имевшим древние истоки на Ближнем Востоке. Сам автор во введении указывает, что «семь планет», под которыми в средневековой мусульманской литературе подразумевается созвездие Плеяд (араб. Сурайя, перс. Парвин), обозначают «семь значительных ханов, правивших в пределах Крыма» (*hitta-i Kırım'da hükümrân olan yedi nefer hân-ı zi-şân*). Среди упомянутых в сочинении крымских ханов особо выделяются фигуры шестерых: Менгли-Гирей I (ум. 1515), Сахиб-Гирей I (ум. 1551), Девлет-Гирей I (ум. 1577), Бахадыр-Гирей I (ум. 1641), Селим-Гирей I (ум. 1704) и Менгли-Гирей II (ум. 1740). О жизни и заслугах этих ханов приводятся более подробные сведения, их имена выделены в некоторых списках красной краской или каким-то другим образом. Имя седьмого хана из этой плеяды установить на основе анализа текста не удастся, однако турецкий исследователь Серкан Аджар выдвигает версию, что под седьмым ханом может подразумеваться престолонаследник или будущий правитель Крымского ханства, чья звезда еще не возшла на небосклоне правления. Он объясняет это символизмом, заложенным в самом созвездии, шесть звезд которого являются наблюдаемыми невооруженным взглядом, а седьмая видна только через телескоп и остается невидимой взорам простых людей, олицетворяя собой некую тайну [13, s. 217–218].

Важно отметить, что автор сочинения привлекает к работе над ним работы средневековых персидских придворных историков, посвященные истории и генеалогии других ветвей Чингисидов, правивших в Иране и Средней Азии. Это говорит о существовании целой историографической традиции, которая развивалась, содержательно дополнялась и видоизменялась на протяжении столетий, но сохраняла набор устойчивых сюжетов, нарративных особенностей, штампов и мифологем, восходящих к определенным монгольским и тюрко-татарским прообразам. Таким образом, сочинение «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбари мулук ат-татар» является частью обширного массива средневековых исторических хроник и других текстов о Чингисидах, которые создавались в разные периоды, в разных географических ареалах, культурных и политических контекстах, сохраняя генетическую связь друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Источниковедческо-композиционный обзор «Семи планет» Сейид-Мухаммеда Ризы // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 316–344. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.316-344
2. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
3. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники / И.В. Зайцев; Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост лит., 2009. С. 97–127.
4. Миргалеев И.М. Изучение новых источников по истории Золотой Орды (на примере османско-турецких средневековых сочинений) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 31–37.
5. Сейид Мухаммед Риза. Ас-себ-ус-сейяр фи ахбар мулюк-ит-татар = Ассебь о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. / Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы, изданное Император. Казан. Ун-том, под наблюдением Мирзы Казембека, адъюнкт-профессора онаго Ун-та, Великобританского и Ирландского Королевско-Азиатского общества члена; [авт. предисл. Мирза Казембек]. Казань: Тип. Ун-та, 1832. 344 + [4] + xxx с.
6. Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: транслитерация / Авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р.Р. Абдужемилев; под общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.
7. Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2: перевод / Перевод с османского И.Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.
8. Сейтягьяев Н. Происхождение Сейида Мухаммеда Ризы (К вопросу о месте его «Семи планет» среди произведений крымской исторической прозы XVIII века) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44. С. 35–41.
9. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб.: Типография Казанского университета, 1887. 786 с.
10. Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, перевод переложения Ильми А., составление приложений и пояснения Усеинова К.; под общ. ред. Сейтягьяева Н.С. Симферополь: ДОЛЯ, 2004. 288 с.
11. Bursalı Mehmed Tahir Bey, Osmanlı Müellifleri, Haz. İsmail Özen, C. III, İstanbul, 1975. XVI+256 s.
12. Seyyid Mehmed Rıza, Asaîyye Fî Külliyyâtı't-Tıbbiye, Süleymaniye Kütüphanesi, Nr: 34 NK 3510, v. 2a.
13. Serkan Acar, “İlya V. Zaytsev, Kırımskaya İstoriogrefiçeskaya Traditsiya XV–XIX vekov”, Karadeniz Araştırmaları Dergisi, S. 37, İlkbahar 2013, s. 217–218.

14. Söylemez, Yavuz, Es-Seb'û's Seyyâr Fî Ahbâr-ı Mülûki't Tatar (Tenkitli Metin Neşri, İnceleme), TTK Yayinevi, Ankara 2020.

Сведения об авторах: Гибадуллин Исмагыйль Рустемович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ismagil4@yahoo.com

Миргалеев Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376; dilnur1976@mail.ru

Seyyid Muhammad Riza and his essay “Seven Planets in the News of the Tatar Kings”

Ismagil Gibadullin, Il'nur Mirgaleev

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The article is about one of the most important works devoted to the history of the Crimean Khanate, the historical work “Seven Planets in the News of the Tatar Kings” (“As-sab’ as-sayyar fi akhbari muluk at-Tatar”) by the Ottoman author Seyyid Muhammad Riza, who most likely was of Crimean Tatar origin and came from the Seyid stratum and was part of the elite of the Ottoman Empire, in charge of the affairs of the Seyids. The title of the work has an allegorical meaning and is associated with the sacred meaning of the number seven and means “seven significant khans who ruled within the Crimea.” The work “As-sab’ as-sayyar fi akhbari muluk at-tatar” was written between 1737–1747 and is an example of the chronicle genre (tawarikh) with a presentation of events in chronological order. In total, eight copies of the composition are known, which are stored in Turkey, Russia and Egypt. All of them were rewritten between 1755–1756 and 1791. The first publication of the original text of the work belongs to A.K. Kazembek.

Keywords: Seyyid Muhammad Riza, “Seven planets in the news about the Tatar kings”, “As-sab’ as-sayyar fi akhbari muluk at-Tatar”, Crimea, Tatars, Ottoman historical works, Tatar khans

For citation: Gibadullin I.R., Mirgaleev I.M. Seyyid Muhammad Riza and his essay “Seven Planets in the News of the Tatar kings”. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 24–34. DOI: 10.22378/kio.2024.1.24-34 (In Russian)

REFERENCES

1. Abduzhemilev R.R. The Source Study and Composition Review of the “Seven Planets” by Seyid-Muhammed Riza. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 316–344. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.316-344 (In Russian)
2. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-akhbar. Book 2: Series “Yazma Miras. Pismennoe Nasledie. Textual Heritage”. Iss. 5. Trans. from Ottoman Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
3. Zaitsev I.V. Crimean historiographic tradition of the 15th–19th centuries: development paths: manuscripts, texts, and sources / I.V. Zaitsev; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow: Vost lit., 2009. Pp. 97–127.
4. Mirgaleev I.M. Study of new sources on the history of the Golden Horde (using Ottoman-Turkish medieval writings as an example). *Golden Horde civilization*. Collection of articles. Issue 5. Kazan: OOO Foliant, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012. Pp. 31–37. (In Russian)
5. Seid Muhammad Riza. As-seb-us-seyar fi akhbar muluk-it-tatar = Asseb o-seyar, or Seven Planets, containing the history of the Crimean khans from Mengli Giray Khan I to Mengli Giray Khan II, i. e. from 871/1466 to 1150/1737 / work by Seyid Muhammad Riza, published by the Emperor. Kazan. University, under the supervision of Mirza Kazembek, associate professor of that University, member of the British and Irish Royal Asiatic Society; [author's preface Mirza Kazembek]. Kazan: University Press, 1832. 344 + [4] + xxx p. (In Russian)
6. Seyid-Mukhammed Riza. *Seven Planets in Report about Tatar Rulers*. 1: Transliteration. Transcription by R.R. Abduzhemilev. Ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 364 p. (In Russian, Ottoman Turkish)
7. Seyid-Muhammed Riza. Seyyid Mohammed Riza. Seven planets in the news about the Tatar kings. Book 2: Translation. Translation from Ottoman by I.R. Gibadullin; by scientific ed. I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 528 p. (In Russian)
8. Seityagyaev N. The Origin of Seyid Muhammad Riza (On the Place of His “Seven Planets” Among the Works of Crimean Historical Prose of the 18th Century). The Culture of the Peoples of the Black Sea Region. 2003, no. 44, pp. 35–41. (In Russian)
9. Smirnov V. D. The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte until the Beginning of the 18th Century. St. Petersburg: Kazan University Printing House, 1887. 786 p. (In Russian)
10. Halim Giray Sultan. The Pink Bush of the Khans, or the History of Crimea / Transcription, translation of the retelling by Ilmi A., compilation of appendices and explanations by Useinov K.; under the general editorship of Seityagyaev N.S. Simferopol: DOLYA, 2004. 288 p. (In Russian)
11. Bursalı Mehmed Tahir Bey, Osmanlı Müellifleri, Haz. İsmail Özen, C. III, İstanbul, 1975. XVI+256 s. (In Turkish)

12. Seyyid Mehmed Rıza, Asafıyye Fî Külliyyâtı't-Tıbbiye, Süleymaniye Kütüphanesi, Nr: 34 NK 3510, v. 2a. (In Turkish)

13. Serkan Acar, "İlya V. Zaytsev, Kırımskaya İstoriogreñiceskaya Traditsiya XV–XIX vekov", Karadeniz Araştırmaları Dergisi, S. 37, İlkbahar 2013, s. 217–218. (In Turkish)

14. Söylemez, Yavuz, Es-Seb'ü's Seyyâr Fî Ahbâr-ı Mülûki't Tatar (Tenkitli Metin Neşri, İnceleme), TTK Yayınevi, Ankara, 2020. (In Turkish)

About the authors: Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow at the the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ismagil4@yahoo.com

Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376; dilnur1976@mail.ru

Крымскотатарские документы в архиве Абдурешид Медиева

Илья Зайцев

Институт востоковедения РАН

Аннотация. Статья представляет собой опыт систематизации документов на крымскотатарском и турецком языках, сохранившихся среди бумаг крымскотатарского общественного деятеля, депутата Второй Государственной думы Абдурешид Медиева (1880–1912). Эти документы хранятся ныне в Государственном Музее Тавриды в Симферополе. Большая часть архива – это письма А.Медиеву от многочисленных корреспондентов (А.С. Айвазова, Али А. Тарпи, Мухаммедшакира М.Тукаева, Мухаммед-бека Хаджетлаше, Ахмеда Саиба Каплана, Хасана Нури и др.). Среди бумаг А. Медиева есть и документы других лиц на турецком и крымскотатарском языках: это статья А. Айвазова «Реформа мусульманства»; протоколы заседаний Мусульманской фракции Государственной думы; статья, присланная в газету «Ватан Хадими» от О. Челебиева из Правления мусульманского благотворительного общества г. Евпатории; правила избрания муфтия и кадиаскера Таврическим Магометанским Духовным правлением и многое другое. Огромный интерес представляют подлинники нескольких юридических документов эпохи Крымского ханства.

Ключевые слова: Абдурешид Медиев, документы на крымскотатарском и турецком языках, переписка, Крымское ханство

Для цитирования: Зайцев И.В. Крымскотатарские документы в архиве Абдурешид Медиева // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 35–45. DOI: 10.22378/kio.2024.1.35-45

Государственный Музей Тавриды в Симферополе хранит в своем собрании значительное количество документов, которые представляют собой уцелевшую часть архива крымскотатарского общественного деятеля, депутата Второй Государственной думы Абдурешид Медиева (1880–1912).

Медиев родился в бедной крестьянской семье в селе Караджанай Перекопского уезда Таврической губернии. Начальное образование получил в традиционном учебном заведении – мектебе. Рано оставшись без отца (он умер, когда Медиеву было десять лет), юноша вынужден был самостоятельно искать дорогу в жизни. В 1902 г. Медиев с отличием окончил Сим-

феропольскую учительскую семинарию, так называемую «татарскую школу», и получил место учителя в школе для крымских татар в Эрмени-Базаре (ныне город Армянск), затем работал учителем в Карасубазаре. Вскоре он вошёл в состав крымского отделения либеральной мусульманской организации «Бутюнрусие мусульманларнен иттифаке», которое возглавлял Гаспринский. Был арестован по подозрению в симпатиях эсерам и помещён в Симферопольскую тюрьму, но 31 октября 1905 г. освобождён. Основал в Карасубазаре «Джемиет-и-Хайрийе» («Благотворительное общество»), целью которого была помощь в открытии мектебов и рушдие (училищ), работающих по новому методу. Общество основало национальную библиотеку, содействовало отправке наиболее талантливых молодых людей на обучение за границу (в Стамбул). В 1906 г. избран заместителем председателя городской думы Карасубазара, в 1907–1912 стал её председателем. За время работы городским головой в Карасубазаре были построены электростанция, дом культуры, проведена сеть водопровода. Кроме того, Медиев был членом городской управы Карасубазара. Более всего он известен как главный редактор либеральной татарской газеты «Ватан хадими» («Слуга народа»), выходившей с перерывами с 1 мая 1906 по осень 1908 г., когда была закрыта правительством. Газету морально и с помощью пожертвований поддерживали крымскотатарские учителя. Медиев ставит спектакли на сцене самодеятельного театра, в котором играют школьники и представители крымскотатарской интеллигенции, в частности им была поставлена историческая пьеса Ахмеда Джевдета «Шейх Синан».

Сам себя Медиев считал сторонником «Мусульманского союза». 7 февраля 1907 г. он был избран в Государственную думу II созыва от общего состава выборщиков Таврического губернского избирательного собрания. Вошёл в состав Мусульманской фракции, избран её секретарём. Состоял в нескольких думских комиссиях, таких как о неприкосновенности личности, о нормальном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях, по народному образованию. В последней исполнял обязанности секретаря подкомиссии по вопросу о языке преподавания в национальных школах. Был очень активен и многократно выступал в Думе и на заседаниях фракции, в частности, на 24-м заседании 9 апреля 1907 года по аграрному вопросу и на 10-м заседании 15 марта 1907 года по вопросу о помощи безработным. Собирался приступить к изданию мусульманской газеты на русском языке в Санкт-Петербурге для знакомства российских либеральных кругов с проблемами мусульманского населения, однако воплотить этот план не успел.

После роспуска Думы вернулся в Крым. В 1907–1912 служил председателем городской управы Карасубазара. А в ноябре 1907 г. Медиев основал русскоязычную газету «Голос мусульманина», выходившую два раза

в неделю. В октябре 1908 г. он пытался добиться публикации газеты «Наш голос». Свои статьи он также публиковал в парижском журнале «Мусульманин» и в бакинской газете «Каспий». В 1912 г. Медиев скончался от туберкулёза.

Сохранившийся комплекс документов – бесценный источник по истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в начале XX в., важный также с точки зрения литературы и публицистики. В начале октября 2017 г. я имел счастливую возможность в течение нескольких часов ознакомиться с архивом А. Медиева. Представленное ниже описание – результат этого знакомства. Безусловно, это не полноценная опись его архива, а лишь краткий указатель, который, возможно, будет полезен всем, кто изучает историю Крыма.

Большая часть архива – это письма А. Медиеву от многочисленных корреспондентов. Среди них: Асан Сабри Айвазов (1878–1938) – крымскотатарский писатель, литературный критик, публицист, педагог и общественный деятель, издатель газеты «Ватан хадими» и преемник И. Гаспринского в деле издания «Терджимана» (4 письма от 7 и 30 апреля, 3 мая 1907 г. из Алупки и 28 ноября 1908 г.); Али Ахмед Тарпи – бахчисарайский издатель и владелец книжного магазина, *хатип* прихода Сырлы-чешме в Бахчисарае (2 письма от 19 и 24 апреля 1908 г.); Мухаммедшакир Мухаммедхарисович Тукаев (1867–1932) – башкирский ахун, депутат Государственной думы II и III созывов от Уфимской губернии (2 письма от 14 ноября и 2 декабря 1908 г.); главный редактор газеты «Мусульманин» Мухаммедбек Хаджетлаше (письмо из Парижа, 13 июля 1910 г.); Ахмед Саиб Каплан (1859–1920) – известный османский общественно-политический деятель кумыкского происхождения, эмигрировавший из России в Турцию в 1888 г. и издававший в Каире газету «Санджак» («Знамя»), а затем и газету «Шура-и уммет» («Совет общины») (письмо от 20 шабана 1906 г. из Каира); Хасан Нури – преподаватель турецкой Медицинской школы «Мектеб-и тиббийе-и шахане» (письмо из Одессы, 1905 г.) и др.

Среди бумаг А. Медиева есть и документы других лиц на турецком и крымскотатарском языках: это статья А. Айвазова «Реформа мусульманства», протоколы заседаний Мусульманской фракции Государственной думы; статья, присланная в газету «Ватан хадими» от О. Челебиева из Правления мусульманского благотворительного общества г. Евпатории; правила (устав) избрания муфтия и кадиаскера (его заместителя) Духовным Правлением мусульман Крыма (Таврическим Магометанским духовным правлением) и многое другое.

Огромный интерес представляют подлинники нескольких юридических документов эпохи Крымского ханства. Это купчие и отдельные имущества по завещанию отдельных лиц между их детьми с подробным

перечислением земель, движимого имущества и скота: например, зулькада 1061 / октябрь 1651 г. (заверенная бахчисарайским кадием Эмруллой); джумада I 1164 / апрель 1751 г.; шабана 1192 / август-сентябрь 1778 г. (заверена салгирским кадием Ислямом)¹.

Опись документов Архива А. Медиева				
№	КП	Заголовок	Дата	Примечание
1	КП 27087	Письмо А. Медиеву от Асана Сабри Айвазова	30 апреля [1907 г.] Алупка	Асан Сабри Айвазов (1878–1938) – крымскотатарский писатель, литературный критик, публицист, педагог, общественный деятель. Издатель газеты «Ватан хадими» и преемник И. Гаспринского в деле издания «Терджимана».
2	КП 27088	Письмо А. Медиеву от Асана Сабри Айвазова	3 мая [1907 г.]	– \ \ –
3	КП 27089	Письмо А. Медиеву от Курт Хала (об Али Ахмеде Тарпи и Хаджи Эмире)	19 апреля 1907 г., Акмесджит (Симферополь)	Али Ахмед Тарпи – бахчисарайский издатель и владелец книжного магазина, <i>хатип</i> прихода Сырлы-чешме в Бахчисарае.
4	КП 27090	Письмо А. Медиеву от мусульманских обществ Бахчисарая	11 апреля 1907 г., Бахчисарай	
5	КП 27091	Письмо в редакцию газеты «Ватан хадими» от Хафиза Абд ар-Рахмана Шехми	26 ноября 1907 г., Гёзлев (Евпатория)	«Ватан хадими» – газета, которую начали издавать в 1906 г. в Карасубазаре. Закрыта в 1908 г. Медиев был ее редактором. Письмо содержит информацию об организации в Евпатории вечерней школы. Один класс – на русском языке, два – на «мусульманском».

¹ Эти документы готовятся нами к изданию и по этой причине не входят в ниже прилагаемую опись.

6	КП 27092	Письмо А. Медиева редактору газеты «Вақыт» (Фатиху Карими)	27 апреля 1907 г., Петербург	«Вақыт» – одна из самых популярных татарских газет начала XX в., выходившая с 1906 г. в Оренбурге. Главный редактор – Фатих Карими.
7	КП 27093	Письмо А. Медиеву от Зейнеб бинт Юсуф из деревни Каранки (قرنقى)	7 ноября 1908 г.	Приветы от родственников. Стихи. Деревня с названием Каранки имела в Феодосийском и Джанкойском районах [1, с. 26, 277, 379].
8	КП 27094	Письмо А. Медиеву от Мухаммедшакира Тукаева	2 декабря 1908 г.	Мухаммедшакир Мухаммедхарисович Тукаев (1867–1932) – ахун, депутат Государственной думы II и III созывов от Уфимской губернии. По национальности башкир. В письме упоминается «директор департамента» и Исмаил-эфенди (Гаспринский).
9	КП 27095	Письмо А. Медиеву от Мухаммедшакира б. Шейх Мухаммедхариса Тукаева	14 ноября 1908 г.	Мухаммедшакир Мухаммедхарисович Тукаев (1867–1932) – ахун, депутат Государственной думы II и III созывов от Уфимской губернии. По национальности башкир.
10	КП 27096	Письмо А. Медиеву от Асана Сабри Айвазова	28 ноября 1908 г. Алупка	Асан Сабри Айвазов (1878–1938) – крымскотатарский писатель, литературный критик, публицист, педагог, общественный деятель. Издатель газеты «Ватан хадими» и преемник И. Гаспринского в деле издания «Терджимана». Письмо подписано им как «директором алупкинской школы».
11	КП 27097	Письмо А. Медиеву от главного редактора газеты «Мусульманин» Мухаммед-бека Хаджетлаше	Париж, 13 июля 1910 г.	О Хаджетлаше см. [2]

12	КП 27098	Письмо А. Медиеву от Асана Сабри Айвазова	7 апреля [1907 г.], Алупка	В том числе о семейных обстоятельствах Айвазова (о маленьком сыне, который уже «хорошо говорит» и «начал строить баррикаду»).
13	КП 27099	Письмо А. Медиеву от Хасана Нури из Одессы	9 шубата 1323 г. х. [1905 г.], Одесса	Хасан Нури – преподаватель турецкой Медицинской школы «Мектеб-и тиббийе-и шахане» ² .
14	КП 27100	Письмо А. Медиеву от Ахмеда Саиба [Каплана], директора газеты «Шура-и уммет»	20 шабана 1906 г. [г. Каир]	Ахмед Саиб Каплан (1859–1920) – известный османский общественно-политический деятель кумыкского происхождения. Эмигрировал из России в Турцию в 1888 г. Издавал в Каире газету «Санджак» («Знамя»), о которой идет речь в письме, а затем и газету «Шура-и уммет» («Совет общины»). Просьба прислать книги, ценой 9 рублей, журналы (названия книг написаны на русском), сообщение о газете «Терджиман». Книги, видимо, были нужны для написания исторических трудов (среди книг Ахмеда Саиба есть историософские сочинения по истории России).
15	КП 27101	Письмо А. Медиева некому господину	Петербург, 1 апреля 1907 г.	Письмо о думских делах (в частности, по земельному вопросу), а также о собственных статьях о русских мусульманах в русских газетах и о прочтении им 20 марта лекции о русских мусульманах в Университете, на которой присутствовали известные профессора, литераторы и депутаты Думы.

² О Хасане Нури см. [4, с. 60–61].

16	КП 27102	Статья в редакцию «Ватан хадими» под названием «Хатырдаң шикает»	29 ноября 1908 г., Алупка	Автор скрылся за псевдонимом Иа.Нун.
17	КП 27103	Письмо редактору «Хадим-и Миллет» от А.М. Ганиева из Бахчисарая	25 декабря 1907 г.	Заметка о реформе Зынджирлы-медресе в Бахчисарае.
18	КП 27104	Письмо доктору А. Хильми-бею от Хасана Нури из Одессы	25 февраля 1908 г. Март 1908 г.	Приложена статья мюдерриса Абд аль-Хай-эфенди-заде Кырыми. См. № 13.
19	КП 27105	Статья в «Ватан хадими» под названием «Любовь к Родине – счастье и честь»	Без даты. Возможно, автор – Хасан Нури, корреспондент Медиева	
20	КП 27106	Статья в «Ватан хадими» от О. Челебиева из Правления мусульманского благотворительного общества г. Евпатории		
21	КП 27107	Статья С.Айвазова «Реформа мусульманства. От нашего египетского корреспондента»	14 марта 1908 г.	В начале 1908 года Айвазов уехал в Египет, где лечился от астмы.
22	КП 27108	Правила (устав) избрания муфтия и кадиаскера (его заместителя) Духовным Правлением мусульман Крыма (Таврическим Магометанским духовным правлением)		(2 экз.) Текст рукописный, размноженный на гектографе. 16 пунктов. 17-й дописан от руки карандашом.
23	КП 27109	Листовка партии эсеров на турки	Призывы к борьбе и свободе	Текст написан от руки и размножен (на гектографе?).
24	КП 27110	Стихотворение (песня) «Родина»		

25	КП 27111	Письмо А. Медиеву от Абд ар-Рахмана-хаджи Мехмеда-оглу	г. Симферополь (Акмесджит). Без даты	
26	КП 27112	Протоколы заседаний мусульманской фракции Государственной думы	7 и 9 мая [1907 г.]	Председатель – Г. Сыртланов, участники – Алкин, Акчурин, Рамиев и др.
27	КП 27113	Недатированная статья «Мектеб» для газеты «Ватан хадими»	Бек Садыки	
28	КП 27114	Письмо Медиеву от Кырыми-заде Махмуда Хамди из Бахчисарая	21 февраля 1324 г. х. (1907 г.)	Просьба поместить в газете статью автора «человека» (текст ее в письме).
29	КП 27115	Фрагмент перевода из книги Кармен Сильвы (румынская королева)		Елизавета Паулина Оттилия Луиза цу Вид (1843–1916) – королева Румынии и писательница (под псевдонимом Кармен Сильва). Писала на немецком, а также румынском и других языках.
30	КП 27116	Усейн Шамиль [Тохтаргазы]. Пьеса «Крымская жизнь» (в двух действиях, семи актах) с сопроводительным письмом и	Ялта, Ай-Василь	Усейн Шамиль Тохтаргазы (10 апреля 1881, с. Коккозы, Крым – 17 сентября 1913, с. Харджибие, Крым) – крымскотатарский поэт и драматург, учитель и просветитель ³ .

³ В начале 1900-х стихи Тохтаргазы печатались в газете «Терджиман» и журналах «Шура» и «Янъы асыр». Автор пьес «Моллалар проекты» (1909), «Рахимсиз бабалар...» (1906), «Безумный Ногай», «Жестокие дети», рассказа «Ягъмур дуасы» (1906), романа «Саадет адасы» (1911). Выступал как поэт-новатор. В 1910 г. в Карасубазаре был издан поэтический сборник Тохтаргазы «Налеи Къырым» («Столны Крыма»). Из-за отсутствия цензурного разрешения в первом издании было напечатано только 8 стихотворений. Отдельные стихи Тохтаргазы печатались в газете «Терджиман-Переводчик», издававшейся Исмаилом Гаспринским в Бахчисарае в 1883–1918 годах, и «Ватан хадими», издававшейся в Карасубазаре в 1906–1908 годах. Составил учебник для школ в 20 наименованиях (учебники по азбуке, хрестоматии, истории и литературе и др.). Переводил на крымскотатарский язык отдельные произведения Пушкина (например, «Сказка о рыбаке и рыбке», стихи на крымскую тему «Элегия», «Желание» и др.), басни И.А. Крылова, поэзию М.Ю. Лермонтова, Адама Мицкевича.

		двумя стихотворениями под названием «Кто он?»		
31	КП 27117	Письмо А. Медиеву от Али Ахмеда Тарпи	19 апреля 1908 г.	Али Ахмед Тарпи – бахчисарайский издатель и владелец книжного магазина, <i>хатип</i> прихода Сырлы-чешме в Бахчисарае. Издатель (например, он издал в 1914 г. в Бахчисарае «Правила языка тюрки» М. Абдулькадира [3, с. 256].
32	КП 27118	Письмо А. Медиеву от Али Ахмеда Тарпи	24 апреля 1908 г.	
33	КП 27119	Письмо А. Медиеву от Наджм ад-Дина Умара Закова	3 казирана ? г.	
34	КП 27120	Статья А. Хильми «О обычае супружества»		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998. Справочник. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 459 с.
2. Бессмертная О.Ю. Кем же был М.-Б.Хаджетлаше, или Нужда в обмане // *Ya evam veda... Кто так знает ... Памяти Владимира Николаевича Романова* / Под ред. И.С. Смирнова; сост. Н.Ю. Чалисова (отв. ред.), Н.В. Александрова, М.А. Русанов. М.: РГГУ, 2016. С. 135–190.
3. Крымскотатарские арабографические грамматики конца XIX – начала XX вв. Лингвистическое наследие крымских татар. Кн. 1. Симферополь: Константа, 2017. 437 с.
4. Kırımlı H. Kırım Tatarlarında Millî Kimlik ve Millî Hareketler (1905–1916). Ankara, 1996. 242 p.

Сведения об авторе: Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Центра исламских рукописей им. Шейха Зайеда, Институт востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ilyaAugust@yandex.ru

4445/1
14

۵۹/۱۳۳/۲

خادم ملت محراب خف مجتهدی!

لکته مکتوبی مجتهد مجتهد لزل بر کوشش درج افندی طلب نامه مهیا ایدیم. بوسه زنجری مدرسه دفعه اوله امتحان
هکلیت مجتهد مجتهد اولموب مدرسه حبیب افندی آدره سی آتشد اولر ده اجرا ایدلکلی ختدره دفعه دومه
امضا بیلر داخله اولر (اعلان حقیقت) (مکتبه مراجهت) نهم مهیا ایدلر مدرسه افندی اسکی طلب لزل
امتحانده بالعلم مجتهدی ابطال نیلکلی شرع شریف مجتهدی اثبات ایدلر ایدی. بویجا ره طلب لزل ناچورده
مدرسه قبول اولموب افندی مجتهد بر محروم بر افندی لزل ها لکته هکلیت مجتهد ده رک مدرسه طلب طکر بود
برایه تشقی شانه با ایدیه جو حالدره اولموب افندی با ایدیه با ایدیه مدرسه افندی ده آدره سی بالابانه
اولموبی با ایدیه. مخصوصی بر مجتهد مدرسه افندی بولند نفوذ مکتور طلب لزل نیچیده؟ و نه سزا
مدرسه دن حبیب افندی سوال ایدیکم ده. جوابده اولر نفوذی به قدر کندی بولند بولند بولند
اگر اولر مدرسه قبول ایدیه لر آدره افندی کندی بولند بولند بولند مدرسه سفند خا خنده حرکت ایدیه
مدرسه نل افندی سبب ایدیه مجتهدی بولند دی. ده ها بولند کبی نیچیه مهیا ایدیه سوز لر سوز لر
مجتهدی با ایدیه مکتوب اولر به هکلیت بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
کوشش اولر با ایدیه مجتهدی حبیب افندی طلب لزل دیکلری کبی اگر اولر مدرسه قبول ایدیه لر لر
مدرسه کوشش بولند ایدیه دیکلی فرلا خه مانع اولر بیلر مجتهدی افندی اولر ده جو حالدره دن دیکلری
ایدیه اولر قدده طلب افندی ختبا بول افندی و لغا نل خادمک بر کوشش درج ایدیه قاضی کرام
افندی بیلر بیلر کوشش عهده ایدیه
اشه ختبا

اعلان حقیقت

مکتبه مراجهت نام بودر

بوسه زنجری مدرسه دفعه اولر امتحان هکلیت مجتهد اولموب با ایدیه مدرسه حبیب افندی
آدره سی آتشد اولر ده اجرا ایدیه مکتور امتحانده مدرسه نل اسکی طلب لزل
بویجا لزل امتحان قبول ایدیه بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
طلب لزل مدرسه نل حاله واقف اولر بولند اگر مدرسه قبول ایدیه لر لر مدرسه افندی منفعت مجتهدی
کوشه ده رک جو بولند ایدیه دیکلی فرلا خه مانع اولر بیلر مجتهدی افندی اولر کندی انتره سینه
طوفونا جو بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
و کندی خا خنده مهیا ایدیه بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
مدرسه نل علم و معارفه هکلیت بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
کندی بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
کوشی ایدیه لکته افندی بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
تنفس ایدیه بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
شرع شریف بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
ایده مدرسه کوشش بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
منفعت بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند
بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند بولند

Письмо редактору «Хадим-и Миллет» от А.М. Ганиева из Бахчисарая,
25 декабря 1907 г.

Crimean Tatars Documents in the archive of Abdureshid Mediev

Il'ya Zaytsev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article represents documents in the Crimean Tatar and Turkish languages, preserved among the papers of the Crimean Tatar public activist, deputy of the Second State Duma Abdureshid Mediev (1880–1912). These documents are now kept in the State Museum of Taurida in Simferopol. The archive consists of letters to A. Mediev from numerous correspondents (A.S. Aivazov; Ali A Tarpi; Muhammad Tukayev; Muhammad-bek Khadzhetlashe; Ahmed Saib Kaplan; Hassan Nuri, etc.). Among A. Mediev's papers there are documents of other persons in Turkish and Crimean Tatar: by A. Aivazov "Reform of Islamism"; the rules for the election of the Mufti and Qadiasker by the Taurida Mohammedan Spiritual Board etc. The originals of several legal documents from the era of the Crimean Khanate are of great interest.

Keywords: Abdureshid Mediev, Crimean Tatar and Ottoman Turkish documents, the Khanate of Crimea

For citation: Zaytsev I.V. Crimean Tatars Documents in the archive of Abdureshid Mediev. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 35–45. DOI: 10.22378/kio.2024.1.35-45 (In Russian)

REFERENCES

1. Administrative-territorial transformation in Crimea. (1783–1998). Handbook. Simferopol: Tavria Plus, 1998. p. 459. (In Russian)
2. Bessmertnaya O.Yu. who was M.B. Hadzhetlashe, or the need in deception. Who Knows... In Memory of Vladimir Nikolaevich Romanov. Edited by I.S. Smirnov; Compiled by N.Yu. Chalisova (editor-in-chief), N.V. Aleksandrova, M.A. Rusanov. Moscow: RGGU, 2016. pp. 135–190. (In Russian)
3. Crimean Tatar Arabic grammars of the late 19th – early 20th centuries. Linguistic Heritage of the Crimean Tatars. Book 1. Simferopol: Konstanta, 2017. p. 437. (In Russian)
4. Kirimli H. National Identity and National Movement among the Crimean Tatars (1905–1916). Ankara. 1996. p. 242. (In Turkish)

About the author: Ilya V. Zaytsev – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Centre of Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ilyaaugust@yandex.ru

УДК 930(477.75)

DOI: 10.22378/kio.2024.1.46-82

Насильственное переселение крымскотатарского народа в 1944 году, ликвидация Крымской АССР: национальное движение за возвращение на Родину и восстановление автономии

Рефик Куртсеитов

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова*

Аннотация. В статье рассматривается насильственное переселение по национальному признаку крымскотатарского народа и его последствия. Ликвидация социальных институтов, включая национально-территориальную автономию – Крымскую АССР, уничтожение учреждений культуры, системы образования на родном языке. Системные, правовые ограничения в местах спецпоселений и их влияние на этнокультурное развитие народа. Феномен национального движения за организованное государственное возвращение на Родину, восстановление прав, национальной автономии в соответствии с Конституцией, законодательными актами СССР.

Ключевые слова: крымские татары, Крымская АССР, выселение по национальному признаку, национальное движение, восстановление автономии

Для цитирования: Куртсеитов Р.Д. Насильственное переселение крымскотатарского народа в 1944 году, ликвидация Крымской АССР: национальное движение за возвращение на Родину и восстановление автономии // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 46–82. DOI: 10.22378/kio.2024.1.46-82

В предыдущей статье была представлена краткая история создания Крымской АССР – национально-территориальной автономии крымскотатарского народа [18]. В настоящей статье рассматривается проблема насильственного переселения крымскотатарского народа в мае 1944 года, ликвидация Крымской АССР, послевоенное положение крымских татар, их борьба за возвращение на Родину и восстановление Крымской АССР.

11 мая 1944 года Государственный комитет обороны принимает Постановление № 5859сс «О крымских татарах» на основе докладных Б. Кобулова, И. Серова, Л. Берии со сфальсифицированной информацией о том, что «20 тысяч крымских татар призвали в Красную Армию в 1941 г. – 20 тысяч дезертировали из 51 Армии», создали «Татарский национальный комитет», мобилизовали добровольцев в созданную немцами татарскую дивизию, отправляли местное нетатарское население для работы в Германию» и др.

Войска НКВД с 18 по 20 мая 1944 года выселили всех крымских татар с территории Крымской АССР, численностью от 188 до 191 тысячи человек. К этому времени уже были выселены немцы Поволжья (1941 г.), калмыки (1943 г.), карачаевцы (1943 г.), чеченцы и ингуши (1944 г.), балкарцы (1944 г.). После выселения народов их автономные образования ликвидировались.

После выселения крымскотатарского народа прошло чуть более года, 30 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Крымская АССР была преобразована в Крымскую область. В Указе постановлялось: «...Утвердить представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область РСФСР». Указ подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Через год, 25 июня 1946 года, Верховный Совет СССР принял закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область». В законе констатировалось: «Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с Советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала сопротивления этим предателям Родины. В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР ... По представлению Президиума Верховного Совета РСФСР Указами Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.
2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР»

Закон подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР И. Власов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР П. Бахмуrow».

Преобразование Крымской АССР в Крымскую область, ликвидация Чечено-Ингушской АССР, преобразование Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР, ликвидация АССР Немцев Поволжья и Калмыцкой АССР, преобразование Карачаево-Черкесской автономной области в Черкесскую автономную область и выселение коренных народов этих автономных образований рассматривались как мера коллективного наказания за коллаборацию с нацистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Соответственно были ликвидированы все политические, культурные, образовательные и другие институты насильственно выселенных народов.

Во время войны и после ее окончания бериевский миф о массовой коллаборации не имел под собой основу. После окончания войны участники и активные организаторы партизанского движения в Крыму из числа крымских татар, ветераны армии и флота провели основательную аналитическую работу об участии крымских татар в партизанском и подпольном движении в Крыму и за его пределами, военных заслугах фронтовиков. После XX съезда результаты анализа были переданы в ЦК КПСС. После происшедшей в начале текущего века архивной революции, цифровизации и доступности ранее засекреченных документов центральных военных (ЦАМО, ЦВМА) и государственных учреждений для широкой и в том числе научной аудитории исследования последних 15 лет показали никчемность бериевских мифов, с их намеренным увеличением до 9–10 раз количества коллаборантов из числа крымских татар, при полном забвении тысяч героев войны, награжденных во время войны боевыми наградами. Мифы о массовой коллаборации партийными и советскими органами Украинской ССР и подчиненными крымскими структурами использовались весь послевоенный период с целью недопущения возвращения крымскотатарского народа на Родину и восстановления Крымской АССР, с возможным возвращением в РСФСР. В настоящее время они также используются теми «исследователями», которые обслуживали партийные органы Крыма.

О том, что репрессированные народы выселены в места спецпоселений без указания «срока наказания», спохватились в феврале 1948 года. Ликвидируя эту «погрешность» сталинского режима, Президиум Верховного Совета (ПВС) СССР 26 ноября 1948 года издает Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Великой Отечественной войны». Указ гласил *«В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»*.

За самовольный выезд, побег из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру пресечения за это преступление в 20 лет каторжных работ. ...» [35]. В этом же Указе определялось уголовная ответственность, наказание за укрывание беглецов, сроком на пять лет.

Тотальное выселение народов проводилось самыми жестокими методами, для выселения одной семьи отводилось пятнадцать минут, на практике и это время сокращалось. Ко времени выселения крымскотатарского народа войсками НКВД и их начальствующим составом был накоплен «большой опыт» по выселению народов Кавказа. Выселение народов готовилось как войсковая операция, с планом окружения населенного пункта, с определением точек для установки станковых пулеметов. По постановлению ГКО, каждая семья спецпереселенцев могла взять с собой имущества весом 500 (пятьсот) килограммов, свидетельства спецпереселенцев говорят о том, что за 15 минут не удавалось вообще что-то взять, даже документы и имеющиеся ценные вещи. В настоящее время отдельные авторы, пишущие работы по данной тематике, говоря о «гуманности выселения» приводят информацию о 500 килограммах груза, которые якобы брали с собой переселенцы. Для того чтобы воочию представить это, необходимо сказать, что стандартный мешок сыпучих продуктов весит 50 килограммов, то есть у каждой семьи должно было по десять мешков груза. Выселяемый контингент состоял из женщин, детей, пожилых людей. Мужская часть, годная к воинской службе, находилась в частях Красной Армии, призванная с началом войны летом 1941 года, из призванных после освобождения в апреле 1944 года 13 тысяч мужчин, 11 тысяч были направлены в трудовую армию и 2 тысячи в действующую армию. Согласно данным журнала боевых действий 2-й Гвардейской Армии, освобождавшей Крым и одновременно проводившей мобилизацию, большинство призывников, как крымских та-

тар, так и представителей других национальностей, пришли в военкоматы добровольно, не ожидая повесток.

Вернемся к выселению. Необходимо отметить, что в условиях военного времени население, проживавшее на оккупированной территории, подвергалось разного рода издевательствам со стороны оккупантов, расстрелам коммунистов и заложников за убийство немецких офицеров и солдат. Расстрелам участников подпольного и партизанского движения, отправкой молодежи и работоспособных на принудительные работы в Германию, Австрию. Немецкие оккупанты в Крыму сожгли 127 сел, крымскотатарскую деревню Улу-Сала вместе с населением (было сожжено более 200 человек). Из 127 сожженных сел более 100 были крымскотатарскими. Отсутствие продовольствия у большинства населения было одной из главных проблем проживавших на оккупированной территории.

Освобождение от немецких оккупантов стало большим праздником, солдат-освободителей, определенных на постой в селах, кормили чем было в каждой семье. Затем солдат-освободителей заменили другими солдатами, население не имело информации о предстоящем выселении. Нашу родовую деревню – Ени-Сарай Карасубазарского района, как и другие соседние деревни, нацисты сожгли в декабре 1943 года. Перед выселением деревня лежала в руинах, к маю 1944 года только несколько домов привели в относительно жилое состояние, то есть перекрыли крыши. Мужчины были призваны в Красную Армию с началом мобилизации. 17 мая накануне выселения в деревню вернулся наш родственник, выписанный из эвакогоспиталя 24 апреля 1944 г. Ягьяев Минсеит, служивший в авиации (данные из электронного ресурса «Память народа»). 18 мая его, как и всех жителей, подвергли выселению. Состав с выселенными направили в Марийскую АССР. Ягьяев М. доехал со всеми до г. Пензы, затем вышел из вагона, сказал, что дальше не поедет, скорее всего ему необходимо было вернуться в свою часть. После этого какие-либо сведения о нем отсутствуют, только благодаря «Памяти народа», выставившей информацию о выписке из эвакогоспиталя, через 78 лет после Победы мы получили хоть какую-то информацию.

Выселение народа в товарных вагонах для скота, отсутствие питания, в некоторых составах давали пищу в виде супа один раз в несколько дней, которую выселенные называют «баландой». Отсутствие воды. Отдельные поезда к месту назначения в Среднюю Азию шли больше месяца. На станциях назначения из вагонов вываливались истощенные до крайней степени люди, заедаемые вшами, многие не могли стоять на ногах. Из воспоминаний родственника по материнской линии Дильшада Ильясова, ему было 15 лет при выселении, «...привезли на станцию г. Бекабад, уже темнело, обессиленные люди выкарабкивались из вагона, дети просили воду. Напротив вагонов состава стояли местные жители, рядом с каждым были навалены

камни. Спецпереселенцы – старики, старухи, женщины, оказавшись на земле, стали молиться. Местные, увидев наше состояние, молящихся мусульман, стали расходиться. Никто не дал глотка воды, кусочка хлеба. Подогнали телеги, спецпереселенцев стали грузить на них и развозить по колхозам. В день приезда не дали ни воды, ни еды. Воду дали только на следующий день». Через город Бекабад (ныне Беговат) протекает крупнейшая река Средней Азии – Сыр-Дарья. Через годы поэт-фронтовик, участник Новороссийского десанта Сейтумер Эмин (Эминов) напишет в своих стихах: «Беговат, ты, имея огромную реку, не дал детям глотка воды». Семья Дильшада Ильясова – отец Сеитибрагим, мама Фатма и трое братьев – официально признаны Праведниками. В начале войны, когда нацистами тотально уничтожались евреи г. Симферополя, они укрыли у себя юношу Леона Пильча. Глава семьи выправил документ на Леонида Пильчука, еврея «превратил» в украинца. Смог договориться с румынским офицером, командиром транспортной части, которого определили к ним на постой, к счастью, владевшего немного турецким языком. Этот офицер на своем грузовике вывез Леона из Крыма в Мелитополь. Так потомки известных мусульманских шейхов из Крыма спасли молодого иудея. Всех членов семьи признали Праведниками.

По данным самопереписей, осуществленных участниками национального движения в 60-х годах прошлого века и переданных в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, за первые полтора года нахождения в местах спецпоселений от голода и болезней умерло 46,2% крымских татар, эти данные никто из руководства СССР тогда не опроверг. Официальные органы дают цифры в два раза ниже. Дисперсный геноцид, совершенный над крымскими татарами в 1944–1945 гг. – закономерный результат, который можно было предвидеть руководству страны. Спецпереселенцы были выселены без средств для существования, они не могли покидать районы расселения, государственная помощь очень часто не доходила, медицинских препаратов от малярии и других заболеваний не хватало. Основной регион расселения – Узбекская ССР – и без того был перенасыщен эвакуированным населением, а также сотрудниками предприятий, заводов, учебных заведений, спецпереселенцами, выселенными ранее, тыловыми госпиталями. «Хлебный Ташкент» не был хлебным, большинство спецпереселенцев было размещено в сельской местности, в колхозах, их направляли на самые тяжелые физические работы, жильем часто служили землянки, не было мужского населения. Начался голод, инфекционные и кишечные заболевания, люди умирали семьями. В 2004–2008 гг. были записаны и опубликованы воспоминания людей, подвергшихся выселению, – «Депортация крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было» [8, 9, 10].

Насильственному выселению народов СССР посвящено достаточно много работ. Демократизация советского общества создала условия для начала массового самостоятельного возвращения крымскотатарского народа. Она способствовала публикации работ, защите диссертационных исследований. Одна из таких работ «Сталинский геноцид и этноцид крымскотатарского народа» принадлежит известному общественному деятелю, журналисту, партийному работнику, участнику национального движения за возвращение на Родину Тимуру Дагджи. В этой работе автор освещает реальные процессы, связанные с выселением и удержанием народа в местах спецпоселений, представлена нормативно-правовая база преступлений, человеческие потери, моральный и материальный ущерб, нанесенный народу [6].

Независимо от образования, занимаемого социального положения в Крыму, в местах спецпоселений крымские татары занимали самое низкое социальное положение. Исключение составляли отдельные учителя, которых в первые годы высылки вынужденно принимали на работу в сельские школы. Через несколько лет всех их уволили из-за нежелательного статуса спецпереселенца.

Осуществлялось психологическое давление на спецпереселенцев, поддерживались и распускались слухи, что спецпереселенцы являются «предателями Родины».

В опустевшие после выселения крымских татар дома в Крыму стали организовано заселять переселенцев из различных республик, которым также системно внушалось, что они получили дома и имущество «предателей».

Крымская земля, крымский культурный мир формировался на протяжении многих веков, все было связано с этногенезом, историей и культурой крымских татар. Крымские топонимы являлись ярким подтверждением этому. После чудовищной репрессии в отношении крымскотатарского народа начинается планомерная кампания изменения топонимов.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 14 декабря 1944 года были переименованы 11 районов и районных центров. Переименования избежали райцентры: г. Бахчисарай (благодаря поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»), г. Джанкой – крупная узловая железнодорожная станция, г. Ялта была переименована в Красноармейск, но вскоре городу вернули прежнее название.

Следующий этап планомерного изменения произошел на следующий год. Указом Президиум Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 года переименовали 333 населенных пункта, центры сельских Советов и сами названия сельских Советов. Следующий этап уже тотального переименования совпал с четырехлетней годовщиной начала выселения крымскота-

тарского народа. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 года изменили названия более тысячи населенных пунктов. Подавляющее большинство населенных пунктов носили крымскотатарские названия. Многие населенные пункты, в которых жили болгары, греки, армяне, выселенные в июне 1944 года, также носили крымскотатарские названия.

С первых же дней выселения крымских татар организованно была собрана вся литература на крымскотатарском языке и сожжена. Крымская АССР, как национально-территориальная республика, с титульной национальностью – крымские татары, имела всю номенклатуру партийно-политической литературы на крымскотатарском языке. Работы классиков марксизма-ленинизма, официальные партийные и советские издания, в качестве примера можно привести «Краткий курс истории ВКП(б)» на крымскотатарском языке, что является показателем развитости одного из двух государственных языков республики и выполняемой им функции. Была переведена на крымскотатарский язык художественная литература, прежде всего русская и мировая классика, особое место в этом ряду занимают романы многих советских писателей. В автономии издавались помимо областных партийных изданий районные газеты, а также художественные издания. В республике функционировало около четырехсот школ разных уровней с крымскотатарским языком обучения. Немногие народы СССР до войны имели полную среднюю школу на родном языке. В настоящее время вся эта учебная и учебно-методическая литература, как обязательные экземпляры, сохранилась в фондах государственных библиотек Москвы и Санкт-Петербурга.

В 1954 году преступления против крымскотатарского народа, начатые в 1944 году, продолжились и заложили новые условия для его невозвращения на историческую Родину и этническую деградацию в местах спецпоселений.

Президиум ЦК КПСС на своем заседании 25 января 1954 года под председательством Маленкова Г.М., при участии членов Президиума ЦК – Хрущева Н.С., Ворошилова К.Е., Булганина Н.А., Кагановича Л.М., Микояна А.И., Сабурова М.З., Первухина М.Г., кандидатов в члены Президиума ЦК – Шверника Н.М., Понаморенко П. К., секретарей ЦК КПСС – Суслова М. А., Поспелова П. Н., Шаталина Н. Н., рассмотрели вопрос «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР».

Президиум ЦК КПСС принял решение:

1. Утвердить с поправками, принятыми на заседании, прилагаемый **проект Указа Президиума Верховного Совета СССР** о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

2. Признать целесообразным провести специальное заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассмотреть совместное представление Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Протокол о принятом решении подписал Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев [14].

Возникает вопрос: когда заседал Президиум Верховного Совета СССР и какой он представил проект указа о передаче Крымской области на заседание Президиума ЦК КПСС?

Проект Указа Президиума Верховного Совета СССР рассматривался на заседании Президиума ЦК КПСС 25 января 1954 года, Президиум Верховного Совета РСФСР обратился с предложением о передаче Крымской области в Президиум Верховного Совета СССР только 5 февраля 1954 года, издав соответствующее постановление и вынеся его на утверждение Президиума Верховного Совета СССР [31].

В этот же день 5 февраля 1954 г. Совет Министров РСФСР принял решение о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР [30].

Только 13 февраля 1954 года Президиум Верховного Совета Украинской ССР принял Постановление «О представлении Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу передачи Крымской области в состав Украинской ССР». В Постановлении констатировалось: «Обсудив представление Президиума Верховного Совета Российской СФСР по вопросу передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, внесенное на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, Президиум Верховного Совета Украинской ССР со своей стороны считает, что передача Крыма Украинской ССР, учитывая общность их экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи, вполне целесообразна и является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу. ...» [29].

По решению Президиумов Верховных Советов РСФСР и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета СССР 19 февраля 1954 г. передал территорию незаконно ликвидированной Крымской АССР из состава РСФСР в состав Украинской ССР.

Из стенограммы заседания Президиума Верховного Совета СССР 19 февраля 1954 г. – выступили:

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Тарасов Михаил Петрович: *«Крымская область, как известно, занимает весь Крымский полуостров и территориально примыкает к Украинской Республике, являясь как бы естественным продолжением южных степей Украины. Экономика Крымской области тесно связана с экономикой Украинской ССР. По географическим и экономическим соображениям передача Крымской об-*

ласти в состав братской Украинской Республики является целесообразной и отвечает общим интересам Советского государства. Украинский народ издавна связал свою судьбу с русским народом. В течение многих веков они совместно боролись против общих врагов – царизма, крепостников и капиталистов, а также против иноземных захватчиков. С победой Великой Октябрьской Социалистической революции ещё более упрочилась многовековая дружба украинского и русского народов, ещё более окрепла хозяйственная и культурная связь между Крымом и Украиной».

Член Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Шараф Рашидович Рашидов: *«...Передача Крымской области в состав Украинской ССР происходит в знаменательные дни, когда весь народ отмечает 300-летие воссоединения Украины с Россией, и явится новым ярким проявлением мудрой национальной политики Коммунистической партии, направленной на всемерное развитие и процветание творческих и духовных сил всех народов нашей страны. Это возможно только в нашей стране, где нет национальной розни и национальных противоречий, где жизнь всех советских людей протекает в обстановке мирного созидательного труда во имя мира и счастья всего человечества, где забота о человеке является высшим законом Советского правительства и Коммунистической партии. Я горячо поддерживаю совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета Украинской ССР о передаче Крымской области в состав Украинской Советской Социалистической Республики».*

Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР Куусинен Отто Вилггельмович: *«...Только в нашей стране возможно, чтобы такой великий народ, как русский народ, без всяких колебаний великодушно передал другому братскому народу одну из ценных областей».*

Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Президиума ЦК КПСС Климент Ефремович Ворошилов: *«...Этот знаменательный акт большого государственного значения лишний раз подтверждает, что отношения между суверенными союзными социалистическими республиками в Союзе ССР основаны на подлинном равноправии и действительном понимании и уважении взаимных интересов, направленных на процветание всех союзных республик. При капитализме это было бы невозможно! Крымская область по своему историческому развитию, по своему территориальному и экономическому положению имеет важное значение для всего Советского государства. И в далеком и в недалеком прошлом враги неоднократно пытались отнять у России Крымский полуостров, использовать его для грабежа и разорения русских и украинских земель, создать там базу для нападения на Россию и Украину. Но русский и украинский на-*

роды в совместной борьбе не раз жестоко били наглых захватчиков и выбрасывали их вон из пределов Украины и Крыма. Украина и Крым тесно связаны общностью экономических интересов, – об этом здесь уже было красноречиво сказано как докладчиками, так и выступающими товарищами. Культурные связи между Крымом и Украиной особенно возросли и углубились. Передача Крымской области в состав Украинской ССР несомненно еще больше укрепит эти традиционные связи».

От имени Украинской ССР выступил Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Демьян Сергеевич Коротченко: *«...Президиум Верховного Совета Украинской ССР полностью разделяет предложение о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской ССР, которое здесь изложено Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР т. Тарасовым.*

Президиум Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики выражает свою сердечную благодарность великому русскому народу за тот исключительно замечательный акт братской помощи, о котором идет речь на сегодняшнем заседании.

Передача Крыма Украинской ССР, учитывая общность экономического развития, территориальную близость и крепнущие хозяйственные и культурные связи между Украинской Республикой и Крымской областью, вполне целесообразна и является величайшим дружественным актом, свидетельствующим о безграничном доверии и любви русского народа к украинскому народу. Украинский народ хорошо знает, что быть в дружбе с великим русским народом, со всеми народами нашей страны – значит победоносно идти по пути, указанному Коммунистической партией, по пути свободной и счастливой жизни, по пути к коммунизму...

Президиум Верховного Совета Украинской ССР просит Президиум Верховного Совета СССР утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Президиума Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики о передаче Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Это решение с благодарностью будет встречено всем украинским народом.

Позвольте мне заверить вас, что со стороны украинского правительства будет уделено должное внимание дальнейшему развитию народного хозяйства Крыма и повышению материального и культурного благосостояния трудящихся Крымской области...»

Все участники совместного заседания Президиумов Верховного Совета РСФСР и Украинской ССР, Президиума Верховного Совета СССР были едины в оценке дружбы советских народов, общей истории, победы над

врагами, но ни словом не вспомнили крымскотатарский народ, коренной народ территории, которую передали из РСФСР в УССР, который в это время выживал в условиях комендантского режима.

Этим актом высшее политическое руководство СССР во главе с Г. Маленковым и Н. Хрущевым, а также руководством Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, Верховного Совета Украинской ССР намеренно создали условия для системных ограничений и отрицания права крымскотатарского народа на родную землю.

Позорнейший акт в истории СССР, названный крымскотатарским народом «Мюнхен 1954 года», явился одним из действий повлекшим в дальнейшем дезинтеграцию СССР.

Торжественно передают территорию незаконно ликвидированной Крымской АССР – РСФСР, крымскотатарский народ, как и другие репрессированные народы, в это время находятся в местах спецпоселений, большая часть на территории Узбекской ССР, где от голода и болезней за первые полтора года умерло почти половина выселенных, в основном дети, старики, женщины, руководитель Верховного Совета Узбекской ССР, будущий Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, поэт-писатель Ш. Рашидов выступает за передачу Крыма из одной республики в другую. После этого «дарения» руководство Узбекской ССР будет принимать системные, координированные меры совместно с руководством Украинской ССР по удержанию спецпереселенцев на территории республики, используя почти полвека трудовые, интеллектуальные ресурсы крымскотатарского народа. Крымскотатарский народ оставит в этой республике за бесценное все недвижимое имущество после начала самостоятельного возвращения на Родину в начале 90-х годов прошлого века. Узбекистан не окажет никакой материальной помощи возвращающемуся на Родину крымскотатарскому народу, большая часть судебных процессов над участниками национального движения крымскотатарского народа проходила в столице Узбекской ССР г. Ташкенте, руководитель республики об этих процессах знал и не только.

Через два года, на состоявшемся с 14 по 25 февраля 1956 года XX съезде КПСС, в его заключительный день на закрытом заседании с докладом «О культе личности и его последствиях» выступил руководитель государства и партии Н. Хрущев. По преступлениям в отношении целых народов сказал следующее: *«Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих*

родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. (Смех, оживление в зале)» [12].

Н. Хрущев в своем докладе не упомянул крымских татар и Крымскую АССР, как и немцев Поволжья и АССР Немцев Поволжья. Чисто технически при упоминании Чечено-Ингушской АССР не мог не назвать Крымскую АССР. Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР» был принят 30 июня 1945 года. Следующим этапом стало принятие 25 июня 1946 года единого закона «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область».

28 апреля 1956 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в годы Великой Отечественной войны». Указ о снятии режима спецпоселений состоял из двух частей, первая часть снимала ограничения по спецпоселению, а вторая часть гласила «снятие ограничений... не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они **не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены**». Таким образом высший законодательный орган СССР лишал целые народы их исторической Родины и всего того, что с ней связано [34].

В начале апреля 1956 года группа коммунистов, участников Великой Отечественной войны, партизанского движения, среди них бывший третий секретарь Крымского обкома, бывший комиссар Восточного соединения крымских партизан Рефат Мустафаев, бывший руководитель писательской организации Крымской АССР, боевой офицер-кавалерист Шамиль Алядин, бывший секретарь Ялтинского райкома, бывший комиссар Южного соединения крымских партизан Мустафа Селимов, Амет-Усни Пенерджи (до войны работал председателем Судакского райисполкома, Измаил Хайруллаев (до войны председатель Алуштинского райисполкома, во время войны комиссар четвертой бригады Южного соединения партизанских отрядов Крыма обратились в Президиум ЦК КПСС с просьбой восстановить довоенный статус крымскотатарского народа в единой семье народов СССР. Вернуть народ на Родину, восстановить автономию в составе Украинской ССР, в свете решений XX съезда КПСС и опубликованных после съезда завещаний В.И. Ленина по национальному вопросу. Это единственное обращение, где крымские татары предлагали восстановить Крымскую АССР

в составе Украинской ССР. Крымские татары не хотели становиться яблоком раздора между украинским и народами РСФСР. Руководство Украинской ССР было категорически против решения крымскотатарской проблемы. Руководители партизанского движения – крымские татары обращались к легендарному партизану, дважды Герою Советского Союза Сидору Ковпаку, который занимал должность заместителя председателя Президиума Верховного Совета Украинской ССР, результат был отрицательный.

Президиум ЦК КПСС 24 ноября 1956 года под грифом «совершенно секретно» принимает Постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов», с приложением порядка его реализации [26]. Из названия постановления явствует, что автономии крымскотатарского народа и немцев Поволжья по нему не восстанавливаются (Крымскую АССР и АССР немцев Поволжья). В преамбуле этого Постановления констатируется и показывается, какой урон нанесло выселение народам, но не упоминая крымскотатарский, подробно расписываются механизмы восстановления автономий народов. Для коренного народа Крыма в этом Постановлении важное значение имел пункт № 6, касающийся крымских татар. Привожу его полностью.

«Признать нецелесообразным предоставление национальной автономии татарам, ранее проживавшим в Крыму, имея в виду, что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения, и что в составе РСФСР имеется татарское национальное объединение – Татарская АССР, а также то, что в настоящее время территория Крыма является областью Украинской ССР.

Вместе с тем, учитывая стремление части татар, ранее проживавших в Крыму, к национальному объединению, разъяснить, что все, кто пожелает, имеют право поселиться на территории Татарской АССР.

Обязать Совет Министров Татарской АССР и Татарский обком КПСС оказывать необходимую помощь в хозяйственном и трудовом устройстве татарскому населению, которое будет прибывать на постоянное место жительства в республику».

Проанализируем то, что уму поддается:

1. Постановление издано под грифом «секретно», широкая общественность о его содержании не имела представления.

2. «... в составе РСФСР имеется татарское национальное объединение – Татарская АССР». Один из народов РСФСР имеет автономную республику. При чем тут крымскотатарский народ, который является самостоя-

тельным и исторически проживает за более чем тысячу километров от Татарской АССР?

3. «...что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения». В Крымской АССР проживали крымские татары, а также русские – государствообразующий народ на всей территории РСФСР, все остальные этнические общности являлись диаспорами, имеющими за пределами Крымской АССР свои государства или республики в составе СССР. Во всех национально-государственных образованиях СССР проживали представители многих народов.

4. «... а также то, что в настоящее время территория Крыма является областью Украинской ССР». Те члены Президиума ЦК КПСС которые двумя годами ранее, передали этническую территорию крымскотатарского народа из состава РСФСР в состав УССР, объясняют невозможность возвращения целого народа административными изменениями в рамках СССР, которые они же и произвели. Таким образом, Украинская ССР, только для крымских татар оказалась за «железным занавесом».

5. «...Обязать Совет Министров Татарской АССР и Татарский обком КПСС оказывать необходимую помощь в хозяйственном и трудовом устройстве татарскому населению, которое будет прибывать на постоянное место жительства в республику». Часть крымских татар, по мнению членов Президиума ЦК КПСС, должна ассимилироваться в Татарской АССР, часть в местах спецпоселений в тюркских республиках Средней Азии. «Нет народа, нет проблемы».

Четвертый пункт постановления был единственной причиной невозвращения крымскотатарского народа на Родину в Крым.

Вся партийно-советская элита из года в год, как до войны, так и после войны, летом отдыхала в санаториях, государственных дачах на Южном берегу Крыма. В южнобережном регионе, где до выселения в структуре населения крымские татары составляли до 80%, у которых забрали землю как средство производства, все недвижимое и движимое имущество. Как эти люди чувствовали себя, глядя на дома крымских татар, виноградники и сады, посаженные ими?

Руководитель Компартии Узбекистана Мухитдинов М.А. 17 декабря 1956 года собирает на встречу в ЦК КП Узбекистана в количестве двадцати человек известных коммунистов – крымских татар, доводит содержание Постановления Президиума ЦК КПСС, что возвращения народа не будет, и то, что в республике будут создаваться условия для развития культуры. Ответ коммунистов крымских татар был единогласно отрицательным. Второй раз Мухитдинов М. А. уже 5 января 1957 года собирает в ЦК КП Узбе-

кистана группу коммунистов – крымских татар в количестве уже 50 человек. Состоялось серьезное обсуждение проблемы, крымские татары аргументированно ответили руководителю партийной организации республики, почему они будут добиваться возвращения [32]. После выхода Постановления Президиума ЦК КПСС руководство Украинской ССР устанавливает для крымских татар (постановление Совета Министров УССР от 15 декабря 1956 г. под грифом «секретно») режим полного запрета на пребывание на территории республики [11].

С этого времени этноним «крымские татары» заменяется на «татары, проживавшие в Крыму», «крымскотатарский язык» на «татарский». В г. Ташкенте начинают издавать газету «Ленин байрагы» («Ленинское знамя»), без указания языка издания. В газете не освещаются крымскотатарская проблематика и словосочетания со словом «Крым». Крымскотатарский народ и крымскотатарский язык убираются из перечня народов и языков СССР. Убирается информация из справочников и научной литературы этнографического характера. В художественной литературе в выходных данных указывается язык «татарский». Очевидным становится то, что руководство СССР берет курс на «упразднение» «татар, ранее проживавших в Крыму». Созданный в 1957 году в Ташкенте ансамбль песни и танца в афишах, представляется «татарским». Через 11 лет, в 1968 году, в Ташкентском педагогическом институте была открыта специальность «татарский язык и литература» со специализацией «русский язык и литература», и этот язык указывался в дипломах выпускников. Фактически это был «крымскотатарский язык и литература». Студентам и преподавателям запрещалось называть язык и литературу «крымскотатарскими».

Опираясь на решения XX съезда КПСС, начинает разворачиваться национальное движение крымских татар за возвращение на Родину и восстановление погрязших прав.

С целью недопущения крымских татар и нерешения крымскотатарской проблемы организует обращения жителей Крыма в центральные партийные органы страны письма с требованиями невозвращения крымских татар. Ярким примером этой кампании стало письмо первого секретаря ЦК Компартии Украины П. Шелеста в ЦК КПСС в 1966 году о нецелесообразности возвращения, аргументируя свою позицию тем, что во время войны «35 тысяч крымских татар воевало против Советской власти и тысячи помогли им» [24].

П. Шелест превзошел фантазии Л. Берии в два раза. Партийное руководство Крымской области организовывало такие же письма от бывших командиров крымских партизан. В партизанских отрядах воевали представители многих народов. Из 12 500 партизан, прошедших по спискам отрядов, примерно 6500 составляли военнослужащие из разбитых частей Крас-

ной Армии, 6000 были жителями Крыма, из них 1308 были крымскими татарами. Эту проблему исследовал доктор исторических наук В.Е. Поляков, представил в своей работе пофамильно всех крымских партизан и их награждения орденами и медалями [25]. Севастопольский исследователь А.В. Неменко в своих многочисленных монографиях по данным журналов боевых действий как советских, так и немецких и румынских частей показал весь ход военных действий на полуострове, в том числе партизанской борьбы [20, 21, 22]. Свой вклад в исследование данной проблемы вносит и автор данной статьи, обработавший 35 367 наградных документов в целом и 3550 награждений воинов крымских татар из фондов военных архивов Российской Федерации по Крымской АССР, был опубликован второй том книги «Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в которой первая глава посвящена военному подвигу крымских татар [17]. За последние десять лет автор данной статьи принял участие в работе десятков научных конференций, посвященных военной тематике, и опубликовал статьи исключительно по источникам военных архивов.

П. Шелест был информирован, что руководство СССР планирует решить крымскотатарскую проблему. Его пасквиль выступал в качестве упреждающей информационной атаки. П. Шелест не был исключением, все первые руководители Компартии Украины вплоть до распада СССР вели себя таким образом, использовали все возможности КГБ при Совете министров Украинской ССР. На это же в своих воспоминаниях указывает начальник 5-го управления, заместитель Председателя КГБ СССР генерал-армии Ф. Д. Бобков, опубликованных в 1995 году и переизданных в 2019 году [1].

В апреле 2021 года в журнале «Национальная оборона. Спецслужбы» была опубликована статья ветерана того же 5-го управления КГБ СССР Олега Павлова под названием «“Крымскотатарский вопрос” в СССР: вымыслы и реальность» [23]:

«...Политическая значимость, чувствительность для безопасности государства и острота этой проблемы обуславливали постоянное внимание к ней со стороны органов КГБ СССР в течение нескольких десятилетий, вплоть до 1991 г.

Крымские татары – один из необоснованно репрессированных и выселенных в 1944 г. на спецпоселение народов, у которого в те годы не была восстановлена существовавшая до войны автономная государственность. Более того, хотя они и были политически реабилитированы, но многие их права, в том числе право проживать в Крыму, откуда они были насильственно выселены, явно продолжали нарушаться... Восстановление исторической справедливости требует знания правды, прежде всего о

причинах и обстоятельствах выселения татар из Крыма в 1944 г. Мне довелось в архивах КГБ и КПСС изучать архивные секретные и сов. секретные материалы времен войны, из которых ясно видно, что обвинения всего крымскотатарского народа в поголовном предательстве были лживыми, необоснованными, а иногда преднамеренными и целенаправленными.

Достаточно сказать, что фашистами в Крыму в годы оккупации в качестве карателей, полицейев, агентов гестапо, пособников и т.д. использовались предатели всех без исключения живших там народов: русские, украинцы, крымские татары, греки, армяне, болгары и др. А процент каждой из «национальных групп» в общем числе выявленных после освобождения Крыма и арестованных предателей практически совпадал с процентным соотношением национальностей среди населения Крымской АССР согласно последней предвоенной переписи населения.

Состав коллаборационистов был национально пестрым, как и все население полуострова. В городах и районах оккупированного Крыма существовали русские, украинские, мусульманские (крымскотатарские), греческие, болгарские и армянские «национальные комитеты», которые находились под контролем гестапо и армейского командования. В Крыму в годы оккупации дислоцировались созданные фашистами отряды, в которых было около 30 тыс. «добровольцев». В том числе 12 власовских батальонов, полк «Бергман» из кавказцев, туркестанский, северокавказский, армянский, грузинский и азербайджанский легионы, а также несколько батальонов и рот (всего до 4 тыс. человек), сформированных в основном из крымских татар» [23].

В результате всенародной борьбы крымскотатарского народа за возвращение на Родину и восстановление Крымской АССР Президиум Верховного Совета СССР 5 сентября 1967 года издает Указ «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», в первом пункте которого: «отменить соответствующие решения государственных органов в части, содержащей огульные обвинения в отношении граждан татарской национальности, проживавших в Крыму. Во втором пункте: «...Отметить, что татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных республик... издается газета, работают в хозяйственных и партийных органах...» [36].

Указ упразднял этноним «крымские татары», в нем не говорилось о возвращении на родную землю и восстановлении национальной автономии.

Одновременно с Указом ПВС СССР от 5 сентября 1967 года в этот же день издается Постановление Президиума Верховного Совета, которое разъясняет, «что граждане татарской национальности, ранее проживавшие

в Крыму, и члены их семей пользуются правом проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме» [28].

Режим прописки негласно вводился на всей территории Крымской области исключительно для крымских татар, это вылилось в самую настоящую этническую сегрегацию и самый настоящий террор в отношении возвращающихся крымских татар. В сборник документов, состоящий из двух частей, «Крымские татары: путь возвращения. Крымскотатарское национальное движение (вторая половина 1940-х – начало 1990-х годов) глазами советских спецслужб», вошли 179 рассекреченных и опубликованных документов КГБ при Совете Министров Украинской ССР, где есть отдельные документы КГБ при Совете Министров СССР, а также отдельные документы национального движения крымских татар. Содержание документов наглядно демонстрирует позицию руководства Украинской ССР по крымскотатарской проблеме, действия направленные по недопущению представителей крымскотатарского народа на свою историческую территорию – Крым, методы выдворений, судебные процессы над «нарушителями паспортного режима». Особо следует выделить борьбу спецслужб с «автономистами» [16].

Среди документов можно выделить обращение крымскотатарского народа к XXV съезду КПСС:

«Народ крымских татар в десятках тысяч индивидуальных и коллективных писем и более 70 основных документах, скрепленных около двумя миллионами подписей крымских татар, информировал ЦК КПСС и Советское правительство о своем неистребимом желании вернуться на Родину, просил решить свою национальную судьбу в рамках ленинской национальной политики.

Вот неполный список этих основных документов:

1. *Обращение к XXII, XXIII съездам партии (скреплены подписями более двухсот тысяч крымских татар).*
2. *Обращения к сессиям Верховного Совета СССР (осень 1965–66 гг., осень и весна 1967–68 гг., осень 1969 г., весна 1970–71–72–73 гг.).*
3. *Заявление молодежи и детей крымскотатарского народа о своем неравноправном положении (к 50-летию Октябрьской революции).*
4. *Обращение к партии и правительству крымскотатарских женщин (1965 г.).*
5. *Обращение интеллигенции (1966–67–68–69 гг.).*
6. *Обращение коммунистов – крымских татар (1965–66 гг., 1968–69 гг.).*

7. Запросы в адрес правительства (1969–70–71–72–74 гг.) с просьбой ответить по существу ранее поданных документов, скрепленных более чем 250 тысячами подписей.

8. Обращение в связи с 45–50 годовщинами образования Крымской АССР.

9. Всенародный протест судам и судилищам (1968 г.).

10. Судебный фарс над полномочным представителем крымскотатарского национального движения Джеппаром Акимовым (1974 г.).

11. Материалы переписи живых и мертвых.

12. Историческая справка о гибели 46,2% нации в спецпоселениях за 1944–45–46 гг.

13. Историческая справка об участии крымскотатарского народа в войне 1941–45 гг.

14. Заявление по факту фальсификации материалов государственной переписи населения 1970 г. в отношении крымскотатарского народа (1971 г.).

15. Заявление по поводу пресс-конференции о захоронениях в совхозе «Красный» (1971 г.).

16. Информация о республиканских встречах крымских татар (всего 26) и целый ряд других документов.

В этих документах народ разоблачил борьбу, которую из года в год карательные органы государства ведут против национального движения, против стремлений и чаяний. Однако, ни один из документов не доведен до сведения широкой общественности в СССР. Вся информация, исходящая от национального движения крымскотатарского народа и адресуемая партии, задерживается и не пропускается». [13, с. 34–36].

Из всенародного протеста «Прекратить произвол и позорные репрессии, вернуть крымскотатарский народ на родную землю! Апрель 1969 г.»:

«...Решения XX съезда КПСС мало чего изменили в драматическом положении крымскотатарского народа. Ничего хорошего ему, как народу, не принесли также XXI и XXII съезды партии.

Мы с большой верой ждали XXIII съезд КПСС. Он осудил волюнтаристский, субъективистский подход прежнего руководства к историческим явлениям, наметил некоторые явления в политическом курсе страны.

Однако наши надежды на этот форум опять не оправдались. Наоборот, после XXIII съезда партии крымскотатарскому народу безжалостно наносятся все новые и новые удары. Против крымских татар, требующих только возвращения на родную землю и восстановления человеческого равноправия, с 1965 г. обрушиваются одна за другой волны репрессий и преследований. Нас подвергают самому жестокому обращению и насилию,

моральным и экономическим пыткам, шантажу, чтобы заставить отречься от национальной родины и укорениться на чужбине.

Этот зловеющий политический террор вот уже пятый год не прекращается. Морально «убиты» и замучены тысячи людей, сотни безосновательно осуждены по сфабрикованным ложным обвинениям и брошены в тюрьмы и лагеря. Десятки крымских татар томятся в застенках КГБ и МВД под следствием, против них готовятся очередные фальшивки для расправы.

В Ташкенте с августа месяца 1968 г. содержатся за тюремной решеткой Муратов Рамазан – партизан Отечественной войны, комсомолки Халилова Муниро, Аметова Светлана; Гафаров Ридван – инвалид Отечественной войны; Хаиров Иззет – член КПСС; Умеров Риза – участник Отечественной войны; Бариев Айдер; Кадыев Ролан – преподаватель ВУЗа; Языджиев Исмаил – участник Отечественной войны; Байрамов Решат, а в Симферополе Баев Гомер, инженер...» [4, с. 247–248].

В эти годы тысячи непрописанных крымских татар были повторно выселены с территории Крымской области. По данным Краснодарского крайкома партии, если в крае в 1970 году проживало 9000 крымских татар, то к 1987 году их численность возросла до 24 тысяч, в справке дана динамика численности по годам [15].

В это же время в Крымской области установили жесточайший запрет на прописку крымских татар, оформление купленных домов, даже в самых отдаленных степных селах. Не трудоустраивали без прописки, не прописывали без трудоустройства. Создали порочный круг, который невозможно было преодолеть. Режим прописки, действовавший в отношении крымских татар, даже после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года не только сохранялся до начала массового возвращения крымскотатарского народа на историческую Родину, но и был усилен Постановлением Совета Министров СССР № 700 от 15 августа 1978 года.

Прописка в Крымской области для крымских татар стала системой национального подавления, унижения и полного бесправия. Отдельные семьи жили без прописки по десять и более лет, то есть без права на труд, образование, человеческое развитие.

О том, что из себя представляла прописка в те годы и годы массового возвращения, честно и откровенно написал в своих воспоминаниях бывший заведующий идеологическим отделом Крымского обкома Компартии Украины, а ныне руководитель Общественной палаты Крыма А.А. Форманчук: *«Нужно честно признать, что прописка в советское время была достаточно действенным рычагом регулирования миграционных процессов и использовалась властями в качестве оружия принуждения населения к определённому порядку. Разумеется, что мы не могли не использовать*

такое оружие в целях принуждения крымских татар к такой схеме их расселения, которая бы в первую очередь устраивала власти.

Поэтому схема расселения возвращающихся крымских татар не была и не могла быть ориентирована на их поселение там, откуда они были депортированы.

Одним словом, мы сознательно предложили схему расселения возвращающихся крымских татар, согласно которой основная часть их должна была проживать в сельских районах. При этом в каждом из таких районов доля крымских татар не могла превышать 25 процентов от общей численности населения. Понятно, по каким причинам определялась такая цифра: недопустимо, чтобы крымские татары влияли когда-либо на результаты выборов местных органов власти в свою пользу» [37].

А. Форманчук ведет речь о прописке как оружию до 1989 года, а также применении института прописки при расселении уже после принятых Верховным Советом СССР 14 ноября 1989 года Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». С целью организованного возвращения была разработана схема расселения крымских татар. По этой схеме большинство должно было расселяться дисперсно в степных районах Крыма.

Режим прописки в СССР устанавливался для городов Москвы и Ленинграда, а также для «асоциальных элементов».

После принятия указа ПВС СССР от 5 сентября 1967 года, был установлен негласный запрет на поступление крымских татар в высшие и среднеспециальные учебные заведения Крыма, регистрацию браков крымских татар, если один из будущих супругов не является прописанным в Крымской области. Несмотря на эти меры, крымские татары поверившие указу, стали массово переезжать на территорию Крымской области и подвергаться самому что ни есть этническому террору. Режим прописки не делал исключения, не прописывали исключительно по национальному признаку крымских татар, в том числе ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны. В документах КГБ при Совете Министров Украинской ССР проходит информация, сколько непрописанных крымских татар проживает в Крымской области и сколько среди непрописанных ветеранов Великой Отечественной войны, а также награжденных орденами и медалями СССР. Отдельные послабления после многих лет проживания без прописки делались для ветеранов войны. Особо жестоким мерам ограничений подвергались активисты национального движения, в документах спецслужб их называли «автономисты». Следует особо отметить, что «автономисты» это наиболее подготовленные в идеологическом отношении люди, они апеллировали к советским законам, решениям партийных съездов, как правило

были членами КПСС. Запрет на прописку, существовал в отношении крымских татар, в это же время Крымская область с середины 50-х годов до начала 80-х переселила более 450 тысяч переселенцев в основном из областей Украинской ССР, предоставив им бесплатное построенное жилье, предоставляла различные льготы. Во всех областях республики проводилась пропагандистская кампания по организации переезда в Крымскую область.

В ЦК КПСС, Верховный Совет СССР и другие центральные органы крымскими татарами направлялись многочисленные делегации народных представителей, представляющие все его слои. Каждый народный представитель на руках имел НАКАЗ НАРОДА с большим количеством подписей делегировавших его людей. Что из себя представлял НАКАЗ НАРОДА?

НАКАЗ НАРОДА

(принят на первой всесоюзной встрече (народных представителей) в 1965 году, передан с 65 тыс. подписями руководству страны и получил поддержку).

Содержание национального вопроса крымских татар является восстановлением естественно исторического и национального статуса народа. Никакого другого содержания он не имеет. Сущностью ленинского решения этого вопроса являются:

1. *Организованное государственное возвращение народа на свою национальную территорию – Крым.*

2. *Компактное расселение там во всех местах исторического проживания.*

3. *Восстановление декрета революции – Декрета Ленина от 18 октября 1921 года о Крымской АССР – национальной социалистической государственности крымскотатарского народа.*

4. *Возвращение всего, что захвачено, возмещение всего, что растоптано выселением и десятилетиями высылки. Полное и безусловное восстановление национального равноправия крымских татар, создание условий скорейшего преодоления деградации языка, культуры, фальсификации истории, последствий дискриминаций во всех сферах.*

5. *Любые иные решения являются фактическим стремлением увековечить злодеяния врагов социализма в 1944 году, протащить идею антиленинской культурно-национальной автономии и решительно отвергаются крымскотатарским народом. Любой представитель, выразивший своё несогласие с изложенным в этих пунктах, в какой бы то форме, месте и причине это ни произошло, автоматически перестаёт быть представителем народа и утрачивает его доверие [19, с. 30].*

С 1967 года по 1989 на территории Крымской области, пройдя все ужасы ограничений, погромных выселений из купленных на собственные средства домов, в которых не прописывали, проживало только 13 тысяч крым-

ских татар, в подавляющем большинстве в сельской местности, степных и предгорных районах. В прилегающих к полуострову Херсонской и Запорожской областях – 16 тысяч, в Краснодарском крае – 24 тысячи человек.

Начало демократизации в СССР вызвало новый подъем национального движения крымскотатарского народа за возвращение на Родину, который поддержали многие представители народов СССР, прежде всего известные писатели, поэты, представители творческой интеллигенции. Избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева, начавшиеся перемены в стране актуализировали решение крымскотатарской проблемы. Летом 1987 г. в Москву съехались сотни представителей крымскотатарского народа, требуя встречи с руководителем государства. Советские руководители принимали посланцев всех стран и континентов, но ни разу крымскотатарскую делегацию. Крымскотатарские делегации начиная с 1958 года принимали член Президиума ЦК КПСС А. Микоян, министр МВД СССР Н. Щелоков, председатель КГБ СССР Ю. Андропов, генеральный прокурор СССР А. Руденко и др. Открытость М. С. Горбачева вселяла уверенность, что обсуждение проблемы состоится.

При обсуждении на заседании Политбюро ЦК КПСС крымскотатарской проблемы 30 июня 1987 года дискуссия между М.С. Горбачевым и А.И. Лукьяновым показывает уровень дезинформированности первых руководителей государства по вопросу участия крымских татар в Великой Отечественной войне и фактах «коллаборации крымских татар»:

Лукьянов: «За этим обращением 350 000 тысяч человек. Между прочим, среди татар в Крыму было много предателей».

Горбачев: «А где не было предателей? А власовцы кто?»

Лукьянов: «Была целая татарская дивизия в Вермахте».

Горбачев: «Была и калмыцкая дивизия в Ставрополе. Но восстановили же Калмыцкую АССР. Было ли со стороны татар в Крыму что-то чрезвычайное? Часть сотрудничала с немцами, часть воевала в Красной Армии. И много героев среди них. За 44 года с тех пор в центре скопилось 50 томов с подписями **с просьбой возвращения в Крым**. (Выделено нами). А в Узбекистане, где крымских татар 240 тысяч, нельзя образовать что-то компактное с правами автономии?»

Чебриков: «Попытка была». (Создать в 1978 году в Кашкадарьинской области автономный округ с центром Мубарек. – *Прим. Р. Куртсеитова*)

Горбачев: «А что ты сам думаешь об этом?»

Чебриков: «Мы уже 20 лет с этой проблемой сталкиваемся. Думаю в Крыму образовать автономный округ, иначе к вопросу придется без конца возвращаться, но Щербицкий – против».

Горбачев: «Это тоже демократия...»

Чебриков: «Ведь татары где попало селиться не будут. Им давай Южный берег. Возвращается татарин и говорит: «Это мой дом, будь ты русский или украинец». Одновременно нужно решать вопрос с немцами. Их 2 млн., куда мы не уйдем от решения. Проблема назрела и перезрела».

Соломенцев: «Я за то, чтобы с немцами решать, хотя вопрос не простой. Но мы же признали, что выселение немцев было неоправданно. Всех ведь вернули: черкесов (чеченцев), ингушей, калмыков, карачаевцев. А немцев не пускают в Крым обратно. Что касается Крыма, то я не за автономный округ.

Посмотрите на национальный состав до войны: украинцев тогда было 13%, теперь 26%, русских тогда было 49,6, теперь 68,2. Хрущев передал Крым Украине, и мы все помним, что под аплодисменты это не шло. Севастополь ведь город русской славы. Автономный округ – это убогодочное решение. Пусть я максималист, но ведь у нас есть хороший декрет, подписанный Лениным, мы же стремимся жить по Ленину. Так вот нужно опираться на этот старый декрет. И никто не будет обижен: ни русский, ни украинец. Почему они должны обижаться? То есть Крым как часть РСФСР».

Горбачев: «То есть ты имеешь в виду, что Крым вернем в РСФСР, раз по Ленину? А ведь Подгорнов, помните, требовал Краснодарский край, Кубань отдать Украине, поскольку казаки там украинского происхождения. Из политической и из исторической точки зрения возвращение Крыма в Россию было бы правильно. Будет, конечно, недовольство со стороны Украины» [7, с. 155–156].

В этом обсуждении доктор юридических наук А. И. Лукьянов говорит о крымскотатарской дивизии, которой в природе не существовало, первый руководитель государства М. С. Горбачев, не обладая информацией по данному вопросу, по-своему оппонирует ему. При наличии такой дивизии, она стала бы «гвоздём антикрымскотатарской пропаганды». За сорок с лишним лет целенаправленная, системная дезинформация со стороны партийных органов Украины и в частности Крымского областного комитета партии достигла своих целей. В то же время эта ложь ещё больше активизировала крымских татар.

После требований представителей крымских татар в Москве о встрече с М.С. Горбачевым и демонстраций на Красной площади, после долгих десятилетий организованной борьбы народа партийное руководство страны вынуждено было создать Государственную комиссию по проблемам крымских татар во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко. Власти с целью подавления движения крымских татар и нерешения проблемы организуют «Сообщение ТАСС» от 23 июля 1987 года с фальсификацией событий в Крыму во время войны и новыми клеветническими оскорблениями всего народа.

«Сообщение ТАСС», переданное по первому центральному каналу в информационной программе «Время», было опубликовано в центральных и республиканских газетах. Эти действия со стороны только что созданной «Государственной комиссии по проблемам крымских татар» вызвали настоящую бурю протеста со стороны репрессированного народа и окончательно похоронили всякое доверие к власти. Протестные акции усилились.

Центральное телевидение СССР, в передачах которого за десятилетия его существования, ни разу(!) не был упомянут крымскотатарский народ, цензура в отношении крымских татар была жесточайшая, на всю страну поведало «о зверствах крымских татар». Сама интонация во время чтения данного сообщения диктором ЦТ народным артистом СССР И. Кириловым и фальсифицированная информация буквально шокировали всех. Составители додумались до того, что включили в текст сообщения информацию, что *«при содействии немцев в Симферополе был созван мусульманский съезд, на котором сформировано крымское правительство во главе с ханом Асановым Белялом»*. Додуматься до мифического хана и никогда в природе ни существовавшего во время войны «крымского правительства» необходимо было иметь фантазию времен судов инквизиции, и тем не менее это было сделано.

Попытка властей опубликовать «Сообщение ТАСС» в единственной газете, которая издавалась на крымскотатарском языке (в выходных данных не указывался язык издания), «Ленин байрагы» («Ленинское знамя»), которая была органом ЦК КП Узбекистана, Верховного Совета и Совета Министров Узбекской ССР, не увенчалась успехом. Редакция республиканской партийной газеты впервые в истории печатных изданий СССР объявила забастовку, отказалась публиковать лживое «Сообщение ТАСС».

На столе (вернее, в сейфе) редактора, зам. редактора и ответственного за выпуск газеты годами лежал список из примерно 600 слов, заверенный печатью, которые не имели право печатать. Главлит очень часто задерживал выпуск газеты. В «Сообщении ТАСС» все преступления нацистов и коллаборационистов всех национальностей приписывали исключительно крымским татарам, в том числе сожжение сел и создание мертвой зоны вокруг партизанских районов. О том, кто сжигал крымские села, было сказано выше. Большинство сел было сожжено в декабре 1943 и январе 1944 гг.

После жестких выяснений авторства текста был получен ответ, что окончательный текст был утвержден А.А. Громыко. В «Сообщении ТАСС» говорилось: «С учетом продолжающихся обращений в ЦК КПСС и правительство и для рассмотрения всего комплекса проблем, которые поднимаются в заявлениях граждан из числа крымских татар, создана комиссия во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко». В состав первой Государственной комиссии по проблемам крымских

татар под руководством Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко, созданной в июле 1987 года входили (в том порядке, в каком он был объявлен): А.А. Громыко – член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР; В.И. Воротников – член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета РСФСР; В.В. Щербицкий – член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК Компартии Украины; В.М. Чебриков – член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Комитета Государственной безопасности СССР; А.Н. Яковлев – член Политбюро ЦК КПСС; П.Н. Демичев – кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС; А.И. Лукьянов – Секретарь ЦК КПСС; Г.Н. Разумовский – Секретарь ЦК КПСС; И.Б. Усманходжаев – Первый Секретарь ЦК Компартии Узбекистана.

Значительная часть советских изданий в это время по-прежнему изображала, что «татары, ранее проживавшие в Крыму», укоренились в тех местах, куда их выслали.

Для оказания помощи и содействия Государственной комиссии в союзных республиках были созданы республиканские комиссии, в которые обратились буквально все взрослые представители крымскотатарского народа с желанием вернуться на Родину. Через год после образования комиссия, в которую не включили ни одного представителя крымскотатарского народа, пришла к выводу, что восстанавливать Крымскую АССР нет оснований, как и возвращать народ, который якобы укоренился в местах спецпоселений. Государственная комиссия выработала семь куцых мер по удовлетворению культурных и иных потребностей, а также предложила вернуть в Крымскую область небольшую часть крымских татар, имевших особые заслуги перед государством. Напротив каждого из этих предложений комиссии первый секретарь Коммунистической партии Украины В.В. Щербицкий наложил резолюцию «нецелесообразно». После такого заключения государственной комиссии десятки тысяч семей крымских татар начинают самостоятельно возвращаться на Родину, где их никто не ждал. Конец восьмидесятых годов прошел в борьбе крымскотатарского народа за государственное решение национальной проблемы. Конфронтация по крымскотатарской проблеме шла и между членами ЦК КПСС, членами Политбюро ЦК КПСС: одна часть выступала за решение крымскотатарской проблемы, другая – за полумеры в местах спецпоселений; заместитель председателя КГБ СССР, начальник 5-го управления КГБ СССР генерал армии Ф.Д. Бобков показывает позицию украинского руководства, членов Политбюро от Украинской ССР; большинство высшего партийного органа партии выступало за решение крымскотатарской проблемы, украинская сторона была против [1].

Только после прошедших выборов депутатов первого съезда народных депутатов СССР в 1989 г. ситуация стала меняться в лучшую сторону. Депутаты, представлявшие все республики и народы СССР, единогласно приняли 14 ноября 1989 года Декларацию Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» [3].

После принятия этого важнейшего документа самостоятельное массовое возвращение ускорилося. Еще до принятия декларации, 12 июня 1989 года по поручению Верховного Совета СССР, Совет национальностей Верховного Совета создал новую Государственную комиссию по проблемам крымскотатарского народа во главе с Г.И. Янаевым, в которую впервые включили представителей крымскотатарского народа. Еще одна государственная комиссия Совета национальностей была создана по проблеме советских немцев.

28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР единогласно принял Постановление по выводам и предложениям Государственной комиссии по проблемам крымскотатарского народа и советских немцев [27].

Постановление должно было стать правовой основой для возвращения народа и восстановления его национальной автономии. За Постановление единогласно проголосовали все депутаты СССР, в том числе избранные от Украинской ССР и ее Крымской области.

Пункт № 4 Выводов и предложений гласил: «Восстановление прав крымскотатарского народа не может быть осуществлено без восстановления автономии Крыма, путем образования Крымской АССР в составе Украинской ССР, это соответствовало бы интересам как крымских татар, так и представителей других национальностей, проживающих в Крыму» [5].

Особо следует отметить, что за восстановление Крымской АССР в составе Украинской ССР настаивали руководители Верховного Совета СССР А. Лукьянов (председатель Президиума ВС СССР), Р. Нишанов (председатель Совета национальностей ВС СССР), секретарь ЦК КПСС, курировавший национальную проблематику, А. Гиренко (бывший первый секретарь Крымского обкома Компартии Украины), мотивируя это решение тем, что Украинская ССР будет выступать против решения крымскотатарской проблемы, если республику восстановят в составе РСФСР. После принятия Постановления Верховного Совета СССР Совет Министров СССР создал комиссию по реализации данного постановления во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР В. Х. Догужиевым, в которую были включены представители правительств союзных республик СССР, в которых проживали крымские татары.

Несмотря на принятые законодательные и нормативные акты СССР, крымские власти с согласия и во взаимодействии с партийным руководством Украинской ССР, до этого десятилетиями выступавшие против восстановления Крымской АССР, провели 21 января 1991 г. референдум. Референдум о «воссоздании» Крымской АССР как субъекта Союзного договора. Абсолютное большинство крымских татар в этом референдуме не приняло участия из-за формулировки связанной с «воссозданием», а не «восстановлением» автономной республики. Массовое возвращение крымских татар в Крым только начиналось. Парламент Украины 12 февраля 1991 года принял закон «О восстановлении Крымской АССР», при обсуждении вопроса на сессии Верховного Совета Украины представителям крымских татар слово не предоставили, руководитель областного Совета Крымской области, а до этого первый секретарь обкома Н. В. Багров в своем выступлении заявил, что в Крыму нет коренного народа. Он, как ученый географ, прекрасно знал, что крымскотатарский народ сформировался в Крыму со своим языком, культурой и всеми остальными признаками. Его политический ход и последующие действия показывали, что выполнять решения высшего законодательного органа СССР он не намерен. Центр терял контроль над регионами, а в декабре этого же года произошел распад СССР.

Воссозданная/восстановленная таким образом Крымская АССР не отражала интересы крымскотатарского народа. Не стала мерой государственной реабилитации крымскотатарского народа. Закон состоял всего из двух пунктов: первый – восстановить Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в пределах Крымской области в составе Украинской ССР, второй – Крымский областной Совет народных депутатов временно, до принятия Конституции Крымской АССР и создания на ее основе конституционных органов государственной власти, признать высшим органом государственной власти на территории Крымской АССР и предоставить статус Верховного Совета Крымской Автономной Советской Социалистической Республики [2]. В законе не оговаривалось (в преамбуле), что он принимается в соответствии с Декларацией Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» и Постановлением Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях Комиссий Верховного Совета СССР по проблемам советских немцев и крымскотатарского народа. 28 ноябрь 1989 г.», где в пункте № 4 было утверждено «восстановление Крымской АССР».

В принятом Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 года законе «О реабилитации репрессированных народов» в преамбуле фиксируется, что закон принимается в соответствии с принятой Декларацией ВС СССР

«О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Противники восстановления Крымской АССР, десятилетиями репрессировавшие «автономистов», используя властные ресурсы проигнорировали акты, принятые Верховным Советом СССР. В Конституции воссозданной/восстановленной Крымской АССР, принятой 6 мая 1992 года, официальным языком делопроизводства являлся русский язык, государственными языками были крымскотатарский, русский, украинский. В новой Конституции Автономной Республики Крым от 1 ноября 1995 года официальным языком делопроизводства являлся русский язык, государственными языками были крымскотатарский, русский, украинский.

После отмены Конституции от 1 ноября 1995 года и принятия новой Конституции Автономной Республики Крым от 21 октября 1998 года государственный статус крымскотатарского языка был упразднен: «В Автономной Республике Крым наряду с государственным языком (украинским. – *Прим. Р.К.*) обеспечивается функционирование и развитие, использование и защита русского, крымскотатарского, а также языков других национальностей». Ст. 10 п. 1). Известный российский ученый, доктор философских наук, историк, социолог, член-корреспондент РАН Жан Терентьевич Тощенко дал точную оценку состоянию крымскотатарской проблемы в разделе своего учебного пособия «Социология», изданного еще в 2001 году, посвященного этносоциальным проблемам: «В то же время остро стоит вопрос о решительном исправлении тех грубейших нарушений, которые проявились по отношению к так называемым репрессированным народам. Некоторые из них, как, например, крымские татары и немцы Поволжья, до сих пор не вернулись к тому статусу, который был у них в 1930-е годы. Достойно сожаления, что государственная политика по отношению к этим народам половинчата, аморфна и губительна с точки зрения нравственного здоровья общества» [33].

Наступивший XXI век привел к новым трансформациям крымской автономии. Это тема следующей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Родина, 2019. 544 с.
2. Ведомости Верховного Совета УССР, № 9, 26 февраля, 1991. С. 216.
3. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. С. 449.

4. Всенародный протест. Прекратить произвол и позорные репрессии, вернуть крымскотатарский народ на родную землю! Апрель 1969 г. // Крымские татары: путь возвращения. Крымскотатарское национальное движение (вторая половина 1940-х – начало 1990-х годов) глазами советских спецслужб. Сб. док. и материалов. Ч. 1 / Состав.: О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк, С.А. Конкин, О.А. Лошицкий. К., 2004. 395 с.

5. Выводы и предложения Комиссии Верховного Совета СССР по проблемам крымскотатарского народа. Ноябрь 1989 г. // Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. В 2 т. Т. 2. Документы, материалы, хроника. М., 1992. С. 79–83.

6. Дагджи Т.Ш. Сталинский геноцид и этноцид крымскотатарского народа. Симферополь: ОАО Симферопольская городская типография, 2008. 212 с.

7. Дагджи Т.Ш. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС «О приеме крымских татар в Президиуме Верховного Совета СССР» // Дагджи Т.Ш. Сталинский геноцид и этноцид крымскотатарского народа. Симферополь: ОАО Симферопольская городская типография, 2008. 212 с.

8. Депортация крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было (воспоминания депортированных). Симферополь: Оджакъ, 2004. 252 с.

9. Депортация крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было (воспоминания депортированных). Ч. 2. Симферополь: Оджакъ, 2005. 304 с.

10. Депортация крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было (воспоминания депортированных). Ч. 3. Симферополь: Оджакъ, 2008. 316 с.

11. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Збірник документів (1941–1998), арк. 15–16.

12. Доклад «О культе личности и его последствиях» первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева» 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС, № 3. С. 128–170.

13. Из обращения крымскотатарского народа к XXV съезду КПСС и международному совещанию коммунистических и рабочих партий // «Крымские татары: путь возвращения. Крымскотатарское национальное движение (вторая половина 1940-х – начало 1990-х годов) глазами советских спецслужб. Сб. док. и материалов. Ч. 2 / Состав.: О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк, С.А. Конкин, О.А. Лошицкий. К., 2004. 362 с.

14. Из протокола № 49 заседания Президиума ЦК КПСС о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР 25 января 1954 г. // Архив Президента РФ (АПРФ). Ф. 3. Оп.10. Д.65. Л.1, 4-б. Подлинник.

15. Информация Краснодарского крайкома КПСС «Об обстановке среди лиц крымскотатарской национальности, проживающих на территории Краснодарского края. 2 июля 1987 г.». (РГАНИ Ф. 5. Оп. 100. Д.148. Л. 56–60. Подлинник) // Принудительное переселение крымских татар: путь к реабилитации (материалы и документы) / автор предисловия, разделов, заключения, составитель Бугай Н.Ф. М.: «Аквариус», 2015. С. 149–150.

16. Кримські татари: шлях до повернення. Кримськотатарський національний рух (друга половина 1940-х – початок 1990-х років) очима радянських спецслужб. Зб. док. та матеріалів. / Упоряд: О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк, С.А. Конкін, О.А. Лошицький. К., 2004. 362 с.

17. Куртсеитов Р.Д. Вклад крымскотатарского народа в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 8–122 / Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2 / Под общей редакцией С.И. Аккиевой. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И.Гаспринского», 2022. 272 с.

18. Куртсеитов Р.Д. Крымская АССР, как реализованное право на самоопределение крымскотатарского народа в 1921–1945 гг.: создание, этнокультурные, социально-политические процессы (часть первая) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 78–106. DOI: 10.22378/kio.2023.2.78-106

19. Наказ Народа. Арекет (Движение) – Информационный вестник Национального движения крымских татар. Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. 584 с.

20. Неменко А.В. «Крым 1941–1944. Обратная сторона войны». Отдельные аспекты истории оккупации Крыма. Симферополь: ООО «Издательство «Доля», 2018. 420.

21. Неменко А.В. «Крым 1941–1944. Обратная сторона войны». Отдельные аспекты истории оккупации Крыма. Т. 2. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2021. 416 с.

22. Неменко А.В. Крымские партизаны и оккупация Крыма в 1941–1944 годах (По материалам советских и трофейных документов) / Александр Неменко. Севастополь: Альбатрос, 2020. 416 с.

23. Павлов О. «Крымскотатарский вопрос» в СССР: вымыслы и реальность // Журнал «Национальная оборона». Спецслужбы. 29 апреля 2021 г.

24. Письмо первого секретаря ЦК КПУ П.Шелеста ЦК КПСС про нецелесообразность возвращения крымских татар в Крым. Киев, 22 июня 1966 г. Кримські татари: шлях до повернення. Кримськотатарський національний рух (друга половина 1940-х – початок 1990-х років) очима радянських спецслужб, Зб. док. та матеріалів. Ч. 1. / Упоряд: О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк, С.А. Конкін, О.А. Лошицький. К., 2004. 395 с.

25. Поляков В.Е. Партизаннаме. Крымские татары в партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). Научная монография. М.: Маска, 2020. 116 с.

26. Постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов // Реабилитация народов и граждан (1954–1994)» / Сост. И. Алиев; ЦИМО. М., 1994. С. 44–49.

27. Постановление Верховного Совета СССР. О выводах и предложениях Комиссий Верховного Совета СССР по проблемам советских немцев и крымскотатарского народа. 28 ноября 1989 г. // Ведомости Президиума Верховного Совета СССР, 1989, № 25. С. 495.

28. Постановление Президиума Верховного Совета СССР. 5 сентября 1967 г. О порядке применения статьи 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от

28 апреля 1956 года // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1975). М.: Изд. Известия, 1975. С. 84.

29. Постановление Президиума Верховного Совета УССР «О представлении Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу передачи Крымской области в состав УССР» от 13 февраля 1954 г. ЦГАОР. Ф. 7528. Оп. 85. Д. 94. Л. 9. Заверенная копия.

30. Постановление Совета Министров РСФСР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» 5 февраля 1954 г. № 156 // ЦГА РСФСР. Ф. 259. Оп. 1. Д. 645. Л. 159. Подлинник.

31. Протокол № 41 заседания Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. // ЦГА РСФСР. Ф. 385. Оп. 13. Д. 492. Л. 1–2. Подлинник.

32. РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 144–148

33. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. 2-е изд., доп и перераб. М.: Юрайт-М, 2001. 527 с.

34. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны». 28 апреля 1956 г. // Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. Т. II. Документы. Материалы. Хроника. М., 1992. С. 50.

35. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Великой Отечественной войны» // Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документ. Факти. Свідчення. (1917–1991) / Упоряд.: Ю. Білуха, О. Власенко. К.: Муз Україна, 2004. 464 с.

36. Указ Президиума Верховного Совета СССР. О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму. 5 сентября 1967 г. // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1975). М.: Изд. Известия, 1975. С. 83–84.

37. Форманчук А. Крымская власть (От Багрова к Аксёнову). Симферополь: Доля, 2017. Т. 1. С. 411.

Сведения об авторе: Куртсеитов Рефик Джаферович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, старший научный сотрудник отдела истории НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация); kurtseitov@mail.ru

The forced resettlement of the Crimean Tatar people in 1944, the liquidation of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic: a national movement for the return to their homeland and the restoration of autonomy

Refic Kurtseitov

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. The article examines the forced relocation of the Crimean Tatar people on a national basis and its consequences. Elimination of social institutions, including national-territorial autonomy – Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, destruction of culture and education system in the native language. Systematic and legal restrictions in places of special settlement and their impact on the ethnocultural development of the people. The phenomenon of the national movement for an organized return to the homeland, restoration of rights of national autonomy in accordance with the constitution and legislative acts of the USSR.

Keywords: Crimean Tatars, Crimean Soviet Socialist Republic, eviction based on nationality, national movement, restoration of autonomy

For citation: Kurtseitov R.D. The forced resettlement of the Crimean Tatar people in 1944, the liquidation of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic: a national movement for the return to their homeland and the restoration of autonomy. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 46–82. DOI: 10.22378/kio.2024.1.46-82 (In Russian)

REFERENCES

1. Bobkov F.D. KGB and the Power. Moscow: Rodina, 2019. 544 s. (In Russian)
2. Statements of the Supreme Council of the USSR. № 9. February 26. 1991. P. 216 (In Russian)
3. Statements of the Congress of People's Deputies of the USSR. 1989. № 23. P. 449 (In Russian)
4. Nationwide protest. Stop arbitrariness and shameful repressions, return Crimean Tatars to their native land. April, 1969. Crimean Tatars: the way back home. Crimean Tatar National Movement (second half of the 1940s – beginning of the 1990s). From the point of view (through the eyes) of Soviet secret services. Collection of documents and materials. Part 1 / Compiler: OG. Bazhan, Yu.Z. Danilyuk, S.A. Konkin, O.A. Loshickij. Kiev, 2004. 395 p. (In Russian)
5. Conclusions and proposals of the commission of the Supreme Council of the USSR on the problems of the Crimean Tatar people. November, 1989. Guboglo M.N.,

Chervonnaya S.M. Crimean Tatar National Movement. Vol. 2. T. 2. Documents, Materials, Chronicle. Moscow, 1992. P. 79–83. (In Russian)

6. Dagdzhi T.Sh. Stalin's genocide and ethnocide of the Crimean Tatar people. Simferopol: OAO Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya, 2008. 212 p. (In Russian)

7. Dagdzhi T.Sh. Transcript of the meeting of the Politburo of the TsC CPSU "On the reception of the Crimean Tatars in the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR". Dagdzhi T.Sh. Stalin's genocide and ethnocide of the Crimean Tatar people. Simferopol: Public corporation "Simferopol Printing House", 2008. P. 212. (In Russian)

8. Deportation of the Crimean Tatar People in May 18, 1944. How it was (from memories of deported. Part 1. Simferopol: Odzhak", 2004. 252 p. (In Russian)

9. Deportation of the Crimean Tatar People in May, 1944. How it was (from memories of deported) Part 2. Simferopol: Odzhak", 2005. 304 p. (In Russian)

10. Deportation of the Crimean Tatar People in May 18, 1944. How it was (from memories of deported Part 3. Simferopol: Odzhak", 2008. 316 p. (In Russian)

11. Deported Crimean Tatars, Bulgarians, Armenians, Greeks, Germans. Collection of documents (1941–1998), ark, 15–16. (In Ukrainian)

12. Report "On the personality cult and its consequences of the first secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union N.S. Khrushchev" February 25, 1956. Izvestiya of TsC CPSU, № 3, pp.128–170. (In Russian)

13. From the appeal of the Crimean Tatar People to the 25th Congress of the CPSU and International meeting of Communist and Working parties. "Crimean Tatars: way back home. Crimean Tatar National Movement (Second half of 1940 – beginning of 1990) through the eyes of Soviet secret service]. Zb. dok. i materialov. Vol.2. Compiler: O.G. Bazhan, Yu.Z. Danilyuk, S.A. Konkin, O.A. Loshickij. Kiev, 2004. 362 p. (In Russian)

14. From minutes № 49 of the meeting of the Presidium of the CPSU on the transfer of the Crimean region from the RSFSR to the Ukrainian SSR. Script. Archive of the President of the Russian Federation (APRF). F.3, Op.10., D.65, L.1, 4-b Podlinnik. (In Russian)

15. Information from the Krasnodar Regional Committee of the CPSU "About the situation among persons of the Crimean Tatar nationality living in the territory of Krasnodar region. July 2. 1987" (RGANI F.5. Op.100. D.148. L. 56-60. Script). *Forced resettlement of the Crimean Tatars: the path to rehabilitation (materials and documents)*. Author of the preface, sections, conclusion, compiler Bugaj N.F. Moscow: «Akvarius», 2015. P. 149–150. (In Russian)

16. Crimean Tatars: the way back home. Crimean Tatar national movement. (Second half of 1940s – beginning of 1990s) through the eyes of Soviet secret services Collection of documents and materials. Uporyad: O.G. Bazhan, Yu.Z. Danilyuk, S.A. Konkin, O.A. Loshic'kij. K., 2004. 362 p. (In Ukrainian)

17. Kurtseitov R. D. Contribution of the Crimean Tatar people to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. S. 8–122. Contribution of the repressed peoples of the USSR to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. T.2. Under the general editorship of S.I Akkueva, 2nd edition, corrected and supplemented. Simferopol: GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2022. 272 p. (In Russian)

18. Kurtseitov R.D. Crimean ASSR as a realized right of the Crimean Tatar people to self – determination in 1921–1945: creating of ethno-cultural, socio-political proces-

ses (part one). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*= *Crimean Historical Review* 2023. T. 10, № 2, pp. 78–106. DOI: 10.22378/kio.2023.2.78-106 (In Russian)

19. Order of the people. Movement. Information bulletin of the National Movement of the Crimean Tatars. Simferopol: IT «Arial», 2021. 584 p. (In Russian)

20. Nemenko A.V. “Crimea in 1941–1944. The other side of war”. Certain aspects of the history of the occupation of the Crimea. Simferopol: ООО «Izdatel'stvo «Dolya», 2018. 420 p. (In Russian)

21. Nemenko A.V. “Crimea in 1941–1944. The other side of war”. Certain aspects of the history of the occupation of the Crimea. Simferopol: GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2021. 416 p. (In Russian)

22. Nemenko A.V. Crimean partisans and occupation of the Crimea in 1941–1944 (on materials of Soviet and captured documents) / Aleksandr Nemenko. Sevastopol: Al'batros, 2020. 416 p. (In Russian)

23. Pavlov O. Crimean Tatar issue” in the USSR. *Zhurnal Nacional'naya oborona*= *Journal National Defence*. Spetssluzhby. April 29, 2021. (In Russian)

24. The letter from the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine, P. Shelest about inappropriateness of the return of the Crimean Tatars to Crimea. Kiev. June 22, 1966. Crimean Tatars: the way back home. Crimean Tatar National Movement (second half of the 1940s – beginning of 1990s) through the eyes of Soviet special services. Collection of documents and materials. Part. 1. Uporyad: O.G. Bazhan, Yu.Z. Danilyuk, S.A. Konkin, O.A. Loshic'kij. Kiev, 2004. 395 p. (In Ukrainian)

25. Polyakov V.E. Partizanname. Crimean Tatars and partisan movement of Crimea (1941–1944). Scientific monograph. Moscow: Maska, 2020. 116 p. (In Russian)

26. Resolution “On the Restoration of the national autonomy of the Kalmyk, Karachay, Balkar, Chechen and Ingush peoples. Rehabilitation of peoples and citizens (1954–1994). Compiler I. Aliev. TsIMO. Moscow, 1994. P. 44–49 (In Russian)

27. Resolution of Supreme Soviets of the USSR on issues of Soviet Germans and Crimean Tatar people. November 28, 1989. Gazette of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 1989, № 25, p. 495. (In Russian)

28. Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “on the conclusions and proposals of the Commission of the USSR on the problems of Soviet Germans and the Crimean Tatar people. September 5, 1967. On the procedure of applying Article 2 of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 28, 1956. Collection of laws of the USSR and Decrees (1938–1975). Moscow: Izvestia Publishing House, 1975. P. 84 (In Russian)

29. Resolution of the Council of the Presidium of the Supreme Soviet of the Ukrainian SSR “On presentation of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR on the issue of transferring the Crimean region to the Ukrainian SSR” February 13, 1954. TsGAOR. F. 7528. Op. 85. D. 94. L. 9. Certified copy (In Russian)

30. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR “On of the transfer of the Crimean region from the RSFSR to the Ukrainian SSR” February 5, 1954. № 156. TsGA RSFSR. F. 259. Op. 1. D. 645. L. 159. (In Russian)

31. Minutes № 41 of the meeting of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR. February 5, 1954. TsGA RSFSR. F. 385. Op. 13. D. 492. L. 1–2. Script (In Russian)

32. RGANI, f. 5, op. 31, d. 56, l.144-148. (In Russian)
33. Toshchenko Zh.T. Sociology. General course. 2-e izd., dop i pererab. Moscow: Yurajt-M, 2001. 527 p. (In Russian)
34. Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR "On lifting restrictions on special resettlement of Crimean Tatars, Balkars, Turkish – citizens of the USSR, Kurds, Hemshils, members of their families evicted during the Great Patriotic War" April 28, 1956. Guboglo M.N., Chervonnaya S.M. Crimean Tatar National Movement. T. II. Documents. Materials. Chronicle. Moscow, 1992. P. 50. (In Russian)
35. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of November 26, 1948 "On criminal liability for escapes from places of compulsory and permanent settlement of persons deported to remote areas of the USSR. Deported Crimean Tatars, Bulgarians, Armenians, Greeks and Germans. Documents. Facts. Testimonies. (1917–1991). Compilers: Yu. Biluha, O.Vlasenko. Kiev: Musical Ukraine, 2004. P. 464. (In Russian)
36. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. About citizens of Tatar nationality living in Crimea. Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938–1975). Moscow: News, 1975. P. 83–84 (In Russian)
37. Formanchuk A. Crimean authorities (From Bagrov to Aksenov). Simferopol: Dolya, 2017. Vol. 1. P. 411. (In Russian)

About the author: Refic D. Kurtseitov – Cand. Sci. (Sociology), Associate professor, Head of the Department of social and humanitarian disciplines; Senior Researcher at the Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Ethnic Groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebny lane, Simferopol 295015, Russian Federation); kurtseitov@mail.ru

УДК 908(292.471)(479)

DOI: 10.22378/kio.2024.1.83-110

В.Д. Смирнов – исследователь крымских архивов

А.А. Непомнящий

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Аннотация. Во время командировки в Крым в 1886 году В.Д. Смирнов занимался изучением состава симферопольских архивов. Поездку ориенталиста инициировал Санкт-Петербургский археологический институт. В связи с обращением местных ученых сил об открытии на полуострове губернской ученой архивной комиссии директор Археологического института И.Е. Андреевский обратился к известному в столице востоковеду В.Д. Смирнову с просьбой провести в Тавриде экспертную оценку имевшихся документов. Целью исследования должно было стать заключение о целесообразности открытия местной ученой архивной комиссии. Приводятся обширные выдержки из рукописи В.Д. Смирнова, составленной по итогам поездки. В документе дается обзор состава крымских архивов и ценности отложившихся архивных бумаг.

Ключевые слова: В.Д. Смирнов, крымоведение, архивы, Таврическая ученая архивная комиссия, Санкт-Петербургский археологический институт

Для цитирования: Непомнящий А.А. В.Д. Смирнов – исследователь крымских архивов // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 83–110. DOI: 10.22378/kio.2024.1.83-110

Первое обобщающее фундаментальное научное исследование по истории Крымского ханства, написанное в России, появилось в конце 80-х годов XIX века. Его авторство принадлежит Василию Дмитриевичу Смирнову (1846–1922) – профессору Санкт-Петербургского университета, выдающемуся российскому тюркологу [см. подробнее: 11]. За прошедшее с этого события время в крымоведческой историографии ничего более существенного по истории средневекового Крыма, чем труды Смирнова, не появилось. Неслучайно он характеризуется в истории науки как «основатель крымской востоковедческой историографии» [30, р. 506–507]. Благодаря многолетним научным штудиям известного специалиста по средневековой истории и источниковедению Крыма Аркадия Павловича Григорьева мы располагаем достаточно полным сводом библиографии В.Д. Смирнова [4,

с. 268–281]. Находки последних лет не могут преуменьшить роль этого библиографического пособия, которое представляет обстоятельную картину творческого наследия ориенталиста. Значительного дополнения требует лишь раздел, где названы исследования о В.Д. Смирнове [11, с. 113–142].

В.Д. Смирнов родился 28 июля 1846 года и провел свое раннее детство на Бирючьей Косе, под Астраханью. Его отец – сначала сельский псаломщик, затем дьякон – умер, когда сыну было восемь лет. Матери не стало еще раньше. Оставшись сиротой, Василий Смирнов окончил Астраханское духовное училище, затем, идя по стопам отца, получил семинарское образование в Перми. В 1865 году В.Д. Смирнов поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Однако год жизни в столице резко поменял его планы, и в 1866 году юноша перешел в столичный университет на факультет восточных языков. С этого момента судьба В.Д. Смирнова оказалась неразрывно связанной со столичным университетом [9, с. 156–160; 20, с. 207].

Незаурядные способности юноши быстро выявились в творческой атмосфере, царившей в вузе. В студенческие годы (1869 г.) конкурсное сочинение будущего ученого «О языковом влиянии монголо-татар на Россию (русско-татарские заимствования)» вызвало положительный резонанс¹. После историографического обзора автор на основе разнообразных лингвистических источников проанализировал заимствования в русский язык из монгольского диалекта. Официальный рецензент работы нашел у молодого исследователя талант историка, который, по его мнению, «если не будет зарыт в землю, принесет много чести и пользы русской земле» [3, с. 408–409]. На конкурсе сочинение Василия Смирнова заняло почетное первое место. Факультет восточных языков признал автора данной диссертации – студента четвертого курса Василия Смирнова – «достойным золотой медали» [19, с. 139].

В 1870 году В.Д. Смирнов окончил курс обучения в университете и был оставлен для дальнейшей научной работы на факультете восточных языков. Избрав своей специальностью османский язык, он в 1872 году выдержал экзамен, а в марте 1873-го защитил диссертацию на степень магистра по теме «Кучибей Гёмюрнджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», которая была опубликована в том же году [7; 8, с. 283–284, 292–294]. В мае 1873 года Советом университета В.Д. Смирнов избран и утвержден в звании штатного доцента по кафедре турецко-татарской словесности. С этого времени и до самой смерти Васи-

¹ Институт восточных рукописей РАН, Архив востоковедов (далее – ИВР РАН АВ), ф. 50, оп. 1, д. 141, л. 1–113.

лий Дмитриевич преподавал в университете османский язык, историю османской литературы и некоторое время историю Турции [5; 6].

Первую поездку в Турцию «для практических наблюдений над живой османской речью, а также для ознакомления с литературными сокровищами турецких библиотек в Константинополе» В.Д. Смирнов совершил в 1875 году. Подобные ученые экскурсии впоследствии повторялись неоднократно [29, р. 408]. Уже в это время востоковед всерьез занимался разработкой докторской диссертации. По заданию Публичной библиотеки для пополнения ее фондов Василий Дмитриевич приобрел в Стамбуле собрание рукописей и книг «преимущественно исторического содержания» на арабском языке – 93, на турецком – 14, на персидском – 32. Кроме того – рукописи на славянских и греческих языках. Как видно из состава рукописей [14], ученый сосредоточил внимание на выявлении и изучении турецких сочинений, которые в той или иной степени затрагивали историю России, и особенно Крыма, в частности Крымского ханства.

Результат разработки В.Д. Смирновым нового информативного корпуса источников вылился в издание сборника документов, имевших отношение к перипетиям внешнеполитических катаклизмов между Крымским ханством, Османской Портой и Российской империей [21]. Публикуя фактически одну крымскотатарскую рукопись, историк оговорил, что, несмотря на то, что она «по внешности представляет собой единое целое, в действительности же включает в себе в числе 124 отдельных статей и исторические повествования, бытоописания, и анекдоты, и целые трактаты международные с дополнительными к ним документами» [21, с. III]. Будучи хорошо знакомым с «плюсами» и «минусами» изданий восточных источников, составитель попытался избавиться от общих недостатков, свойственных подобного рода работам, главным из которых являлось отсутствие достойных комментариев. Большая часть из опубликованного в сборнике источников относилась к истории русско-турецких войн второй половины XVIII века [10, с. 241].

Не ограничиваясь литературной и источниковедческой базой Турции и России, Василий Дмитриевич неоднократно выезжал для работы в библиотеки Будапешта, Вены, Лондона и Парижа. В 80-х годы XIX века, продолжая разрабатывать тему докторской диссертации, он сочетал литературные штудии и работу в архивах с археологическими разысканиями в Крыму.

Поездку в Крым В.Д. Смирнов совершил в 1886 году – незадолго до защиты диссертации. Командировку ориенталиста инициировал и профинансировал Санкт-Петербургский археологический институт. Представители крымской просвещенной интеллигенции, ратовавшие за открытие на полуострове губернской ученой архивной комиссии, обратились еще в 1884 году в Археологический институт с просьбой о разрешении открыть

такое ученое общество с функциями разбора ведомственных архивов и формирования губернского исторического архива. Чтобы иметь представление о том, архивы каких ведомств есть в Крыму, директор Археологического института Иван Ефимович Андреевский (1831–1891) обратился к известному в столице востоковеду В.Д. Смирнову, специализировавшемуся на изучении крымской истории, с просьбой провести в Тавриде экспертную оценку имевшихся документов. Целью исследования должно было стать заключение о целесообразности открытия местной ученой архивной комиссии. И хотя практически решение об открытии Комиссии в Симферополе властями было уже принято, такая поездка была интересна Археологическому институту.

Основное внимание исследователь собирался уделить ознакомлению с документами симферопольских архивов. Так уж сложилось, что состав турецких архивохранилищ ему был известен лучше, чем крымских. Эту научную прореху ориенталист получил возможность закрыть. По просьбе И.Е. Андреевского Смирнов составил план своего ученого путешествия. В нем обозначалась просьба подготовки сопроводительных бумаг, обращенных к таврическому губернатору Андрею Никитичу Всеволожскому и председателю Таврической губернской земской управы А.Х. Стевену (в скобках Василий Дмитриевич указал, кому из них, о чем написать). В.Д. Смирнов собирался прежде всего:

«1) Познакомиться с общим составом существующих в г. Симферополе местных архивов, преимущественно губернского и дворянского, и преобладающим содержанием дел, в них хранящихся.

2) Определить приблизительно количественную долю документов на татарском и турецком языке, степень их древности и преобладающее содержание.

3) Обратит особое внимание на те из могущих встретиться документов, в которых содержатся какие-нибудь любопытные данные по части истории края и характеристики взаимных отношений разных народностей местного населения, с тем чтобы выделить эти документы для последующего рассмотрения их, если бы время не позволило мне исследовать их там не месте. К этой категории дел можно отнести те, в которых могло бы заключаться что-нибудь по вопросу о правильном пользовании водой для орошения полей и садов, а чаще относительно так называемых вакфов.

4) Предполагаю, если позволит время, посещение Старого Крыма, интересных в историческом и археологическом отношении мест, особливо те из них, на которые сделаны простые лишь указания прежними учеными, не имевшими, однако, ни случая обозреть эти места и проверить дошедшие понаслышке сведения о них. Тут имеются в виду, например, некоторые кладбища и гробницы, а также остатки древних сооружений и мусульман-

ские надписи на них, и чтобы привести в известность внешнее состояние этих древностей, в каком они теперь находятся.

5) Так как и свобода доступа в местные архивы, и беспрепятственность посещения, и обозрения археологических памятников более или менее могут зависеть от способности лиц или учреждений оказать мне содействие в моих исследованиях, то было бы очень желательно, чтобы Археол[огический] институт предварительно уведомил Таврического губернатора и Председателя губернской земской управы Александра Христиановича Стевена о том, что я, как ориенталист, командирован Институтом в Крым для ознакомления с делами местных архивов, преимущественно на татарском и турецком языках, и для обозрения местных памятников древности, с просьбой не отказать в зависящем от них содействии в моих занятиях и экскурсиях с ознакомительными целями, в чем Институт и не сомневается (относительно губернатора), так как, по донесениям в Институт <нрзб>, правительство уже само сделало распоряжение по учреждению местной архивной комиссии, так как (это для г. Стевена) известно его просвещенное внимание ко всему, что касается уяснения как прошлого, так и настоящего <нрзб> края, экономические и всякие благоустройственные стороны которого введены его попечению как председателя земской управы»².

В.Д. Смирнов заметил: «Когда мысль покойного Н.В. Калачева об учреждении местных провинциальных исторических архивов, впервые пропагандированная им, если не ошибаюсь, на IV Археологическом съезде в Казани, стала прививаться, то, между прочим, она с сочувствием была встречена также в Таврической губернии. Местные деятели, интересующиеся разработкой истории своего края, обратились в Археологический институт с просьбой о содействии к образованию Архивной комиссии в Крыму. В виду этого Археологический институт признал полезным ознакомиться, через посредство кого-нибудь из нарочно командированных отсюда лиц, с настоящим положением существующих в Крыму архивов и с качеством хранящегося в них архивного материала.

Географические и этнографические условия Крыма заставляли почти наверняка предполагать, что в тамошних архивах должны были находиться бумаги также на турецко-татарском языке. В таких соображениях осмотр архивов надлежало поручить человеку, владеющему и этим языком. Поэтому мне и было предложено Археологическим институтом совершить ученую экскурсию в Крым»³.

Впечатления о работе с симферопольскими архивными документами историк-ориенталист обобщил в отчете, составленном для Археологиче-

² ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 90, л. 1–1 об.

³ Там же, д. 85, л. 1–2.

ского института. В дальнейшем отчет был доработан в статью «Положение крымских архивов и их значение». Это малоизвестное специалистам исследование сохранилось в рукописи и представляет несомненный интерес для истории архивного дела в Крыму, развития исторического крымоведения в целом⁴. Ориенталист обозначил три симферопольских архива, где ему удалось обнаружить актуальную для истории Крымского ханства информацию: архив Магометанского духовного правления, архив Таврического дворянского депутатского собрания и губернаторский архив. Внимание востоковеда привлекли многочисленные документы, характеризующие уровень развития права в Крымском ханстве. Одним из основных открытий ученого в Симферополе стали казы-эскерские (казыаскерские) книги – реестры юридических и административных дел эпохи Крымского ханства [1]. Рукопись этого материала была впервые опубликована нами в 2008 году [10, с. 529–550].

Автор записки заметил: «Занимаясь историей Крымского ханства, я уже раньше знал по книжным цитатам и понаслышке, что в нынешнем центре Крыма – в Симферополе – должны находиться какие-нибудь документальные источники, которые бы могли пролить свет на прошлую историю любопытного во всех отношениях края и послужить к истолкованию некоторых сторон современного быта населяющих его инородцев.

На месте я узнал, что в Симферополе существует три капитальных архива – 1) архив Духовного мухаммеданского правления, 2) Таврического Дворянского депутатского собрания, 3) губернский.

Кроме того, в г. Феодосии, прежней Кафе, есть архивы Феодосийского градоначальства и потом архив Думы.

Благодаря лестному вниманию к моей миссии г. Таврического губернатора и других власть имущих лиц, мне открыт был свободный доступ во все места хранения деловых бумаг разных местных учреждений»⁵.

Предлагаю ознакомиться с выдержками из отчета В.Д. Смирнова, направленного директору Санкт-Петербургского Императорского археологического института И.Е. Андреевскому. Эти небезынтересные для истории архивного дела в Крыму страницы характеризуют положение дел накануне учреждения Таврической ученой архивной комиссии.

«<...> Прежде всего я направился в архив Духов[ного] мухаммед[анского] правления. Сюда стремился я как по роду своей специальности, так и потому, что уже и в Петербурге у меня бывали в руках некоторые подлинные документы, которые, по своим признакам, должны были

⁴ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 90, л. 1–25.

⁵ Там же, л. 2.

принадлежать этому архиву, и много копий с них, причем некоторые из них были довольно старые.

Я чаял обрести целый залеж самых оригинальных документов в этом архиве, ибо самое учреждение, ведающее религиозными и гражданскими делами татарского населения, некогда игравшего первенствующую роль и хозяйничавшего на правах владык на Таврическом полуострове, менее всего подверглось какому-либо административному преобразованию и сохранило наиболее всего предания прежних народов времен Крымского ханства. Где же и быть чисто татарскому архиву как не в этом учреждении, в котором и правящие, и их клиенты говорят и пишут только по-татарски?!

Но как велико было мое разочарование, когда я в этой воображаемой сокровищнице нашел одни только метрические записи о родившихся, браком сочетавшихся и умерших лицах мусульманского исповедания!

Мне сообщено было, впрочем, чиновниками Духов[овного] мухамед[анского] правления, что виденные мной в сем архиве бумаги составляли одну лишь часть его, прочие же все дела переданы в высочайше утвержденную Комиссию по разбору дел о вакфах.

В комиссии, действительно, в двух шкафах разложены были сводки вышеозначенных дел. Но и в них не нашлось того, чего можно было бы ожидать в таком архиве, который должен был копиться веками. В наличной партии бумаг на татарском языке оказались лишь несколько описей вакфных имуществ, да и те в копиях, а не в подлинниках.

Показывали мне, правда, два, особо хранимых в комиссии, подлинных документа еще старых, ханских времен, но они не принадлежат архиву, а составляют собственность частных лиц, заинтересованных в действиях комиссии и поэтому приславших откуда-то из уездов эти документы.

А между тем, если [бумаги] в архиве Духовного мухаммеданского правления и могли бы иметь какую-либо ценность историческую и даже юридическую, то именно дела чисто татарские, как древнейшие по времени, так и оригинальные по свойству своего содержания и словесной формы.

Все же, что есть в этом архиве писанного по-русски, все это явилось в позднейшее время, не старше десятых годов нашего столетия и принадлежит к категории той мелкой канцелярской переписки, в которой духовное правление скорее является в роли просто исполнителя административных распоряжений русских властей, нежели самостоятельного учреждения, ведавшего главнейшие отрасли гражданского быта целого господствовавшего в Крыму татарского населения.

Эта канцелярская переписка разложена по годам, но затем без всякого дальнейшего подбора и классификации. Внешним образом она кажется будто приведенной в порядок, в действительности же это совершенный хаос. Может быть, эти бумаги будут разобраны и приведены в какую-

нибудь систему комиссией, если только последняя найдет в них что-нибудь пригодное для справок в текущих делах своих.

Частным образом мне передавали, что у татар где-то в одной мечети свалена груда старых деловых бумаг на татарском языке; но проверить этого слуха не было никакой возможности, потому что вследствие недавней перемены в личном составе Духов[ного] мухам[еданского] правления нельзя было добраться, кто, как и чем заведует в этом отживающем свой век учреждении.

Если бы что-нибудь осталось от прежних времен в этом архиве, то возможно, вакфная комиссия не преминула бы собрать это и взять в свое распоряжение, тем более, что она имеет самые широкие полномочия на это и пользуется сочувствием той части татарского населения, которая плодила дела этого архива и по сие время имела его в своем ведении и распоряжении, т.е. татарского духовенства.

Если же и Комиссии не удалось ничего добыть дельного, оригинального и древнего в этом архиве, то надо полагать, что молва преувеличивала значение архива, или же дела его по какой-нибудь печальной случайности безвозвратно утрачены, если только не разошлись по рукам частных лиц.

Обращаюсь теперь к архиву Таврич[еского] дворянск[ого] депутатск[ого] собрания.

Этот архив представляет уже более отрадное явление. Он собственно невелик и состоит всего из 115–125 связок, лежащих кипами на полу и на шкафах в канцелярии Дворянского собрания.

При делах имеется краткий алфавитный указатель их по прозваниям тех дворянских родов, коих дела касаются.

Все эти дела одинакового содержания: в них заключаются всевозможные доказательства права на дворянское звание, представленные лицами, претендовавшими или претендующими на это звание, в особую комиссию, которая по рассмотрению их препровождает их со своим заключением в Правительствующий Сенат для окончательного решения.

Из этих дел мы почерпаем генеалогические сведения о могущественных в свое время в Крыму татарских родах. Но эти любопытные генеалогии, возводимые к Эдиге и другим историческим знаменитостям, в большинстве случаев опираются лишь на устные предания, подтверждаются «по чистой совести и долгу присяги» современными свидетелями, а о подлинности документов объективно говорится, что их не имеется. <...>

Перехожу, наконец, к архиву губернскому. Размер этого архива кажется совершенно неожиданным, если принять в расчет сравнительную недавность существования Тавр. губернии, или, как она прежде называлась, Тавр. области. Этот размер может быть объяснен разве только разнообразием населяющих губернию народностей и отсюда множеством и сложностью

гражданских отношений и практических интересов, бойкостью положения занимаемой этой губернией местности.

Он помещается в отдельном каменном доме в два этажа, разделенных на десять весьма обширных комнат и два больших коридора. Здесь хранятся дела:

1) Канцелярии бывшего правителя Таврической области с 1784 года по 1803 год, переименованного с этого последнего года в Таврического губернатора, дела канцелярии которого простираются до 1884 года.

2) Севастопольского военного губернатора и Таврической дорожно-строительной комиссии.

3) Специальной комиссии по разбору споров о земельных владениях.

4) Таврич. областного губернского прокурора с 1787 по 1869 год.

5) Бывших гражданской и уголовной палат.

6) Казенной палаты.

Если связка может быть принята за сколько-нибудь вообразимую единицу меры, то только в двух лицевых залах верхнего этажа, занятого делами первых четырех категорий, по приблизительному счету находится по 2000 связок в каждой. И это лишь часть дел этих категорий: ими занята еще одна зала сверху, да две комнаты и коридор в нижнем этаже. При такой массе дел, они, однако же, размещены свободно и даже комфортно по прекрасным широким полкам, так что архив не кажется, как говорят, битком набитым: в случае надобности архивное здание могло бы вместить в себя еще столько же бумажного материала, сколько в нем теперь уже помещается. <...>

Если статью делать сравнительную оценку этому огромному материалу, то, без сомнения, в историческом отношении важны все бумаги за период существования Таврической области. В этих делах изображается кипучая административная деятельность наших первейших лиц в государстве и их подручников, происходившая в этой области тотчас по присоединении ее к Российской короне. Едва ли что пришлось бы выкинуть из дел за этот период времени.

1. На первом плане тут стоят дела бывшего правителя Таврической области, куда относятся и все ордера, в частности ордера князя Потемкина, частью в подлинниках, частью в копиях. Дела этой категории рассеяны по разным архивам: много их в архиве Екатеринославском; были они в фамильном архиве кн. Воронцова, и лишь некоторая часть их находится в архиве Симферопольском. Некоторая часть их уже напечатана в «Записках Одесского общества истории и древностей», в т. XII: 249–329, усердием бывшего вице-президента этого общества Николая Никифоровича Мурзавечика, извлекавшего их из частного архива князя Воронцова.

Большинство ордеров князя Потемкина, а потом гр. Зубова, касаются раздачи земель бывшего Крымского ханства разным лицам, преимущественно выходцам из-за границы или из других губерний Российской империи. Получается очень интересная картина раздачи государственной собственности с добрыми, в принципе, намерениями, не осуществившимися, однако же, на практике. <...>

Есть дела, представляющие целую историю некоторых учреждений: их возникновение, действие и кончину. Таково весьма интересное дело о Феодосийском монетном дворе – самой химерической затее кн. Таврического, стоившей государству больших издержек и ни к чему оказавшейся не пригодной.

Между делами попадают такие, которые могут служить обрисовке тогдашних международных отношений России. Таково одно дело под заглавием: «Переписка с анапским трехбунчужным Мустафа-пашой о всех чинимых войском черноморским народам за Кубанью обитающим беспокоействах; также представлении войска черноморского войскового правительства, что первые от последних видят всегда со всем в противность заключенного мирного трактата неблагоприятные деяния, тягостью им служащие» на 616 листах. <...>

Но сколь ни интересны все вышеозначенные дела, производившиеся со времени русского господства на Таврическом полуострове, во многих отношениях – историческом, статистическом, этнографическом и даже юридическом (ибо некоторые дела по разбору споров и тяжб о землях до сих пор находятся в производстве), но все они не имеют никакого сравнения с теми, что оказались в губернском архиве по части материалов на татарском языке. Я разумею 4 больших связки так называемых кази-аскерских книг, покоящихся в верхнем этаже в лицевой зале, налево со входа.

Огромное преимущество этой сравнительно небольшой лишь частицы целой архивной массы заключается 1) в ее древности; 2) в самом содержании весьма ценном с точки зрения филологической, исторической, этнографической, географической и научно-юридической, и наконец 3) в исключительной редкости.

Как только я попал на эту коллекцию то, разумеется, главным образом и занялся ей.

Постараюсь вкратце представить главнейшие свои наблюдения и выводы относительно этого драгоценного архивного сокровища.

Как-то давно уже, не помню где именно, читал я, что во время погрома столицы крымских ханов, проведенной однажды нашими войсками, сгорел и весь архив ханского Дивана. Теперь мы можем сказать, что архив этот если погиб, то лишь отчасти, а не всецело: остаток его представляют именно находящиеся в Симферопольском губернском архиве кази-аскерские книги.

I. У меня было в руках только 102 книги, но так как на них кем-то очень давно выставлены уже были номера, которые доходят на некоторых книгах до № 125-го, то, значит, некоторые книги этой коллекции утрачены или же по какой-нибудь случайности находятся в другом месте. Я слышал также в Симферополе, что и эти книги прежде хранились в Новороссийском архиве, а потом впоследствии перевезены в Симферополь.

II. По внешнему своему виду, это длинные и узкие тетради разной величины (большой частью в 45 сантиметров длины, 15 сантиметров ширины; и о. немногие меньшего размера). Среднее количество листов колеблется между 75-ью и 130-ью, которые исписаны на азиатский манер очень убористо особенным, свойственным крымским грамотеям, мелким почерком. Число строк на странице неравное и иногда доходит до 50-ти и даже более. Большинство книг в кожаном переплете, иногда украшенном вытесненными виньетками; иные же лишились этих переплетов и имеют следы тетрадей; весьма немногие, очевидно, вовсе не подвергались переплету. Все книги сохранились в более или менее хорошем состоянии, хотя есть между ними и такие, которые на треть истлели, вероятно, от сырого помещения; иные просто разбиты, порваны и перемешаны листами.

III. На первых страницах большей части этих книг подробно означено время, когда книга составлена, т.е. в царствование какого хана, в каких именно годах мусульманского летоисчисления и в управление какого кази-аскера делами. В этом отношении нумерация книг не всегда соглашается с хронологической последовательностью их (№ 125 за 1121–1124; № 122 за 1200–1201): под первыми номерами иногда значатся книги более новые, а те, которые древнее, являются с высшими номерами; некоторые же совсем не занумерованы. Дата книг, не имеющих заглавной приписки, легко выводится из содержания актов, заключающихся в книге, ибо в них обыкновенно бывает выписано время, когда этот или другой акт состоялся.

Самые ранние дела относятся к 1045=1635 году (кн. № 4), а самые последние к 1201=1787 году. Таким образом, перед нами раскрывается целая картина внутреннего гражданского быта Крымского ханства за целые 150 лет в сплошном непрерывном ряде подлинных документальных памятников, заключающихся в кази-аскерских книгах. Кстати замечу: с помощью их устанавливается точная хронология царствования крымских ханов за этот период времени.

IV. Откуда взялось название этих книг и что оно значит? Название их происходит от официального титула главного судьи, или, правильнее сказать, главного прокурора и судебного следователя в ханстве, который назывался «кази-аскер», что значит по-русски «военный судья» или «войсковой судья». Титул этот есть, очевидно, остатком предания о этих временах, когда турки и по подражанию им татары представляли свое государство

как военный лагерь, орду. Хотя впоследствии, при оседлой жизни, такое представление утратило смысл свой ввиду изменившейся действительности, но терминология удержалась прежняя для обозначения государства и функции чисто гражданского свойства. <...>

При широком объеме дел, подлежащих ведению мусульманского закона, в лице кази-аскера сосредоточивался надзор за правильностью всевозможных правовых отношений и исполнении административных распоряжений в районе своей юрисдикции. Вот все то, что только подвергалось рассмотрению или ведению такого блюстителя закона в ханстве, и оставляло следы свои в кази-аскерских книгах, которые, таким образом, представляют собой пространный реестр дел, производившихся в присутствии кази-аскера. А так как татары были экономны на труд и материал по судебному и административному делопроизводству, то и не плодили массы бумаг по разбирательству иногда очень крупных и сложных юридических процессов.

В силу такой обычной черты татарско-мусульманских нравов кази-аскерские книги заключают в себе, говоря без преувеличения, целый архив, равносильный архивам наших нескольких официальных учреждений.

Видно, что эта регистрация велась специальными письмоводителями, состоявшими при кази-аскерах. Они вносили в кази-аскерские книги деловые акты иногда целиком, а больше в виде извлечений, с сохранением главнейших и существенных элементов и мотивов тех или иных юридических процессов. Нередко встречаются ссылки на предшествовавшие дела, по которым позднее опять возникали разбирательства.

Составление книг производилось, очевидно, под непосредственным наблюдением и контролем самих кази-аскеров, потому что в некоторых книгах находятся их собственноручные подписи и именные печати в конце известной серии актов. <...>

Мы обыкновенно привыкли говорить и слушать с улыбкой о каких-либо правовых порядках и законности среди народов, не причастных европейской культуре, к разряду которых принадлежат и татары. Незнакомым ближе с бытом, нравами и общественным строем жизни этих полуварваров трудно даже представить себе, как это можно спокойно спать, живя среди людей, которые представляются какими-то сплошь необузданными головорезами. В особенности этот вопрос кажется трудноразрешимым относительно совместного жительства христиан с господствующим в данной стране и местности населением мусульманским. Самое мусульманское право в таких обстоятельствах кажется только какой-то отвлеченной доктриной, придуманной восточными учеными для собственного, школьного и книжного, употребления и не имеющие никакого действительного применения к жизни.

Такой предубежденный взгляд на гражданский быт татар, по крайней мере татар Крымского ханства, до некоторой степени противоречит фактической действительности, насколько она раскрывается перед нами в кази-аскерских книгах. В доказательство я позволю себе обратить внимание на некоторые данные, замеченные мной даже при поверхностном рассмотрении этих книг.

1. Особенно бросается в глаза огромное количество наследственно-раздельных актов, в которых содержится подробнейшая опись имущества умерших лиц мусульманского и немусульманского исповедания – с полным обозначением родственных отношений покойного, с поименованием всех решительно предметов, составлявших его достояние в момент смерти, иногда до десятка луковиц или до горшка молока включительно и притом с оценкой каждого предмета в отдельности.

Тут бывают обыкновенно приложенные затем и раздельные росписи с поименованием, кому из наследников что должно достаться, за вычетом известного процента в пользу судьи, составлявшего опись и производившего самый раздел наследства, а иногда и за покрытием расходов на погребение покойного или по исполнению иных каких-либо завещанных им распоряжений.

Несмотря на кажущееся однообразие и сухость формы наследственных актов, это один из самых интереснейших отделов материала, заключающегося в кази-аскерских книгах, и притом в разных отношениях:

а) В бытовом. Подробная опись имущества лиц разных классов и состояний, от ханов до простых рабочих, даст нам полное понятие о внешней обстановке жизни, о вкусах и склонностях хозяев вещей к роскоши и домашнему комфорту, об относительном их благосостоянии; о местной индустрии, а также и об иностранных, европейских и азиатских произведениях, бывших в моде и употреблении у жителей Крымского ханства.

б) В научном; филологическом. Наследственные описи представляют собой целый лексикон наименований массы вещей домашнего обихода, из которых многие не отыскиваются в существующих словарях турецко-татарского языка и уже более не употребительны в говоре современного населения и позабыты или позабываются им, так что если не поспешить теперь же с извлечением из кази-аскерских книг этого лексического материала, то впоследствии, я думаю, исчезнет всякая возможность добиться значения многих из встречающихся там архаических названий предметов домашнего обихода, вышедших из употребления. В этих же описях нередко встречаются каталоги целых библиотек, оставшихся после умерших лиц ученого звания. Об историко-литературном значении этих каталогов было бы излишне здесь распространяться.

в) В научно-юридическом. В наследственных описях поименовываются участники, а роспись, кому что достается из имущества, дает наглядное представление о практическом применении принципов мусульманского права о долях в наследстве лиц, стоящих в известных степенях родства с умирающим. <...>

Далее нередко при раздельных актах находятся реноме тяжёбных исков по претензиям наследников, недовольных произведенным разделом и доставшейся им долей наследного имущества. В частности заслуживают внимания процессы лиц ханской фамилии, тяжбы которых разбирались обыкновенным судебным порядком наравне с прочими случаями, с той только привилегией, что они сами не присутствовали при разбирательстве, а поручали вести дела каким-нибудь доверенным лицам из своих приближенных и приказных чинов.

Очень много находится также при раздельных актах учебных духовных заведений, которые, помимо научно-юридического их значения, любопытны бывают и в отношении историческом, когда в них упоминаются какие-нибудь исторические события в виде прежних хронологических обозначений или в качестве обстоятельств, послуживших причиной того, а не иного выражения воли завещателя насчет распоряжения его имуществом, как например, вступление на престол какого-нибудь хана, участие завещателя в каком-нибудь исторически известном походе, неприятельский погром в пределах крымской территории и т.д.

Наконец, в связи с наследованием в кази-аскерских книгах иногда затрагивается вопрос об учреждении опеки над малолетними сиротами, с обозначением юридических мотивов этого учреждения, условий, обязанностей опекунов и даже размер вознаграждения их за труды по опеке.

NB. Кстати сказать, в наших книгах встречаются судебные определения об подобной же опеке и над сиротами умалишенными, причем инициатива и интересы частных лиц находили себе поддержку и гарантии в правительственных учреждениях.

2. После наследовательных актов кази-аскерские книги заняты массой актов судебной власти по искам как гражданским, так и уголовным.

А. Из первой категории всего более взысканий по долговым обязательствам, объектами которых являются и чистые деньги, и недвижимое имущество, и купеческие товары, и вещи домашнего обихода и потребления, и наемный труд, и разные обязательства и поручительства, и неустойки, и браковки, залоги (муэдзин заложил мечетские книги) и т.д.

В процессуальном отношении обращают на себя внимание широкое юридическое значение свидетелей и присяги в решении гражданских исков из способов удовлетворения истцов <нрзб> имущества ответчика или отдача его во временное пользование истца, личный арест ответчика, пору-

чительство, продажа имущества с аукционного торга, назначение сроков уплаты и т.д. Есть такие образцы решения встречных исков и мировых сделок.

Особенно много исков жен, требующих себе присуждения определенного содержания на себя и детей с покинувших их мужей.

Эти процессы любопытны с точки зрения этнографической статистики. Например, денежные взыскания больше всего ведутся лицами племени якуб (иудеями), да еще армянами. Имущественные же тяжбы приходятся чаще на долю лиц татарского происхождения.

Б. Не менее любопытны также и уголовные процессы. Предметом судебных разбирательств обыкновенно служат убийства, увечья, побои, лишение свободы и оскорбления на словах, бракоразводные дела. Выдающимся признаком уголовных процессов является денежная пеня в пользу потерпевших за всякие правонарушения до убийства включительно. Учинателем иска нередко является само ханское правительство, в случае, например, безродности убитого, причем взыскиваемая пеня поступала в государственную казну. При неизвестности убийцы ответственность возлагается на общину, в лице, например, жителей деревни или квартала, где найдено мертвое тело. Тут интересно бывает изображено самое судебное следствие – протоколы с подробным описанием обстановки, при которой найден убитый, и сомнения самого мирного чина – его показания, излишества и формы ран, и т.п., расследование по подозрению кого-либо в убийстве об отношениях подозреваемого к убитому при жизни, спрос свидетелей и т.д.

В делах уголовных особенно много данных для характеристики быта и нравов крымского населения во времена ханские. Тут, например, встречается женщина-татарка, зарезавшая своего деверя, спасая честь свою от насилия; гарнизонный солдат, избивший одного мирного гражданина и оправдывающийся тем, что он это сделал при исполнении им полицейских обязанностей по соблюдению порядка и тишины на улице при одном торжественном случае; жена, привлекающая к суду своего мужа за пьянство; муж, плачущийся суду на буйное поведение своей тещи, от которой ему житья нет; прихожане, требующие увольнения судом от должности их муллы, предающегося пьянству и ведущего порочную жизнь; мусульманин, жалующийся на караима за то, что тот обозвал его гяуром; отец одного мальчика, требующий удовлетворения от одного софты за то, что он, бегая по улицам пьяный с бутылкой и стаканом в руках, напал на его сына, приколотил его и обругал гяурским сыном; одна женщина, жалующаяся на другую за оскорбление, состоявшее в том, что обидчица, встретив у фонтана, обругала ее неприличными словами и опозорила непристойным заголением платья обиженной; девушка, просящая защиты у суда в том, что она

желает выйти замуж за одного, а ее хотят насильно выдать за другого, и т.д. и т.д.

Особенно любопытны бракоразводные процессы по мотивам и условиям расторжения браков. В гражданских и уголовных процессах много также данных для географического определения местностей Крымского полуострова и распределения по ним населения разных народностей, ибо всегда подробно и точно обозначается, откуда происходят истцы, откуда ответчики, где совершено преступление, и т.д. Встречаются случайные указания на факты исторического значения, напр. из одного процесса узнаем, что Карасу-базар, славящийся кожевными изделиями, получал сафьян из Эрзерума, и т.п.

В. Далее кази-аскерское судилище исполняло обязанности и нотариального бюро, и центрального места наблюдения за общественным благоустройством. В кази-аскерских книгах много статей, которые можно отнести к категории нотариально-явочных актов – о разных коммерческих и других обязательных сделках, о совершении дарственных записей, о сроках (есть констатирование факта, что пятница была в субботу). В числе подобных дел попадает одна интересная официальная заметка о залоге драгоценных вещей знаменитого хана Селим-Герая одному караиму, когда ему нужны были деньги.

Г. В кази-аскерские же книги вносились и разные правительственные распоряжения и ханские указы о назначении тех или других лиц на известные должности, о производстве каких-либо правительственных сооружений с требованием отрядить на них, в виде натуральной повинности, людей с назначенной за работу платой; установление налогов; взимание податей впредь по случаю экстренных расходов на государственные надобности во время войны; о заимообразном на жителей богатых местностей; об установлении таксы на продукты первой необходимости; о распределении квартир для ночлега по пути, которым должна была проезжать одна ханым.

О принятии административных мер против усиления в жителях пьянства (пьяного хана Мирад-Герая).

О водопроводе и надзирателе за ним.

В числе подобных же актов находится, напр., любопытная ведомость о сооружении одной мечети, с подробнейшей сметой количества и качества употребленных на нее материалов, количества рабочих и размер их заработной платы.

Подворная опись города Бахча-Сарая и Карасу-Базара, а также всех деревень Бахча-Сарайского округа с точным обозначением числа душ населения и количества ежегодно добываемых им земледельческих продуктов.

Д. Дела касательно духовных нужд иноверцев. Например, о платеже налога греками в пользу Константинопольского патриарха. О разрушении армянской <нрзб>. О бракосочетании дочери одного ренегата с христианином.

Е. Наконец, едва ли не единственный источник представляют казискерские книги и для изучения положения рабов в Крымском ханстве, по тому количеству и разнообразию данных, касательно одного предмета, которые находятся в этих книгах.

Во-первых, редкий наследственный-раздельный акт более или менее значительного покойного не имел в своем реестре нескольких рабов и рабынь, называемых по именам их, с обозначением возраста, разряда и стоимости на современную денежную валюту. Тут же встречаемся с негативным фактом, что имена рабов и рабынь обнаруживают в них наших соотечественников: Иван, Василь, Семен, Андрюша, Настя, Марушка и т.д. Если же они бывают переименованы на татарский лад – Девлет-Гэльди, Гюль Богар и т.п., то обыкновенно присовокупляется обозначение, что, мол, родом москаль, или русский, а по вере христианин, а нередко мусульманин.

То же самое находим и в огромном множестве судебных процессов, где являются на сцену рабы обоих полов, большей частью в качестве отыскивателей свободы, причем иски их оканчиваются в их пользу чаще, нежели против них.

Из этих процессов мы узнаем, откуда брались крымские рабы. Обращение в рабство свободных людей происходило: а) от военного плена; б) от насильного захвата (аккерманский сирота); в) от обмана (слепец); г) по рождению рабскому.

д) от добровольного самозакабаления. Тут же указываются способы получения свободы, как суть: а) добровольное освобождение «Бога ради» или по обету; б) освобождение по завещанию; в) выкуп; г) сожительство и причинение <нрзб>; д) побег (русские бежали, но пойманы).

Тексты обыкновенно по неисполнению хозяевами обетов, произнесенных при свидетелях, и по неисполнению наследниками воли завещателей, и условий кабального рабства.

NB. Замечательно владение и освобождение 1/2 раба.

На все высказанные мной положения относительно состава, содержания, а также научного, исторического и юридического значения казискерских книг я бы мог привести доказательства и примеры из тех извлечений, которые я, при всей скудости времени, успел сделать в размере девяти тетрадей, если бы только позволяло время. <...>»⁶.

⁶ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 90, л. 3–17.

Не менее информативным источником о научной командировке историка в Крым, чем архивные документы, является опубликованный Смирновым отчет, озаглавленный «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года» [25, с. 273–302]. Обозначив сразу главную цель путешествия – «ознакомление с тамошними архивами, преимущественно с тем материалом, который подлежит рассмотрению и исследованию ориенталистов, т.е. с документами на турецко-татарском языке» [25, с. 273], востоковед заметил, что невозможно было не остановиться и на изучении памятников материальной культуры. Публикация позволила восстановить маршрут поездки В. Д. Смирнова: Феодосия – Судак – Старый Крым – Сурб-Хач – Ортолан – Бичи-Эли – Карасубазар – Токлук. Историк подробно остановился на описании произведенных в деревне Токлук раскопок. Рукопись этой части статьи сохранилась в личном архивном фонде востоковеда⁷. Опубликованный вариант почти полностью сохранил авторский текст. Выявлены лишь незначительные редакторские правки (например, в рукописи: «мои попытки», напечатано: «мои домогательства» и т.п.):

«Окончив фотографическую работу, мы начали раскопку при содействии десяти человек татар. По правде сказать, раньше меня заботила мысль о том, как татары отнесутся к такому моему предприятию, как раскопка могил. Особенно эта мысль невольно приходила в голову после того, как я уже раз в Феодосии подвергся громким нареканиям русских женщин, когда пытался достать торчавший на самом обрыве оврага близ города какой-то череп, смытый туда, должно быть, дождями из соседнего татарского кладбища. Видевшие мои домогательства с соседних дворов россиянки начали осыпать меня упреками – что, как, мол, не грех трогать кости, – и даже грозили довести об этом до сведения полиции. В виду предполагаемых неприятностей при раскопках со стороны татар, да еще в такой захолустной деревне, как Токлук, я прибег к излишней предосторожности в виде проведения местного урядника. Но татары оказались в этом отношении гораздо благоразумнее и менее фанатичны, нежели наши феодосийские соотечественницы. С полной готовностью и охотой они вызвались производить под моим руководством раскопки, тем более что могилы были не мусульманские, а «казацкие», а местный мулла, симпатичный старик, по моей просьбе, даже сократил свою пятничную службу, чтобы дать возможность своим прихожанам пораньше освободиться и отправиться на работу, за которую им неприлично было приниматься до молитвы» [25, с. 293].

Как становится понятным из доклада председателя императорской Археологической комиссии Алексея Александровича Бобринского (1852–1927), проведенное В.Д. Смирновым обследование крымских археологиче-

⁷ Там же, д. 21, л. 1–14.

ских памятников, в том числе нескольких кладбищ, было проведено по заданию этого научного учреждения. Археологическая комиссия «воспользовалась поездкой в Крым профессора Санкт-Петербургского университета» [2, с. CV–CIX]. А.А. Бобринский подробно перечислил все монастыри, развалины церквей и кладбища, которые посетил В. Д. Смирнов, и кратко остановился на результатах произведенных разрытий.

Результатом выполнения этой программы знакомства В. Д. Смирнова с крымскими историческими памятниками стала также оставшаяся в рукописи его статья «Описание архитектурных памятников татарского происхождения в Старом Крыму (близ района Токлука)», где ориенталист охарактеризовал мечети, найденные надписи на крымскотатарском языке, типы крымскотатарских жилых построек⁸. Проводя раскопки в различных местах Крыма, В. Д. Смирнов не задавался какими-либо «самостоятельными исследованиями, а, так сказать, только в видах проверки тех данных об известных исторических местностях и кладбищах, о которых сообщали прежде ученые»⁹. В отчете о своих археологических исследованиях в Крыму В.Д. Смирнов продемонстрировал не только глубокие познания об исторических памятниках Крыма, но и знакомство с основным корпусом крымоведческой литературы тех лет. Значение произведенных краеведом в Крыму изысканий впоследствии было отмечено специалистами Археологической комиссии [13, с. CV–CIX].

Большую помощь столичному историку во время его научной командировки по полуострову оказали местные историки-краеведы Людвик Петрович Колли, Арсений Иванович Маркевич, Оттон Фердинандович Ретовский.

Отдельной страницей творческой биографии ученого стало сотрудничество в императорской Публичной библиотеке. Эта деятельность позволила В. Д. Смирнову не только продолжить и расширить работу с архивными документами по истории Крыма, но и перевести часть уникальных архивных памятников из Симферополя в столичное архивохранилище при Императорской Публичной библиотеке.

С 1 января 1874 года В. Д. Смирнов поступил на службу в Отделение восточных книг в качестве вольноотрудающегося с исполнением обязанностей заведующего отделением. В этом качестве ученый проработал в Библиотеке почти пятьдесят лет, вплоть до 1922 года. С 1 сентября 1909 года он числился сверхштатный библиотекарем¹⁰. Отвечая в 1915 году на запрос Министерства народного просвещения, директор Публичной библиотеки

⁸ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 22, л. 1–16.

⁹ Там же, д. 21, л. 1.

¹⁰ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 207, л. 7, 8; РНБ ОР, ф. 120, оп. 1, д. 1245, л. 1–3.

объяснил, что В.Д. Смирнов состоит библиотекарем «на службе по вольному найму <...> как заведующий отделением исполняет обязанности и занимает положение библиотекаря, но никакими правами по государственной службе, которые дает должность библиотекаря, не пользуется»¹¹. Не являясь штатным сотрудником Публичной библиотеки, Василий Дмитриевич тем не менее оставил выдающийся след в ее истории, в частности в формировании фондов. Он не только выполнял всю текущую работу по комплектации фондов восточными изданиями, но и занимался их каталогизацией, выдачей книг читателям, отбором дублетов и передачей их в отраслевые отделения, отбором книг для своего отдела в других подразделениях (в том числе в «Россике»). Именно с его именем связано начало планомерного формирования и описания турецких рукописных фондов.

Результаты этих работ были обнародованы Смирновым в изданиях библиотеки. Эти публикации, не вошедшие в библиографические списки трудов ученого и поэтому оставшиеся малоизвестными специалистам, вводили в научный оборот обширный корпус бумаг, попавших в различное время на хранение в главную библиотеку Российской империи. В двух информативных справках В.Д. Смирнов охарактеризовал документы на турецком языке, переданные в библиотеку ботаником, географом, библиографом Федором Петровичем Кёппеном (1833–1908), – фирманы турецкого султана, ярлыки крымских ханов, темессук (свидетельства), выданные муфтием обществам различных деревень, худжеты (судебные постановления) [22; 24]. В.Д. Смирнов отметил, что хотя большая часть документов этого собрания – копии, но они заслуживают полного доверия, так как делались под наблюдением Петра Ивановича Кёппена. Эти источники, по мнению турколога, представляли непосредственный интерес для изучения землевладельческих прав и юридических отношений в эпоху Крымского ханства на Южном берегу Крыма, а также для изучения крымской топонимики.

Не менее интересный обзор переводов турецких надписей Василий Дмитриевич поместил в «Отчете» Библиотеки за 1887 год [23]. В связи с уничтожением турецких крепостей на Юге Российской империи, согласно Берлинскому трактату 1878 года, руководивший этими работами генерал-майор Михаил Матвеевич Боресков снял имевшиеся там мраморные доски с гербами и надписями. Они хранились в здании Главного инженерного управления. По поручению военного ведомства В.Д. Смирнов занялся их разбором, атрибуцией и переводом. В качестве вознаграждения за свой труд он добился передачи семи надписей в Публичную библиотеку. Перевод и интерпретацию этих источников исследователь и обнародовал.

¹¹ РНБ, архив, ф. 1, оп. 1 (1917 г.), № 125, л. 125.

По заданию руководства Публичной библиотеки летом 1879 года он вновь совершил ученую поездку в Стамбул, где для главного книжного собрания империи приобрел «небольшую коллекцию» рукописей на турецком и персидском языках [15].

В.Д. Смирнов возбудил ходатайство о передаче в Публичную библиотеку из Симферопольского губернского архива казы-эскерских книг. Передача состоялась в 1905 году. «Отчет» Библиотеки так отразил это событие: «Переданное в Библиотеку по распоряжению министра внутренних дел, благодаря просвещенному содействию министра народного просвещения В.Г. Глазова, хранившееся в Симферопольском губернском архиве собрание так называемых казы-эскерских книг, то есть реестровое, в которое вносились большей частью в извлечениях, а иногда и полностью все юридические и административные дела, подлежавшие ведению казы-эскеров (верховных судей) при Диване (судилище) бывших крымских ханов. Эти рукописи на турецком языке, числом 121, обнимают период времени от 1017 (1608 г. по Р. Х.) до 1201 (1786 г. по Р.Х.) года, т.е. до самого присоединения Крыма к России, и представляют собой остаток архива Крымского ханства. Эти кази-эскерские книги, в которых содержатся протоколы судебных разбирательств по гражданским и уголовным делам, охранительные описи имуществ умерших, духовные завещания, отдельные акты, межевые акты, правительственные распоряжения по финансовой части и обществу благоустройству, сметы по сооружении общественных построек: крепостей, мечетей и т.п., представляют чрезвычайно важный материал для изучения исторического прошлого Крымского ханства и всевозможных сторон быта его населения. Особенно ценной в этих книгах является масса данных о положении и судьбе наших русских полоняников, в огромном количестве попадавших в Крым, служивший в те времена работорговческим рынком» [16, с. 38]. Собрание представляет сейчас отдельный фонд в составе Отдела рукописей Российской национальной библиотеки: 121 единицу хранения в виде тетрадей (дафтарей). Коллекция до настоящего времени так и не была подвергнута археографическому исследованию¹².

Отметим тут также значение сотрудничества Смирнова с местными крымоведами. Такие коммуникации, как правило, выпадают из поля зрения историков науки, когда рассматривается «глобальная» фигура такого историка, как В.Д. Смирнов [12, с. 139–140]. Однако именно такие контакты во многом давали продуктивный результат для узких научных штудий столичных коллег. После образования в 1887 году Таврической ученой архивной комиссии В.Д. Смирнов принимал участие в ее работе. В «Известиях»

¹² РНБ ОР, ф. 917, оп. 1, д. 1–121.

Комиссии историк опубликовал ряд научных штудий. Так, в статье «Джамиу-т-теварихъ» [26] В.Д. Смирнов проинформировал научную общественность о принадлежащей ранее крымскому татарину Мурату Биярсланову рукописи «Всеобщая история» на тюркском языке. Член Таврической ученой архивной комиссии с 1889 года Мурат Биярсланов (?–1893) служил переводчиком Таврического губернского правления. Он откликнулся на призыв крымских краеведов сдать на хранение в архив Комиссии документы, которые находились в дворянских семьях, – представил тюркскую анонимную рукопись (431 лист) «Всеобщей истории». В качестве представителя ТУАК Биярсланов занимался разбором кадиаскерских книг. На страницах «Известий» ТУАК он опубликовал переводы с комментариями из кадиаскерских записей.

Спустя почти 25 лет в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» В.Д. Смирнов поместил еще две свои источниковедческие работы, характеризующие крымскотатарские документы [27; 28]. Так, анализируя присланные ему из Симферополя для перевода пятнадцать ярлыков крымских ханов, он перевел их и представил в Таврическую ученую архивную комиссию характеристику документов «Крымскотатарские грамоты» [27]. Здесь В.Д. Смирнов, по словам А.И. Маркевича, который представлял эту работу на заседании ученого общества, «выясняет положение шейхов и хаджей в Крымском ханстве, а затем обращает внимание на важность вопроса об установлении ценности обращавшихся в Крымском ханстве денежных знаков и высказывает по этому вопросу несколько ценных соображений» [17, с. 295]. Заметим, что во многом инициатором появления публикаций В.Д. Смирнова в симферопольском научном издании был председатель ТУАК Арсений Иванович Маркевич. Об этом свидетельствуют сохранившиеся осколки переписки двух ученых, выявленные в личном архивном фонде В. Д. Смирнова¹³.

Научные контакты столичного ученого с крымскими коллегами продолжались до начала революционной неразберихи в стране. Так, 3 сентября 1916 года на очередном заседании Комиссии был прочитан присланный профессором В.Д. Смирновым доклад «Татарско-ханские ярлыки из коллекции ТУАК», построенный на анализе восьми ярлыков. Исследование, как свидетельствует протокол заседания, вызвало «живой интерес и обмен мнениями» [18, с. 271–272].

Среди неопубликованных крымоведческих трудов ученого, отложившихся в его личном архивном фонде и относящихся к периоду работы с крымскими архивными памятниками, ценность представляют его исследо-

¹³ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 2, д. 29, л. 1–2.

вания «Бытование старых крымско-татарских имен в настоящее время»¹⁴ и «Описание пяти документов на турецких языках, принадлежащих Обществу истории и древностей в Одессе»¹⁵.

Отчет В.Д. Смирнова Санкт-Петербургскому археологическому институту о его архивных разысканиях в Симферополе, а иными словами – экспертиза ценности архивных документов из местных ведомственных хранилищ, был использован директором института Иваном Ефимовичем Андреевским в письме таврическому губернатору Андрею Никитичу Всеволожскому (1840–1893). Последний обращался к И.Е. Андреевскому и в Министерство внутренних дел с ходатайством об учреждении Таврической ученой архивной комиссии. Руководитель Археологического института, основываясь на данных, предоставленных В.Д. Смирновым, подчеркивая свое положительное отношение к факту открытия губернской ученой архивной комиссии в Симферополе, указал наиболее ценные и информативные для исторических исследований фонды из местных архивов¹⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив крымских ханов // Русская Ривьера. 1907. № 39. 26 сент.
2. Бобринский А.А. Доклад о действиях императорской Археологической комиссии за 1886 год // Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 годы: с атласом. СПб., 1891. С. CV–CIX.
3. Гордлевский В.А. Памяти В.Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В.А. Избр. соч.: в 4-х т. М.: Наука, 1968. Т. 4. С. 408–414.
4. Григорьев А.П. Хронологический перечень трудов В.Д. Смирнова и литературы о нем // Тюркологический сборник. 1973. М.: Наука, 1975. С. 268–281.
5. Иванов С.Н. Кафедра тюркской филологии // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та им. А.А. Жданова. 1960. № 296: Востоковедение в Ленинградском ун-те / Под ред. А.Н. Кононова. С. 71.
6. Иванов С.Н. Тюркология в Ленинградском университете // Turcologica, 1986: К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 141–152.
7. Маштакова Е.И. В.Д. Смирнов – исследователь турецкой литературы // Советская тюркология. 1971. № 4. С. 115–123.
8. Михайлов М.С. Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии // Вопросы языка и литературы стран Востока / Ин-т международных отношений; Под ред. Ю.В. Рождественского. М., 1958. С. 275–320.

¹⁴ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 5, л. 1.

¹⁵ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, ф. 5, ед. хр. 1586, л. 1–2.

¹⁶ Центральный гос. исторический архив г. Санкт-Петербурга, ф. 119, оп. 1, д. 151, л. 3–3 об.

9. Непомнящий А.А. В.Д. Смирнов – историк Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1991. Вып. 2. С. 156–160.

10. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Т. 2: *Taurica orientalia*. Симферополь, 2008. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12). 600 с.

11. Непомнящий А.А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В.Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 113–142.

12. Орешкова С.Ф. Османистика: личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедческой науки / Ин-т востоковедения РАН. М., 2023. 272 с.

13. Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. CV–CIX.

14. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1875 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки, статс-секретарем Деляновым. СПб., 1876. С. 21–59.

15. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1879 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки, статс-секретарем Деляновым. СПб., 1880. С. 20–29.

16. Отчет императорской Публичной библиотеки за 1905 год. СПб., 1912. С. 38.

17. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 5-го июня 1913 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 295.

18. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 3 сентября 1916 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. № 56. С. 271–272.

19. Протоколы заседаний Совета имп. Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1869–1870 академического года. СПб., 1871. С. 139.

20. Самойлович А. Памяти проф. В.Д. Смирнова // Восток. 1923. № 3. С. 207–209.

21. Смирнов В.Д. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. LXXV, [260] с.

22. Смирнов В.Д. Собрание документов на турецком языке, касающихся Крымского полуострова, принесенных в дар Библиотеке ее библиотекарем Ф.П. Кёппеном // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1881 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки, статс-секретарем Деляновым. СПб., 1883. С. 45–52.

23. Смирнов В.Д. Надписи, бывшие на турецких крепостях, ныне находящиеся в императорской Публичной библиотеке // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки тайным советником Бычковым. СПб., 1884. Прил. 3. С. 1–9.

24. Смирнов В.Д. Собрание документов на турецком языке, касающихся Крымского полуострова, принесенных Библиотеке в дар ее библиотекарем Ф.П. Кёппеном, и служащих дополнением к такому же собранию, принесенному в дар в 1881 г. // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885. С. 227–231.

25. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. 1887. Т. 1, вып. 4. С. 273–302.

26. Смирнов В.Д. Джамиъу-т-теварихъ // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1889. № 8. С. 104–107.

27. Смирнов В.Д. Крымскотатарские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 140–178.

28. Смирнов В.Д. Татарско-турецкие ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54. С. 1–19.

29. Dmitrijev N.K. V.D. Smirnov // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1928. Pt. 2. P. 408–410.

30. Vernadsky G. Russian historiography: History. Belmond, 1978. 540 p.

Сведения об авторе: Непомнящий Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (295007, пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); dr.aan@mail.ru

V.D. Smirnov – researcher of the Crimean archives

Andrey Nepomnyashchy

V.I. Vernadsky Crimean Federal University;

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. During a business trip to the Crimea in 1886, V.D. Smirnov studied the composition of the Simferopol archives. The trip of the orientalist was initiated by the St. Petersburg Archaeological Institute. In connection with the request of local scientists about the opening of the provincial scientific archival commission on the peninsula, the director of the Archaeological Institute I.E. Andreevsky appealed to the famous orientalist in the capital V.D. Smirnov with a request to conduct an expert assessment of the available documents in Taurida. The purpose of the study was to conclude on the expediency of opening a local academic archival commission. Extensive excerpts from

V.D. Smirnov's manuscript are provided, compiled based on the results of the trip. The document provides an overview of the composition of the Crimean archives and the value of the deposited archival papers.

Keywords: V.D. Smirnov, Crimean studies, archives, Taurida Scientific Archival Commission, St. Petersburg Archaeological Institute

For citation: Nepomnyashchy A.A. V.D. Smirnov – researcher of the Crimean archives. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 83–110. DOI: 10.22378/kio.2024.1.83-110 (In Russian)

REFERENCES

1. Archive of the Crimean khans. *Russkaya Riv'era* [Russian Riviera], 1907, no. 39, 26 sept. (In Russian)
2. Bobrinskiy A.A. Report on the actions of the Imperial Archaeological Commission for 1886. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1888: with atlas. St. Petersburg, 1891, pp. CV–CIX. (In Russian)
3. Gordlevskiy V.A. In memory of V.D. Smirnov (1846–1922). Gordlevskiy V.A. Selected works. Moscow: Nauka Publ., 1968, vol. 4, pp. 408–414. (In Russian)
4. Grigor'ev A.P. Chronological list of works of V.D. Smirnov and literature about him.. *Tyurkologicheskij sbornik=Turkological collection*. 1973, Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 268–281. (In Russian)
5. Ivanov S.N. Department of Turkic Philology. Scientific notes of A.A. Zhdanov Leningrad State University. 1960, no. 296, p. 71. (In Russian)
6. Ivanov S.N. Turkology at Leningrad University. *Turcologica*. Leningrad: Nauka Publ., 1986, pp. 141–152. (In Russian)
7. Mashtakova E.I. V.D. Smirnov is the researcher of Turkish literature. *Sovetskaya tyurkologiya=Soviet Turkology*. 1971, no. 4, pp. 115–123. (In Russian)
8. Mikhaylov M.S. On the study of Turkish literature in domestic Turkology. Questions of language and literature of the countries of the East. Moscow, 1958, pp. 275–320. (In Russian)
9. Nepomnyashchy A.A. V.D. Smirnov – historian of the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii=Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. 1991, vol. 2, pp. 156–160. (In Russian)
10. Nepomnyashchy A.A. Aspects of Crimean studies. Vol. 2: Taurica orientalia. Simferopol, 2008, 600 p. (In Russian)
11. Nepomnyashchy A.A. The beginning of the scientific stage of the development of sources on the history of the Crimean Khanate: V.D. Smirnov. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 113–142. (In Russian)
12. Oreshkova S.F. Osmanism: personal experience and some reflections on the development of this branch of oriental science. Moscow, 2023. 272 p. (In Russian)

13. Otchet imp. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1888. St. Petersburg, 1891, pp. CV–CIX. (In Russian)

14. Report of the Imperial Public Library for 1875, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, State Secretary Delyanov. St. Petersburg, 1876, pp. 21–59. (In Russian)

15. Report of the Imperial Public Library for 1879, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, State Secretary Delyanov. St. Petersburg, 1880, pp. 20–29. (In Russian)

16. Report of the Imperial Public Library for 1905. St. Petersburg, 1912, p. 38. (In Russian)

17. Minutes of the meeting of the Tauride Scientific Archival Commission of June 5, 1913. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1913, no. 50, p. 295. (In Russian)

18. Minutes of the meeting of the Tauride Scientific Archival Commission of September 3, 1916. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1920, no. 56, pp. 271–272. (In Russian)

19. Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University for the second half of the academic year 1869–1870. St. Petersburg, 1871, p. 139. (In Russian)

20. Samoylovich A. In Memory prof. V.D. Smirnov. *Vostok =East*. 1923, no. 3, pp. 207–209. (In Russian)

21. Smirnov V.D. A collection of some important information and official documents regarding Turkey, Russia and Crimea. St. Petersburg, 1881, LXXV, [260] p. (In Russian)

22. Smirnov V.D. A collection of documents in Turkish language concerning the Crimean Peninsula, donated to the Library by its librarian F.P. Köppen. Report of the Imperial Public Library for 1881, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, State Secretary Delyanov. St. Petersburg, 1883, pp. 45–52. (In Russian)

23. Smirnov V.D. Inscriptions that were on Turkish fortresses, are now in the Imperial Public Library. Report of the Imperial Public Library for 1882, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, Privy Councilor Bychkov. St. Petersburg, 1884, pp. 1–9. (In Russian)

24. Smirnov V.D. A collection of documents in Turkish language concerning the Crimean Peninsula, donated to the Library by its librarian F.P. Köppen, and serving as an addition to the same collection, donated in 1881. Report of the Imperial Public Library for 1883. St. Petersburg, 1885, pp. 227–231. (In Russian)

25. Smirnov V.D. Archaeological excursion to Crimea in the summer of 1886. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya imp. Russkogo arkheologicheskogo obshchestva=Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1887, vol. 1, iss. 4, pp. 273–302. (In Russian)

26. Smirnov V.D. Dzhami"u-t-tevarikh".. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Taurida Scientific Archival Commission*. 1889, no. 8, pp. 104–107. (In Russian)

27. Smirnov V.D. Tatar-Turkish Yarlyks from the collection of the Tauride Scientific Archival Commission. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Taurida Scientific Archival Commission*. 1913, no. 50, pp. 140–178. (In Russian)

28. Smirnov V.D. Tatar-Turkish yarlyks from the collection of the Tauride Scientific Archival Commission. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Taurida Scientific Archival Commission*. 1918, no. 54, pp. 1–19. (In Russian)

About the author: Andrey A. Nepomnyashchy – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Archaeology and General History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Academician Vernadsky ave., Simferopol 295007, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); dr.aan@mail.ru

УДК 342.725.1

DOI: 10.22378/kio.2024.1.111-123

Функционирование крымскотатарского языка в органах власти и управления Крымской АССР в контексте политики коренизации (20–30-е годы XX века)

Григорий Кондратюк

Крымский инженерно-педагогический

университет им. Ф. Якубова;

Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. В статье проанализированы основные направления политики коренизации. Изучено использование крымскотатарского языка в работе органов власти и управления.

Надежды большевиков на пролетарскую революцию в Западной Европе не оправдались, и вектором внешнеполитических надежд стал Восток (Турция и Иран). Создание крымской автономии должно было продемонстрировать, что потребности тюркских народов находят решение в Советском Союзе, но не принципах кемализма, а коммунистической партии. В этой задаче проводниками большевистских идей должны были выступить крымские татары. Данное обстоятельство составляло основу специфики политики коренизации на полуострове, вследствие чего появился другой термин – «татаризация». Особым направлением национальной политики стала «коренизация аппарата», а важным политическим аспектом – применение крымскотатарского языка в области государственного строительства. Автором предложена периодизация реализации национальной политики, которая делится на четыре этапа: 1) 1917–1923 гг. – поиск концептуальных принципов реализации этнополитики; 2) 1923–1928 гг. – официальное провозглашение коренизации и наступление на национал-коммунистов в тюркских республиках.; 3) 1928–1934 гг. – административный; 4) 1934–1938 гг. – формирование национальных колхозов и крымскотатарского пролетариата.

Материалы исследования: В работе над статьей использованы теоретические работы руководителей Народного комиссариата национальностей РСФСР, неопубликованные документы Государственного архива Республики Крым.

Результаты и научная новизна: В статье проанализирована взаимосвязь различных аспектов политики коренизации в Крымской АССР и изменение правового статуса крымскотатарского языка.

Ключевые слова: коренизация, Крымская АССР, национальная политика, «татаризация», крымские татары, этнополитика

Для цитирования: Кондратюк Г.Н. Функционирование крымскотатарского языка в органах власти и управления Крымской АССР в контексте политики коренизации (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 111–123. DOI: 10.22378/kio.2024.1.111-123

Актуальность темы. Этнологами в современном мире насчитывается около пяти тысяч народов, но государств – только порядка двухсот. Ключевой проблемой национальной политики многих государств является гармонизация межнациональных отношений. Реализация потребностей различных народов, прежде всего в экономической и социально-культурной сфере, выступает фактором стабильности межнациональных отношений. Выработка целостной концепции регулирования национального вопроса должна учитывать опыт советской этнополитики в отношении крымских татар межвоенного двадцатилетия.

Историография вопроса. Изучение и анализ практических мероприятий советской этнополитики в отношении крымских татар были начаты ещё в межвоенное двадцатилетие. Авторами публикаций являлись партийные и советские работники, представители интеллигенции. В данных работах содержались как доктринальные установки реализуемой этнополитики, так и осмысление проведённых практических мероприятий в области работы советских органов власти, местных Советов, создания национальных крымскотатарских районов. В последующем были опубликованы и острополюемические работы, направленные против «национал-уклонистов». Таковы, в частности, политические публикации Биляла Чагара, Рамазана Александровича, А. Самединова. Анализ национальной политики происходил как на региональном уровне, у названных авторов, так и представителями центральных органов власти и управления. Так, в публикациях работников Народного комиссариата по делам национальностей фиксировались доктринальные установки национальной политики в отношении тюркских народов. Публикации 1920-х годов характеризуются разнообразием мнений и подходов. В 1921 году увидел свет сборник статей, подготовленный Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР. Авторами работ являлись нарком И. Сталин, И. Трайнин, М. Павлович. Анализ был подвергнут самый широкий спектр вопросов. В области аграрных преобразований отмечалось, что «РКП ставит задачей возвращение пахотных участков и вообще всех пригодных земель трудовым туземным массам» [5, с. 44]. Для крымских татар земельная реформа была насущнейшей, так как половина крестьян была безземельной и арендовала землю

на крайне невыгодных для себя условиях. Подобного рода работы были подготовлены и позднее. В сборнике под редакцией Г.И. Бройдо, был сделан акцент на значении национально-освободительного движения в колониях. Большевики ещё жили идеями «экспорта революции»: «коммунистические партии обязаны оказывать активную поддержку всем тем национальным движениям и войнам, которые направлены за своё освобождение против империализма» [6, с. 31]. Крымская АССР рассматривалась как плацдарм для экспорта революционных идей на Ближний Восток и Турцию. Для крымских татар должна была быть создана образцовая автономия с тем, чтобы продемонстрировать тюркскому миру, что национальные вопросы решаются только в СССР. Акцент работ 1930-х годов иной – это борьба с уклонистами от «ленинской национальной политики». Был рожден лозунг «социалистической по содержанию, но национальной по форме культуры», означавший завершение относительной свободы национального развития [4, с. 20]. Вывод носил бескомпромиссный характер: «наши коммунистические организации на окраинах могут стать на ноги только в том случае, если они преодолеют национализм» [2, с. 9]. Подавляющее большинство крымских татар, членов местной организации ВКП(б) были отнесены к «правым» или «левым» национал-уклонистам и подверглись разным формам репрессирования.

Советская этнополитика межвоенного периода получила название коренизации. Её основные принципы были провозглашены на X и XII съездах РКП(б), в частности в апреле 1923 года. Провозглашение коренизации стало своеобразным подведением некоего промежуточного итога в поиске советской модели этнополитики. Её формирование было начато в период Гражданской войны. Своё видение фундаментальных принципов этнополитики в отношении тюркских народов, в частности крымских татар, Мирсаид Султан-Галиев и Мулланур Вахитов представили в Декларации прав народов Востока 2 ноября 1917 года и «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 года. Авторы этих основополагающих документов принципиально важным считали формирование государственности для тюркских народов. По их мнению, без государственности невозможно было разрешить ни одной насущной задачи. В марте 1918 года была провозглашена Татаро-Башкирская советская республика. На первом этапе её существования национальное начало доминировало над коммунистическим. Опыт строительства автономии был перенесён затем и в другие регионы тюркских народов, в том числе и Крым. Крымская ССР создавалась как национальная крымскотатарская автономия, структуры которой были призваны решать насущные проблемы крымскотатарского народа. Численность крымских татар в данном процессе не стала препятствием. В одном из своих публичных выступлений

М.И. Калинин говорил, что «у нас в Крыму только 26% татар. Однако, у нас существует Крымская республика, которая является татарской республикой» [3, с. 5].

Один из лозунгов большевиков декларировал стремление уничтожить национальное угнетение. В ответе на вопрос о том, как же регулировать межнациональные отношения, мнения в партии разделились. Бесспорным было одно: РКП(б) должна была сохранить монополию на обладание политической властью и происходящие этнические процессы направить в необходимое для себя русло. Осознание данного факта привело таких теоретиков восточного коммунизма, как М. Султан-Галиев, к необходимости формирования тюркских коммунистических структур. Такие специализированные структуры были созданы. В 1921 году в Москве состоялся II Всероссийский съезд мусульманских коммунистических организаций. В резолюции по партийно-организационному вопросу отмечалось, что «наша коммунистическая партия централизована в боевой штаб, борющийся за всемирную революцию против тёмных сил»¹. Съезд принял решение об организации Центрального бюро организаций народов Востока. Центральное бюро формировалось из 7 человек. Задача Центрального бюро состояла в том, чтобы направить и координировать всю партийную работу через областные бюро в тюркских республиках. Центральное бюро формировалось из отдела международной пропаганды, издательского, информационного и организационного. Необходимо отметить, что в работе II съезда принял участие Исмаил Фирдевс. И. Фирдевс вынес на рассмотрение съезда проект резолюции по докладу заместителя председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока. Резолюция отмечала, что съезд «рельефно и отчётливо выразил взгляд коммунистов-мусульман на постановку национального вопроса среди трудовых татарских масс»².

Формирование национальной политики в отношении крымских татар было обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов. Один из главных внутренних факторов – перехватить инициативу у движения национальной интеллигенции, выросшей из джадидизма. Представители национальной интеллигенции пользовались огромным авторитетом у крымскотатарского крестьянства. Революция вызвала подъём творческой энергии крымских татар. Созданная в революционные годы крымскотатарская партия «Милли-Фирка» в первой половине 1920-х годов продолжала свою деятельность. Её легальной формой стал крымскотатарский кооператив «Шеркет». Подъём общественно-политической активности явился общета-

¹ Центральний державний архів громадських об'єднань (ЦДАГО). Ф. 1. Оп. 20. Д. 753. Л. 11.

² Там же. Д. 753. Л. 4.

тарской тенденцией. На данный факт обратил внимание заместитель народного комиссара по делам национальностей М. Султан-Галиев. М. Султан-Галиев побывал в Крыму с инспекционной поездкой в февралемарте 1921 года и был хорошо знаком с ситуацией в Крыму. Мирсаид Султан-Галиев в статье «Татары и Октябрьская революция» отмечает общественно-политическую активность тюркских народов, которая логически должна была быть оформлена новым государственно-административным статусом. М. Султан-Галиев пишет: «Мы видим пробуждение целой закабалённой царизмом и обречённой на полное культурное и экономическое вырождение и вымирание нации. Забивает ключом освободившаяся от оков новая мысль. Начинается лихорадочное искание новых путей развития... Лейтмотивом всей общественно-политической мысли этой эпохи была идея национального возрождения татар» [1, с. 2]. Общая задача в реализации национальной политики решалась во всех регионах Советского Союза, в том числе в Крымской АССР. Второй вектор – социальная и экономическая модернизация, в которую был вовлечён крымскотатарский народ. Модернизация на социалистических, большевистских установках, а не в прежней системе координат. Модернизация предполагала проведение аграрной реформы и создание национального пролетариата. Для крымскотатарского народа аграрная реформа, ликвидация бедности являлись насущной задачей. Без обладания реальными политическими рычагами решить эту задачу было невозможно. Необходимо отметить, что неслучайно М. Султан-Галиев содержание национальной политики трактовал рационально: «Основная политическая установка наша по нацвопросу в СССР заключалась в стремлении завоевать для нацрайонов соответствующий их экономическому значению и политической роли удельный вес в общественно-политической жизни Советского Союза. Организационно мы это мыслим как минимум действительное закрепление за нацрайонами тех конституционных прав, которые были выработаны в процессе развития Октябрьской революции и окончательно зафиксированы, как неприкосновенное право националов, XII партсъездом; как максимум мы это представляли в расширении конституционных прав автономных нацобразований РСФСР... до положения союзных республик. Политически же это мыслилось в усилении активной роли националов в разрешении общесоюзных экономических, политических и социально-культурных вопросов по линии партийной и советской, в усилении их влияния на постановку и разрешение отдельных вопросов социалистического строительства в союзном и республиканском масштабах в соответствии с интересами нацрайонов и националов вообще и в организации подлинного представительства националов в соответствующих центральных органах» [7, с. 565–566]. Почти половина крестьян – крымских татар были безземельными, являясь арендато-

рами-скопщиками. Руководство Народного комиссариата земледелия, наркомы С. Меметов, а затем У. Ибраимов инициировали проведение внутри-селенного и межселенного землеустройства. Специфика крымской аграрной реформы, в отличие от преобразований в Средней Азии, в том, что земельная реформа должна была повлиять на формирование этнического баланса региона в будущем. Межселенное землеустройство предполагало, что часть безземельных южнобережных крестьян будет переселена в Северный Крым и таким образом предпосылки притока иноэтнического населения из-за пределов Крыма будут блокированы. Таким образом, земельная реформа состояла не столько в изменении права собственности, сколько перспектив развития крымскотатарского народа. Земельная реформа, проводимая в различных регионах Советского Союза, должна была дать зримые результаты для крестьян и сформировать, таким образом, социальную базу для поддержки власти большевиков. Специфика национальной и аграрной политики проявилась также и в том, что руководство крымской автономии во главе с Председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым отдало приоритет развитию хозяйств зажиточных крестьян. «Кулацкий» путь развития аграрного сектора Крымской АССР вызвал особо острую критику общесоюзного партийно-политического руководства. Распределение земельной собственности между различными народами Крымской АССР составило один из ключевых элементов национальной политики на полуострове. В условиях этнически более гомогенных регионов Средней Азии взаимозависимость «этнос – земельная собственность» был не так выражен. Аграрные преобразования были начаты с момента установления Советской власти в ноябре 1920 года. Приоритетное оказание помощи крестьянам – крымским татарам нашло закрепление в резолюции по докладу «О сельскохозяйственном строительстве в Крыму», принятой II беспартийной татарской областной конференцией. В документе отмечалось, что «самым разорённым с/х является хозяйство татарского крестьянства, то поэтому оно более всех других народов нуждается в поддержке государства»³. Большевиками в начале 1920-х годов решение национального вопроса виделось как решение крестьянской потребности в земле. Конференция приняла решение, что помощь будет оказана при посредстве Сельскохозяйственного банка, в состав правления которого будут направлены три представителя крымских татар, делегированных мероприятием. Коллегия С/х банка должна была приоритетно оказывать помощь крестьянам – крымским татарам.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 61. Д. 112. Л. 30 об.

Тезис о решении прежде всего экономических запросов тюркских народов, как практическая реализация национальной политики, прозвучал в выступлении Мирсаида Султан-Галиева «О задачах Советского строительства среди татаро-башкир». Докладчик отметил, что «состояние экономики татаро-башкир настоящим образом диктует Советской власти и её хозяйственным органам необходимость выделения работы по восстановлению и возрождению хозяйства татаро-башкир, в смысле ударности, первоочередности»⁴. М. Султан-Галиев сформулировал комплекс причин, которые, по его мнению, привели к экономической катастрофе: «Хозяйственно-экономическая жизнь татаро-башкир характеризуется крайней отсталостью и состоянием полной разрухи и разлада... Такое состояние татаро-башкир объясняется следующими причинами: культурная, политическая и экономическая порабощённость татаро-башкир до революции. Система эта заключалась в следующем: а) искусственное обезземеливание татаро-башкир, путём насильственного отчуждения земельных угодий; б) ограничение татаро-башкир в правах недвижимой собственности на окраинах; в) искусственное экономическое обессиливание татаро-башкир в районах колонизации путём материальной и моральной поддержки конкурирующих с ними в хозяйственном отношении переселенческих и колонизационных элементов»⁵.

Национальная политика в тюркских регионах Советского Союза реализовывалась не только в аграрном секторе, но и промышленности и кустарных промыслах. Во всех тюркских национальных республиках отсутствовала социальная база большевистской власти в виде пролетариата. Большевистская доктрина была ориентирована на промышленный пролетариат. В результате хозяйственной разрухи 1918–1920 годов Крым оказался деиндустриализован и количество промышленных рабочих в социальной структуре невелико. Формирование слоя промышленных рабочих крымских татар стало более интенсивным с началом индустриализации 1930-х годов. Для всех предприятий определялись квоты, которые должны были пополняться только крымскими татарами. В составе ЦИК Крымской АССР в сентябре 1929 года был создан специализированный структурный орган – Комиссия по татаризации советского кооперативного аппарата и общественных организаций. Невыполнение квот объявлялось «уклонизмом» и было наказуемо. Коренизация на промышленных предприятиях была тесно связана с «выдвиженчеством». Выдвиженцы из среды батраков и рабочих должны были замещать посты так называемых «ответработни-

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 104. Л. 14.

⁵ Там же. Д. 104. Л. 11–12.

ков», то есть руководителей предприятий. Этот процесс получил также название «орабочивание аппарата».

Важнейшим направлением в реализации национальной политики стал процесс, получивший название «коренизация аппарата». Коренизация в органах власти и управления означала выделение квот для служащих определённой национальности. В Крымской АССР коренизация органов власти и управления получила название «татаризация». Термин не случаен, так как в 1920-х годах национальная политика была ориентирована прежде всего на крымских татар. Помимо квотирования важным политическим аспектом коренизации стало применение крымскотатарского языка в области государственного строительства. Определение крымскотатарского языка государственным наряду с русским, закреплённое в Конституции Крымской ССР 1921 года, существенно изменило сферу его применения. В резолюции крымскотатарской беспартийной конференции отмечалось: «Принимая во внимание опубликованный декрет КрымЦИК и Совнаркома по вопросу о татаризации советских аппаратов и применения татарского языка в государственном быту, Всекрымская Татарская Беспартийная конференция выносит пожелание о скорейшем и энергичном проведении этого декрета в жизнь, не жалея никаких сил и средств»⁶. Также резолюция была принята по докладу «Об участии трудящихся татар в советском строительстве», сделанному председателем правительства автономии Османом Дерен-Айерлы. Конференция высказала пожелание о создании постоянно действующего органа по практическому осуществлению мероприятий по «татаризации советских аппаратов и огосударствления татарского языка в Крыму».

Национальная политика в отношении тюркских народов в начале 1920-х годов включала также построение определённых отношений с национальной интеллигенцией, линии «власть – духовенство». Руководство крымской автономии было вынуждено признать влияние национальной интеллигенции, активно участвовавшей в национальном движении периода Гражданской войны. Из части этой интеллигенции вышли советские служащие, сотрудники народных комиссариатов, прежде всего Народного комиссариата просвещения. Национальные школы и техникумы призваны были подготовить новое поколение молодёжи, проникнутое духом патриотизма и готовое участвовать в государственном строительстве.

Специфика национальной политики в отношении тюркских народов заключалась в форме автономного образования. Тюркские народы получали статус для своих административно-территориальных единиц в форме

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 104. Л. 30.

республики, края или области. Границы этих образований и объём полномочий определялись многими факторами. На I Всекрымском съезде советов Крым был объявлен Автономной Советской Социалистической Республикой. Одним из главных факторов создания республики являлся внешнеполитический. Надежды большевиков на пролетарскую революцию в Западной Европе не оправдались. Выступления коммунистов в Баварии, Венгрии в 1918 году завершились поражением. Вектор внешнеполитических надежд был обращён на Восток – Турцию и Иран. Создание крымской автономии должно было продемонстрировать, что потребности тюркских народов находят решение. Советский Союз предлагает свой вариант модернизации для тюркского мира, основанный на принципах коммунистической партии, а не кемалистов. В свою очередь крымские татары должны были стать проводниками коммунистического влияния на Ближнем Востоке. Показателен характер докладной записки, подготовленной членом Крымского обкома РКП(б) Г. Шидаревым 16 июля 1921 года «Методы подхода к устройству Крымской ССР, как факела Российской социалистической революции на Ближнем Востоке». Г. Шидарев пишет: «Крым является всероссийским окном в Турцию в значительно большей степени, чем кавказские республики, потому что нет народа, более тесно связанного с турками, чем крымские татары... Крым должен стать притягательным для мусульман центром, доступным для обозрения всему Востоку, и Крым может стать таким только при условии использования предоставленной ему автономии»⁷.

В сентябре 1920 года в Баку состоялся съезд народов Востока. Мероприятие предполагало наметить перспективы для революционного движения на Ближнем Востоке. Крымская автономия должна была стать транзитным пунктом в экспорте коммунистических идей в Турцию. Данная установка активно обсуждалась в среде коммунистов – крымских татар. Одним из первых коммунистов С. Меметовым был подготовлен доклад «К вопросу о государственной форме Крыма». Автор указывает на то, что автономия на полуострове создана с учётом международных, революционных и национальных факторов. Удовлетворение потребностей крымских татар занимает одно из центральных мест в работе органов государственной власти. В своей работе С. Меметов писал, что в Крыму необходимо создать «образцовый советский уголок», который бы послужил агитацией для всего Востока и притянул бы ориентацию Востока к себе⁸. Необходимо

⁷ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 63. Л. 325.

⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 73.

отметить, что целый ряд преобразований, проводившихся в контексте национальной политики в отношении тюркских народов, коррелируются с мероприятиями в Турции. Это светский характер государства, отделение школы от церкви, латинизация алфавита, индустриализация и поддержка национального промышленного производства. В конечном итоге национальная политика призвана была реализовать коренные интересы тюркских народов, позволив им занять своё место в динамике событий XX века.

Практические мероприятия национальной политики рождались во внутрипартийных дискуссиях РКП(б). Общесоюзные мероприятия вырабатывались Народным комиссариатом по делам национальностей (Наркомнацем). Региональная специфика обсуждалась в Крымском ОК РКП(б), ЦИК и СНК Крымской АССР. К 1923 году в крымской партийной организации сформировались две группы крымских татар-коммунистов – так называемые «правые» и «левые». Подобное деление существовало в партийных организациях Казани, Уфы и других тюркских республик. В среде «правых» и «левых» активно дискутировалась практика этнополитики Советского Союза. Яркими фигурами внутри крымской партийной борьбы стали Исмаил Фирдевс, Осман Дерен-Айерлы, Решид Ногаев, Вели Ибраимов, Умер Ибраимов, Мурат Мамут-Недим, Усеин Балич, С. Меметов. Участники внутрикрымских дискуссий поддерживали связь, в частности, с представителями казанской партийной организации, бывшими лидерами Наркомнаца. Одна из ключевых фигур Наркомнаца – заместитель наркома М. Султан-Галиев. Он стал одной из центральных фигур политической оппозиции тюркских республик в начале 1920-х годов. Несколько месяцев в феврале-марте 1921 года М. Султан-Галиев работал в Крыму, проводил обследование крымской партийной организации. В марте 1921 года в Симферополе прошла партийная конференция. Один из центральных докладов был сделан М. Султан-Галиевым «Очередные задачи партии в национальном вопросе». Центральная идея выступавшего, состояла в том, что решение национальных проблем – не тактический приём, а долгосрочная перспектива.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в реализации национальной политики в отношении крымских татар можно выделить четыре этапа. Первый датируется 1917–1923 годами. Его хронологические рамки начинаются с момента большевистской революции и продолжаются до XII съезда РКП(б) в апреле 1923 года. Это период поиска концептуальных принципов реализации этнополитики, создания национальных автономных республик, возможностей дискуссий о сфере национальных отношений. Второй этап может быть датирован с 1923 по 1928 год. Начало этапа обозначается официальным провозглашением коренизации. Завершается пе-

риод судебным процессом по делу Вели Ибраимова, ставшим сигналом наступления на национал-коммунистов в тюркских республиках. Третий этап – с 1928 по 1934 год. Он может быть обозначен как административный. Создание крымскотатарских административных единиц и квотирование являются его отличительными особенностями. Четвёртый этап – с 1934 по 1938 год. Формирование национальных колхозов и крымскотатарского пролетариата, новой культуры – «национальной по форме, но социалистической по содержанию».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жизнь национальностей. 1921. 5 ноября. № 24 (122).
2. Итоги разрешения национального вопроса в СССР. Сб. статей / Под ред. С.М. Диманштейна. М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1936. 223 с.
3. Калинин М.И. Евреи в СССР / М.И. Калинин. М.: издание ЦС ОЗЕТ, 1932. 16 с.
4. Национально-культурное строительство в РСФСР к XV-летию Октябрьской революции. Сборник статей / Под ред. А.Р. Рахимбаева. М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, Государственное учебно-педагогическое издательство, 1933. 191 с.
5. Национальный вопрос и Советская Россия. М.: Государственное издательство, 1921. 91 с.
6. Национальный и колониальный вопрос и РКП(б). Материалы и статьи / под ред. Г.И. Бройдо. М.: «Московский рабочий», 1925. 411 с.
7. Султан-Галиев М. Избранные труды / М. Султан-Галиев. Казань: Гасыр, 1998. 719 с.

Сведения об авторе: Кондратюк Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); kondratjukkipu@gmail.com

The functioning of the Crimean Tatar language in the authorities and administration of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the context of the policy of indigenization (20–30s of the XX century)

Grigorii Kondratjuk

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the main directions of the indigenization policy. The use of the Crimean Tatar language in the work of government and management bodies has been studied.

The Bolsheviks' hopes for a proletarian revolution in Western Europe did not come true, and the vector of foreign policy hopes became the East (Turkey and Iran). The creation of the Crimean autonomy was supposed to demonstrate that the needs of the Turkic peoples could be resolved in the Soviet Union, but not in the principles of Kemalism, but in the Communist Party. In this task, the Crimean Tatars were to act as conductors of Bolshevik ideas. This circumstance formed the basis of the specificity of the policy of indigenization on the peninsula, which was reflected in the term "Tatarization". A special direction of national policy has become the indigenization of government and administrative institutions, and an important political aspect is the use of the Crimean Tatar language in the area of state building. The author proposes a periodization of the implementation of national policy, which is divided into four stages: 1) 1917–1923 – search for conceptual principles for the implementation of ethnopolitics; 2) 1923–1928 – official proclamation of indigenization and an attack on national communists in the Turkic republics; 3) 1928–1934 – administrative stage; 4) 1934–1938 – formation of national collective farms and the Crimean Tatar proletariat.

Research materials: The theoretical works of the leaders of the People's Commissariat of Nationalities of the RSFSR were used, as well as unpublished documents from the State Archive of the Republic of Crimea.

Results and novelty of the research: The article analyzes the relationship between various aspects of the indigenization policy in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic and the change in the legal status of the Crimean Tatar language.

Keywords: indigenization, Crimean ASSR, national policy, "Tatarization", Crimean Tatars, ethnopolitics

For citation: Kondratjuk G.N. The functioning of the Crimean Tatar language in the authorities and administration of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the context of the policy of indigenization (20–30s of the XX century). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 111–123. DOI: 10.22378/kio.2024.1.111-123 (In Russian)

REFERENCES

1. Life of nationalities. 1921. November 5. №. 24 (122). (In Russian)
2. Results of the resolution of the national question in the USSR. Collection of articles. Ed. by S.M. Dimanshtejn. Moscow: «Vlast' Sovetov» pri prezidiume VCIK, 1936. 223 p. (In Russian)
3. Kalinin M.I. Jews in the USSR. Moscow: Izdanie CS OZET, 1932. 16 p. (In Russian)
4. National and cultural construction in the RSFSR for the XV anniversary of the October Revolution. Collection of articles. Ed. by A.R. Rahimbaev. M.-L.: Narkompros RSFSR, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1933. 191 p. (In Russian)
5. The national question and Soviet Russia. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 91 p. (In Russian)
6. The national and colonial question and the Russian Communist Party (Bolsheviks). Materials and articles. Ed. by G.I. Brojdo. Moscow: «Moskovskij rabochij», 1925. 411 p. (In Russian)
7. Sultan-Galiev M. Selected works. Kazan: Gasyr, 1998. 719 p. (In Russian)

About the author: Grigorii N. Kondratjuk – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); kondratjukkipu@gmail.com

Perspectives of Turkish foreign policy based on analysis of Romanian documents

Ionuț Cojocaru

University POLITEHNICA of Bucharest

Abstract. After 29 October 1923, when the status of the nation as a republic was declared and its official name was proclaimed to be Türkiye Cumhuriyeti ("the Republic of Turkey"), the officials followed a defensive policy and the Turkish status became part of defensive alliances. In this sense, treaties with the USSR were signed, Turkey was part of the Balkan Agreement and had agreements with Great Britain, France, etc. An increased attention was paid to the Balkan space where the legacy of the Ottoman Empire was visible. Ankara's diplomats appealed to the Turkish-Tatar communities that lived in the geographical area of Balkans to move to the new Turkish state. The Treaty of Lausanne and then the Treaty of Montreux were vital – in the first – for the security of the new Turkish state, but also for the states bordering the Black Sea. From political point of view, the main priority of the foreign Turkish policy was to pursue an alliances policy, seeking to maintain and consecrate by treaties its territorial integrity stability in its own influence areas.

Keywords: Turkey, Romania, Lausanne, League of Nations, USSR, Dobrogea, Tatars, Emigration

For citation: Cojocaru I. Perspectives of Turkish foreign policy based on analysis of Romanian documents. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 124–143. DOI: 10.22378/kio.2024.1.124-143

Introduction

The transition from Empire to Republic did not prove to be easy, first because the Sultanate had become a true form of life; The Sultan was considered the chosen one of Allah, and he had to rule the Empire both religious and administrative. For Turkish society, the change in the form of government proved auspicious. But in the first place, Atatürk's reforms were received with suspicion. The main concern of the Turkish head of state was to obtain the country's independence, a fact achieved by the Lausanne Treaty of July 24, 1923, after which the foreign forces that had invaded it withdrew. From political point of view, the main priority of the foreign Turkish policy was to pursue an alliances

policy, seeking to maintain and consecrate by treaties its territorial integrity stability in its own influence areas.

The failure of the disarmament plans initiated after the First World War, the inability of the League of Nations to stop the revisionist states from seizing territories, to organize a system of collective security, are factors that led to the reconsideration of the Lausanne Conference, because what had been established in July 1923 did not meet the Turkish or the other states bordering the Black Sea requirements. During the debates regarding the issue of the Bosphorus and Dardanelles Straits, two points of view appeared : on the one hand was the point of view of Turkey – which coincided with the USSR point of view – who wanted the militarization of the Straits in order to guarantee its own security, while the Soviet Union sought to make the Black Sea an area to control by restricting or canceling the entry of non-riverine warships, on the other hand, there was Great Britain's point of view, interested in protecting its maritime communication lines, in keeping somehow a form of international control by maintaining the Straits. In the end, the point of view of Turkey was adopted, which was recognized as having the right to rearm the areas that had been demilitarized at Lausanne. [1, p. 500].

1. Turkish foreign policy analysis in the reports of Romanian diplomats

In a report by Octavian Beu, First Secretary in Constantinople, to Ion Gh. Duca, Minister of Foreign Affairs of Romania, regarding Turkey's resumption of diplomatic relations with former neutral states during the First World War, it is stated that , the governments of the former neutral states expressed their desire to enter into negotiations with the Turkish Ministry of Foreign Affairs for the resumption of diplomatic relations. Angora [Ankara] then replied that it was waiting for the end of the negotiations started with Bulgaria, after which the representatives of the other states would be immediately invited to negotiate the conclusion of a friendship treaty and possibly a commercial convention. However, as negotiations with the Bulgarians dragged on due to their demands, the Turkish government decided to invite Holland, Spain, Denmark and Czechoslovakia to send their delegations without delay to prepare diplomatic relations¹.

After so many conflicts and negotiations, President Mustafa Kemal gave a speech in the Grand National Assembly in which he analyzes Turkey's important milestones and traces its new path. Gheorghe Filality, envoy extraordinary and minister plenipotentiary to Constantinople, analyzed his speech. From the note to the Ministry of Foreign Affairs, it appears that few nations have set the exam-

¹ Archive of the Romanian Ministry of Foreign Affairs (AMAE – Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, Bucharest), fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 48.

ple of such a rapid evolution in the transition from monarchy to a republican regime.

Referring to the economic and financial situation, the Turkish president acknowledged that due to the lack of adequate means, it is still not at the desired level and that not everything that was hoped for could be done. He expressed the same dissatisfaction referring to the situation of refugees, public education, etc. The Ghazi insisted on the railway policy, which he sees as the primordial condition and sine qua non of Turkey's prosperity and future.

Regarding the foreign debt, the President of the Republic finds it very natural for the Turks to respect past commitments as soon as the formalities stemming from the Treaty of Lausanne have been completed.

Finally, it follows from his speech that the Ghazi gives special importance to the agriculture improvement, the justice reorganization, the fight against malaria and the Angora [Ankara] reconstruction, which he is more determined than ever to keep it as the Capital of Turkey and raise it to the level of a modern city.

2. Turkey's political strategy in the interwar period

As for the state's relations with foreign Powers, it is worth noting the statement made regarding the Soviet Union, with which maintaining relations of cordial friendship constitutes one of the directives of Turkish policy [emphasis added. in the text – n.n.]. Relations with France and Italy have improved. Those with Poland are also amicable, and those with Persia and Afghanistan are friendly².

Also from a diplomatic note by Gheorghe Filality³, to Ion Gh. Duca, Minister of Foreign Affairs of Romania, regarding the statements of Şükrü Kaya-bey⁴, Minister of Foreign Affairs of Turkey, regarding Turkey's foreign policy guidelines we learn: *"We are not obedient to any foreign power. We are nothing but Turkophiles and the Minister of Foreign Affairs, who is the direct representative of the Assembly, can only follow and apply the program the Assembly set for him. Turkey's foreign policy, as like as the domestic policy, can only be national. Otherwise, this well-branded nationalism is more a pledge of peace than a matter of concern, for it means that the Turks are determined to attend exclusively to their own affairs, without casting a glance of envy or lust upon the possessions and property of others. The first external task of the government is to defend the national mete; the second is to maintain peace and the third is to avoid and forbid any interference by foreigners in its internal affairs. This triple principle is enough to explain our situation, as well as the difficulties in which we currently find ourselves with Great Britain and Greece"*. Moreover, Şükrü Kaya made

² AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 58, f. 74–75.

³ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 52–53.

⁴ Şükrü Kaya (1883–1959), Turkish politician. Minister of Foreign Affairs (21 Nov. 1924 – 4 Mar. 1925). Later Minister of the Interior (1927–1938).

then more than an allusion to the Mossul matter, repeating the ethnic and social reasons why he thinks it would be completely impossible for Turkey to be amputated by Mossul, Kerkuk [Kirkuk] and Suleymanié.

In the case of the relations between the League of Nations – Turkey : Turkey does not agree any international discussion on the issue of the Patriarch and declares in advance that Turkey will not pay any attention to the League of Nations decision, to which Turkey does not recognize the right to interfere in such a business.

Turkey continued to strengthen its foreign relations and even have an objective policy in accordance with its national interest. In Geneva, Dr. Tevfik Rüstü-bey received several representatives of the press to whom he declared that, the Turkish point of view on the Mossul⁵ issue being too well known, he does not see the need to insist on this matter. The minister showed that the Turkish delegation will energetically defend Turkey's rights over Mosul vilayet, as long as it is a matter of vital interest for his country. The Turks will propose, if necessary, the plebiscite in the contested region, under the supervision of neutral delegates appointed by the League of Nations; the Turkish government does not accept, however, to discuss the issue of extending the British mandate in Iraq, as was proposed by the commission of inquiry.

⁵ Reference to the Mossul vilâyet (a component part of the Ottoman Empire until 1918), whose status was the subject of a heated controversy between Great Britain (which had obtained its administration through the mandate of the League of Nations in 1920) and Turkey, especially during the Lausanne Conference. This established a temporary border (the "Brussels line"), which was to be replaced after nine months by a "friendly agreement" between the two states; the interest in the region was related to the important oil resources, which had previously been concessioned to the Turkish Petroleum Company (later the Iraqi Petroleum Company); the national movement led by Mustafa Kemal, through the National Pact of 1919, but especially after the proclamation of the Republic of Turkey, considered Mosul one of the crucial issues of Turkish foreign policy. Despite the opposition of the Ankara government, Great Britain, which had established (in 1921) the new Iraqi Kingdom led by Faysal I (with whom it also concluded a treaty in 1922), managed to bring the Mosul issue into the international arena, claiming that it is, in fact, a border issue between Turkey and the new Kingdom of Iraq. Mosul (with 600,000 inhabitants) was to be granted by the League of Nations to Iraq, and by the Border Treaty of 1926 the matter was regulated, in the sense that the Turkish government was to receive for 25 years 10% of the oil royalties paid by Iraq, in exchange for giving up the action to recover the vilayet. See Nevîn Çoşar, Sevtap Demirci, The Mosul Question and the Turkish Republic: before and after the Frontier Treaty, 1926, in "The Turkish Yearbook", Year XXXV /2004, p. 43–59 (with bibliography on the issue). The problem was temporarily resurrected during the Iraqi conflict at the end of the twentieth century.

The representative of Ankara declared that the negotiations for the conclusion of a trade agreement with Germany continue with all guarantees of success and that the Turkish government is, at the same time, on the verge of concluding a trade treaty with the Soviet Union⁶. *"The bases of this last treaty are already prepared and the conclusion will be made after our return from Geneva"*⁷.

Regarding the negotiations with Bulgaria, he acknowledged the existence of some difficulties that caused the interruption of the negotiations, but he hopes that on his return to Angora [Ankara] he will manage to remove the obstacles and reach the signing of the agreement. Relations with Serbia entered a normal phase by appointing a Turkish representative in Belgrade, who will work, like Živković in Constantinople, for the rapprochement of the two countries.

Regarding foreign policy, in relations with Western states, T.R. Aras, a Turkish diplomat, said: "French-Turkish relations are very friendly and I am not aware of the alleged dispute that arose between the delegates at the financial conference in Paris."

He wanted to show that the political situation in Turkey is currently, of course, dominated by the dispute with Great Britain and great efforts are being made to reach a favorable solution for Turkish interests. It is certain that Turkey will not go so far as to provoke a military action⁸.

3. The aspects of Turkish – Union of Soviet Socialist Republics relations analyzed through the lens of Romanian documents

After a discussion with the Turkish foreign minister, the Romanian representative in Turkey, Gheorghe Filality notes about relations with the Soviet Union and Great Britain: "Turkey and the Soviet Union. We have the closest ties with the Russians, not only because their representative, Mr. Souritch⁹, is a first-rate man, but also because we, the Turks, find indisputable profits in this friendship.

The Soviet Union, as you know, is a power that counts over 90 million Christians and 40 million Muslims, meaning our compatriots. How do you want to be not a community of interests between the two countries? The Russians do not do any kind of Bolshevik propaganda here, not only because Turkey is not a favorable place, but also because they are very vulnerable in their Muslim population, where we would not have any difficulty to speed things up/create disorder if necessary. We live, therefore, in the best harmony and we seek to put our economic relationships on the most productive basis.

⁶ A Turkish-Soviet trade and navigation treaty will only be concluded in 1937.

⁷ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 52–53.

⁸ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 56–57.

⁹ *Yakov Zaharovici Souritz* (1882–1952), Soviet diplomat. Ambassador to Ankara (1923–1934), Berlin (1934–1937) and Paris (1937–1940).

The Russians have no aggressive intentions against anyone, not even against you. Through our minister in Bucharest, I informed I.G. Duca that he should not have any anxiety about Bessarabia, because the Russians did not and do not have the slightest desire to make war for her. I have the faith that sooner or later you will end up coming to terms through mutual understanding and concessions. The Russians currently have only one "bête noire" that causes them a lot of concern: it is Great Britain. The struggle is old between these two peoples, and the dispute is more acute than ever, because the dispute is about who will dominate Asia"¹⁰.

For Romania, "to stay relaxed" was not a solution. Although the Turks believed that the Russians would not interfere in Bessarabia and sought to promote the "pacifist" policy of the Soviet Union in Europe, especially in the Balkans, the Romanian government maintained its state of alert vis-à-vis Moscow. The Turkish Foreign Minister, Tevfik Rustu Aras¹¹, asked by our minister in Turkey about Moscow's position towards the Locarno Pact, he stated:

"There is great nervousness in Moscow at the moment. The leaders seem to have lost their minds. It is indisputable that Great Britain in particular won a serious victory, that with the entry of Germany into the League of Nations the Treaty of Rapallo [1922]¹² no longer has much value and that the Soviet Union is today isolated [emphasis added. in the text]. How they will react and what they are planning to do, the future will tell us, because even they don't know yet, so serious and unexpected was the blow they received. They believed until the last moment that Germany would not accept France's proposals"¹³.

Also from the same diplomatic note we find the statements of the Turkish minister regarding Turkey and Great Britain. *"We wouldn't have anything to dispute with Great Britain if Mossul wouldn't exist. They are set out to steal it from us at any cost, not only because of the oil, but also because that only thanks to this region they could implement their world domination tendencies. Once masters of Mossul, they will not be able to sit still and they will seek to dominate the*

¹⁰ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 56–57.

¹¹ From Gheorghe Filality we learn that the Turkish Minister of Foreign Affairs is nicknamed by his friends: the Bolshevik. He lived in the Soviet Union and was the delegate of Turkish socialists to the Third International. Nothing more natural, then, than sympathy for the current Soviet rulers.

¹² Through the Treaty of Rapallo, signed on April 16 1922 by the representatives of the Weimar Republic and those of the Russian RSFSR, it was decided to normalize diplomatic and economic relations between the two countries. Its provisions were consolidated by the Berlin Pact of Neutrality and Non-aggression (April 24, 1926), for a period of five years, extended in 1931. See, at length, in the classic work of the British Edward Hallett Carr, *German-Soviet Relations between the Two World Wars 1919–1939*. London, 1952, *passim*.

¹³ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 59–61.

small Russian republics, seize the oil from Georgia by Baku and Batum, to encircle and thus to seize Persia – which they tried once before without success – and to extend to the Caucasus, their main target. We will not submit to English claims at any cost and we will go to war to regain our land. The decisions of the Court of Hague or the decision of the League of Nations leave us insensitive, because we do not recognize their right to judge in a business like this. The English will be forced to come to terms with us, because otherwise we will make their days bitter indefinitely.

Beyond all of this we are delighted that the matter of Mossul has been brought to light by the Great Britain. If we would want to invent something in this sense, we couldn't find anything better. Let me explain: After our formidable victory over the Greeks and once the territory was cleared of them, we with our rooted sluggishness would become laziness, and wouldn't take care for anything and less for the army. Even if we would ask the Assembly for credits for the army, the deputies would have refused us on the grounds that we no longer need an army. But the Mossul matter came, and kept us smart and sur le qui-vive¹⁴, it is the scarecrow we use to get everything we want from the Assembly. When we say: don't forget the Moss and the English tendencies to steal a piece of our body, we become irresistible and no one objects anymore. It was, I repeat, a real blessing".

"I add, however, that this business cannot remain open indefinitely, because our nervous tension might drive us to despair. Ghazi's first and greatest concern, and ours as well, is the army, which takes the third part of our budget, because thanks to it we are not slaves today and also thanks to it we want no one to be able to disregard our rights in the future"¹⁵.

Regarding France, Rustu Aras stated: "Mr. Albert Sarraut¹⁶ is a valuable man, I have the greatest respect for him, because he is one of those privileged people born to lead the destinies of their country. You can imagine how happy we are to have such a representative among us and how we will do everything not to displease him"¹⁷.

¹⁴ Etre sur le qui-vive, place. fr., to be on guard, alert.

¹⁵ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 61.

¹⁶ Albert Pierre Sarraut (1872–1962), French left-wing politician. Minister of Colonies (1920–1924), ambassador to Constantinople-Istanbul (March 1925 – July 1926); later Minister of the Interior (1926–1928, 1934, 1938–1940), Minister of the Navy (1930, 1933–1934) and the Military Navy (1930–1931), of the Colonies (1932–1933); President of the Council of Ministers and Minister of the Navy (1933), President of the Council of Ministers and Minister of the Interior (1936), Minister of National Education (1940). President of the Assembly of the French Union (1951–1958).

¹⁷ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 62–63.

This statement may express the views of the minister, but of course not those of the delegates in charge of negotiating the Syrian border issue, as well as the Consular Convention. The general belief is that France will not succeed in obtaining what she wants and that she will be able to sign only by accepting all the concessions claimed by the Turks.

4. Ankara's relations with the League of Nations

Rustu Aras, was asked by Romanian minister in Istanbul, Gheorghe Filality, if Turkey will enter the League of Nations like Germany, and he answered: *"I will absolutely enter that world areopagus. However, I will set certain conditions, because today equality between states exists only in words. I want us, the Balkans, to have the same rights as the great nations. So, for example, the elections in the Council will no longer have to be done like today, by individuals, but by states, so that I can be sure that Turkey's turn will come. When Mr. Beneš's candidacy is presented to me, obviously I can't not to vote for him; but if Czechoslovakia would come up, of course I would not vote for it, but I would continuously vote for Turkey until it too was elected."*

*If the consolidation and prestige of the League of Nations are desired indeed, it is absolutely necessary that no one is treated as inferior and kept at the door, as is still customary at conferences organized by the great nations and where our interests are at stake, if not even our destinies"*¹⁸.

The report of Gheorghe Filality to Ion Gh. Duca, Minister of Foreign Affairs of Romania, regarding his conversation with Albert Sarraut, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the French Republic in Turkey, regarding the reactions of the Turkish deputies regarding the decision of the League of Nations on the Mossul¹⁹ issue comes to nuance the positions of the two states.

"Mr. Sarraut told me that he left the governors extraordinarily depressed, because they did not expect such a severe sentence from the League of Nations; that they complained that they had been abandoned by France, who would have thought only to play England's game, and that, under these conditions, there was nothing left for them to do but to ally with the Russians, an alternative to which all of Europe pushed them. That they were surprised how none of the members of the Council of the League realized what Mossul represents in Asian politics and they all blindly voted for what the famous "Amery"²⁰ asked them to do.

¹⁸ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 68.

¹⁹ Reference to the resolution of the Council of the League of Nations of 16 Dec. 1925, by which Mosul was assigned to Iraq.

²⁰ Leopold Charles Maurice Stennett Amery (1873–1955), British Conservative politician. First Lord of the Admiralty (31 Oct 1922 – 24 Jan 1924), Secretary of State (Minister) for the Colonies (6 Nov 1924 – 4 Jun 1929).

It is undeniable that the sentence was too harsh and if the English, at least those from the Ministry of Colonies, were a bit more intelligent, they would realize that such a success does them more harm than good, because it exasperates not only the Turks, but also the 30 million Muslims in Asia, whom it would be better to have on their side than against them. Not to mention their inescapable fatality that through their procedures they pushed the Turks into the arms of the Russians, the oldest and most sincere ... enemies, for a long time.

I told the Angorians that I owed this complete failure at Geneva not only to the skill of the English, which, after all, is not so great, but also largely to their own mistakes. I don't think a more wretched tactic could have been used than the ones I witnessed.

The Turks, knowing full well that they were going to Geneva to see the Mossul matter settled, found nothing better to do than to undertake, at least a month before the appointed day, a campaign of extreme violent disparagement against the great world Areopagus: a gathering of people sold to the Great Britain, without conscience, without the slightest sense of justice, etc. No matter how indifferent those people were – mostly superiors – to such attacks, it is certain that they were not delighted, nor well-disposed towards the gossipers.

Their delegates, once they arrived in Geneva, instead of taking advantage of the unique opportunity that was offered to them to put the Mossul matter on exclusively political ground and in its full extent before the representatives of the 54 states – such an approach wouldn't have failed to impress the audience, which, whatever may say, is not entirely obedient to Great Britain – they acted like simple jurists, forcing the texts as in the courts, which the Council certainly did not like.

Finally, and even greater rudeness, the delegates took it all the time from above – as they do in Angora [Ankara] – they showed themselves to be mischievous or threatening, they slammed the doors and thus played with the greatest mastery the Englishmen's game of the with the greatest skill, who certainly rejoiced, because from that moment they had won the game.

*I am sure and I assure you that the Turks would have achieved something serious in Geneva if they had not acted as they did. They only have what they deserve*²¹.

Asked about the treaties with the Russians, the French diplomat opined:

"What can I think that could come out "d'un dépit des Russes après Locarno et des Turks après Genève". The Turks know very well that their eternal enemy, of yesterday, today and tomorrow, is the Russian, but what do you want them to do in the despair they are in? They bonded with the one who gave them a helping hand and what help, when they only promise to sit with folded hands? But

²¹ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 69.

this helping hand was due because of the fear that Great Britain would succede to attract the Turks, by bribes and concessions, on her side and in this way to tilt the balance of Asian politics in her favor.

For me this treaty "c'est un traité type de méfiance réciproque". With not much ability and much more understanding of the situation – Foreign Affairs knows it very well, but the English colonies are obstinate and obtuse – the British could have, perhaps they still could, with some concessions, make the Turks their friends, a fact that would constitute a very valuable asset in their fight with the Russians for Asia, which will be formidable and whose result no one can predict"²².

The opinion of the French diplomat had a dose of dissatisfaction also due to the fact that for two months while he waited in Ankara the president of the state, Mustafa Kemal, did not accepted his visitt, and Ismet Inonu, the president of the Council of Ministers received him only once and then briefly.

5. Synthesis of Turkey's political situation in Mustafa Kemal's analysis

"Our foreign policy, which has long time taken as behavior line the maintenance of peace, is developing and gives positive results.

Our relations with the Soviet Union are amicable, sincere and based on the principles established by the security and neutrality treaties you have ratified. The work of delimiting the frontiers continues in the same favorable atmosphere. Negotiations on the conclusion of a trade treaty have made great progresses.

Our amicable relations with Persia have been consecrated by your ratification. We note with satisfaction the fruits of the efforts carried out by the Persian patriots in order to ensure the order and peace in the provinces in our neighbor, the progress, the national unity, a stable regime and a strong government. With Afghanistan, our relations are always committed to the path of sincerity as you know. The formalities for the delimitation of the Syrian and Mesopotamian borders are about to begin.

The treaties were conceived to ensure in an intended spirit the security and the good neighborly relations for both parties. I like to hope that the targeted objectives will be achieved with the same sincerity that presided over the drafting of those documents. Of course, this state of affairs will only be able to favorably influence our relations with France and Great Britain.

Our relations with the Powers of the West and of the Far East continue in the sincerity of the concluded treaties.

Negotiations to conclude a consular convention with France and Italy are progressing.

A trade treaty and a stability convention were concluded with Germany.

²² AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 70.

We signed an interim trade agreement with the United States. This agreement will be submitted during this session for your approval.

As for the Army, which naturally constitutes Gazi's main concern, he said:

*"You can be sure that your efforts for strengthening our land, naval and air forces are yielding fruitful results. The armies of the Republic, whose activity we follow closely, are morally and materially strong enough to ensure the integrity of the homeland and guarantee the peace of the nation. I declare it categorically"*²³.

Regarding the Balkan Area, an area of major interest for Turkey, Tevfik Rüstü, launches some explanations over the situation of the goods possessed by the Turkish subjects in Yugoslavia. *"As you know, we concluded only a Treaty of Friendship with Serbia, and not an establishment convention. Until the conclusion of such an agreement, the citizens of the two parties are subject to the regime prescribed by international law. I admit that Yugoslavia is the only country that has not yet begun to return to the Turkish owners the goods they possessed on Serbian territory. The government in Belgrade, however, accepted in principle to make these restitutions and promised to make them as soon as possible. We are waiting for the fulfillment of this promise, which the Minister of Foreign Affairs of Yugoslavia repeated from the rostrum of the Parliament"*²⁴.

Regarding the agreements concluded with Greece, Tevfik Rüstü shows that, after the ratification of these agreements by the National Assembly, their text was communicated to the Joint Commission on the exchange of populations, which took measures to apply the stipulations included in the respective conventions : *"I am convinced that good results will be reached, because the two governments are animated by the same desire to establish good neighborly relations"*²⁵.

At the end of his speech, held in the Great National Assembly, on April 13, 1927, questioned by a deputy, asking for clarifications regarding the political situation in the Balkans, the Minister of Foreign Affairs gave the following clarifications:

*We have always shown that we are partisans of a policy of sincere friendship with each of the Balkan countries and we have declared at the same time that we will take all the necessary measures to prevent the consequences of any agreement that we might consider directed against us"*²⁶.

²³ AMAE, fond 1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 127–129.

²⁴ AMAE, fond 1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 154.

²⁵ AMAE, fond 1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 155.

²⁶ AMAE, fond 1920–1944. *Turcia*, vol. 1, f. 155.

Turkish politics was concerned with two issues:

1) The fear that Great Britain would come to terms with the Soviet Union and thus Turkey would find herself crushed between the two giants. But knowing the current relations between the two states, which were colder than ever, this threat does not constitute an immediate danger;

2) Turkey feared to the highest degree, of Italy, which it believes is capable of a hasty action that could be decisive. Turkey was aware that Mussolini's imperial policy was based on demographic considerations. When the population of Italy has already reached 131 souls per km², when the birth rate increases by 5–600,000 per year, when emigration to America is decreasing because of the obstacles that are placed on it, when it is possible to accurately calculate the moment in that the Italians will no longer have a place in their country and when especially Mussolini, and d'Annunzio before, both of them not shy away from declaring that Anatolia would constitute an excellent Italian colony – they did not utter the word, but the idea was barely slightly veiled – what is more natural for the Turks than the desire to insure themselves against this undeniable danger by concluding an agreement with Italy.

Regarding Romania, Tevfik Rüstü-bey wanted the relations between the two states to progress: *"I am very pleased to know that at the helm of the Romanian Principate is a strong government that includes my friend Mr. Duca, which I met in Geneva when he was Minister of Foreign Affairs. Then I discussed with Mr. Duca the policy of our countries in the Balkans and we completely agreed on all the discussed points. Turkey, as Romania, pursues a policy of peace and rapprochement between the Balkan states and I see with joy the tightening of relations between these states.*

As long as Mr. Duca was in the government, I found in his Lordship the echo of my efforts for the implementation of the policy on which we had both agreed. After Mr. Duca left the Department of Foreign Affairs, there was a change in Romania's attitude towards us. Our minister in Bucharest always suggested a policy of close friendship with Romania, and I personally was a partisan of such a policy; however, but, I had the clear impression that our wishes did not find the expected echo in Bucharest. Then we naturally thought it was time to stay in reserve. However, the guiding line of my policy did not deviate and I did everything in my power to maintain good relations with your country. However, I cannot be asked to make a policy of insensitivity when it comes to the interests or prestige of my country. We, the governors of the Turkish Republic, are perhaps too susceptible, but the matter is explained, because we must not forget that we lead a new country that has nothing in common with the old Ot-

*toman Empire. This excess of susceptibility is perhaps a defective image of newly formed countries, but it is temporary image*²⁷.

In the Turkish press of May 2, 1923 (*IKDAM*), in an article about Romanian-Turkish relations, it was written: *"correct and appropriate actions towards the Turkish minority is a reason to develop our friendly relationship"*. The head of the new state Mustafa Kemal (1923): *"Indeed in order to have a friendship with the Balkans, we need to respect each other. We want to renew our relations with the neighbors as soon as possible"*. [2, p. 146]

Starting 1919, the phenomenon of emigration begins, the great majority of Turkish-Tatars emigrating to Turkey. This phenomenon was possible, as a consequence of the Lausanne Treaty in July 24-th, 1923, after the exchange population between Turkey and Greece. The Ankara officials have adopted a policy in support of the ethnic Turks by getting involved in the process of helping them to emigrate in Turkey. This is how the "Mirage of Anatolia" appeared in the next period after the First World War, which, as a consequence of the media propaganda, resulted in many requests for emigration. [3, p. 56]

Following the promises that in Turkey they will have an easy and prosperous life, the simple, naive people – many of them not knowing where Kemalist Turkey is – sold everything (for a small price), and ventured into wandering. At the same time, we learn from the newspaper "*Curentul*", that before the emigration issue to be solved by an agreement between the Turkish and Romanian states, the emigrants were deceived by the Romanian officials, who was asking for 4–5 thousand lei from the emigrants. Regarding young people, in order to be able to leave the country, they needed an administrative document, which legally cost 20 lei, but on the black market it could reach up to 1000 lei. This document was actually an exemption from military service, without which the young people could not leave the country. In the same newspaper, on May 17, the drama that the Turkish minority is going through, left on the roads in the winter of 1936–1937 is reported.

In a document from the National Archives of the Republic of Turkey – the fund/Special – General Directorate of Colonization within the Ministry of Health (!) – we learn about the method of taking over the money coming from the properties left behind by the emigrants who settled in Turkey. Thus from this document dated 1938 we learn that 311 families a total of 1216 people emigrated, the value of the buildings left in Romania amounting to 1,316,846 lei. Regarding the emigration process, following the transfer of the emigrants to Turkey, the amount of their real estate amounts to 16,805,892, of which the Turkish government has received so far 12,000,979 lei. At the same time, it appears that an

²⁷ AMAE, fond 71/1920–1944. *Turcia*, vol. 58, f. 154.

account was created at the National Bank of Roumania in the name of the Turkish state, depositing in this amount 16,805,892 lei.

Moreover, it is specified that following the agreement of both states on September 4-th, 1936 to bring the Turks from Dobrogea to Anatolia, between 1936–1937 real estate properties worth 12,000,979 lei remained in Romania. In Turkey, the Ministry of Health was the one that got involved in this problem and as a result of its intervention on February 2, 1938, it appeared in the Official Gazette, chapter 13, “the way in which the money resulting from the sale of real estate of Turkish emigrants to the Romanian state will be brought in Turkey”. Referring to the agreements between the states, it is specified that the money cannot be taken in cash. They can be taken as follows: “25% timber, 25% animals, 10% petroleum products, the remaining 40% being free export products: nails, glass, bricks.” In this case the Turkish Ministry of Finance, did not take any measures to bring this money into the country, the main reason being that this amount was divided in the form of products²⁸.

On March 9-th, 1934, Hamdullah Suphi Tanrıöver, the Turkish minister in Bucharest, sent a notice to the officials in Ankara regarding the situation of the Turks in Romania. According to this one, the status of the Turkish minority is nowhere near what it would be like. From this “notice” we learn that in the Romanian-Bulgarian border area there are 36 points of border guards, water is found at a distance of 15–20 km from the border and the Turkish villager is obliged to carry their water. At these “states of mind”, the government offered 200,000 lei for the purchase of wagons, animals and barrels, the soldiers being obliged to transport their own water. Moreover, the Romanian state is committed to solving these problems by April 18-th.

On October 3-rd, 1935, Şükrü Kaya, the Turkish Minister of the Interior, met with the Romanian ambassador, Eugen Filotti, to find solutions regarding the issue of emigration from Dobrogea to Turkey. It was concluded that the emigration process must be stipulated in an agreement between the two states. After a series of meetings and proposals, on September 4-th, 1936, the Convention regarding the emigration of the Turkish population from Dobrogea was signed. [4, p. 235]

Following the September 4-th, 1936 agreement, point IV, the real estate properties of the Turkish emigrants became the property of the Romanian state, which obliged itself to pay their value. It is also specified that the price of one hectare was worth 6,000 lei. At the VI-th Point of the same agreement it is specified the way the money will be paid, namely in annual installments. The money

²⁸ T. C. Sahhat ve Ictimai Muavenet Vekaleti no. 123 880 2, f.3 (in Turkish)

will be deposited in an account at the National Bank of Roumania. In 1937, the number of emigrants who arrived in Turkey was 3,600²⁹.

Once the socialist – totalitarian regime was established in Romania, there was no more involvement in supporting the minorities, in some places the regime even hindered them. Moreover, in 1965 with the occasion of The Medgidia Seminary, the only institution involved in the education of this ethnic group, with teaching the Turkish language and reading the Koran in Arabic, with the training of clergy to become imams, was forced to close its activity. The Turko-Tatars did not establish their own (ethnic) party, because they had several political options, being present on the electoral lists of the main parties, the National-Peasant Party and the National-Liberal Party, some of them being elected in the Romanian Parliament. The Romanian governments did not encourage the emigration of the Turkish-Tatars, because their departure could have changed the ethnic balance in favor of the Bulgarians ethnics, used by the governments in Sofia on their campaign of reviewing the Dobrogean border.

6. Dobrogea, the link of Romanian-Turkish cooperation

For centuries, Dobrogea has been a passageway for many migratory peoples. During the period of migrations, the Byzantine power weakened in this edge of the empire, which caused the decline of the Danube cities also. The autochthonous population of Dobrogea felt the passing of the: Pechenegs, Cumans, Tatars, etc. Starting from the 14-th century Dobrogea came under Turkish rule for 500 years. In the 16th and 18th centuries the Turks bring here the Nogai Tatars from Bugeac and Crimea. In the 19th century, the malorusii and the lipovenii from Ukraine [5, p. 529] appear in Dobrogea.

During this period, even if several cultures accumulated in Dobrogea, the dominant one was the Turkish-Tatar one. Another important aspect of the province was its strategic settlement. This facilitated access to Constantinople and allowed communication with the Crimean Peninsula. For these reasons, an intense military colonization was carried out, coming especially from Crimea and Asia. The settlement of the Tatars in Dobrogea was a long process started from the 13th century.

Historian Kemal Karpat, a native of Dobrogea, evaluated the emigration phenomenon of Crimean Tatars. In his analysis, the important moment was that of 1783 (the annexation of the Crimean Peninsula) and then the emigration wave of 1855–1856, before of the Paris Peace Treaty conclusion which ended the Crimean War. Crimeans chose to emigrate en masse, some in Dobrogea, others in Anatolia:

²⁹ T.C. Hariciye Vekeleti, no. 2476686 of April 9, 1934, f.5. (In Turkish)

"The Sublime Porte decided to help those willing to emigrate; before the ratification of the peace of Paris. A commission was established to deal with the transport and reception of immigrants. Immigration was possible for all, regardless of nationality, and the Sublime Gate offered new immigrants free land, work cattle, and a financial aid in procuring seeds and agricultural tools. The port of Balçık was designated as a disembarkation point for those who were to settle in Dobrogea." [6, p. 97]

The exact number of Crimean Tatars who left their homeland is not known. From Ottoman sources we learn that between 1854 and 1860, 141,667 tatars emigrated and between 1860 and 1862, 227, 627 tatars emigrated. The total number of tatar emigrants from Crimea in 1864 is supposed to have been 595,000 [7, p. 98].

The incorporation of Dobrogea into the Romanian state in 1878 represents a decisive act in modern history as well as a model of coexistence in the region. The Romanian authorities are committed in treating the residents of the two counties, Constanța and Tulcea, without discrimination. To strengthen these commitments, Carol I, the King of Romania, read a Proclamation on November 14, 1878³⁰ in Romanian, Turkish and Bulgarian:

"To residents of any nationality and religion, Dobrogea, the old possession of Mircea cel Bătrân (Mircea the Elder), is now part of Romania. You are now tied to a State, where not the arbitrary will, but only the law debated and approved by the nation, decides and governs. The most sacred and precious possessions of mankind, life, honor, and property, are placed under the shield of a constitution which many foreign nations covet. Your religion, your family, the threshold of your house, will be protected by our laws, and no one will be able to strike them, without receiving their wicked punishment."

Muslim Residents, Romania's justice knows no distinction of race and religion. Your faith, your family will be defended as like as the Christians's. The religion and family affairs will be entrusted to be protected by muftis and judges chosen from your nation and your law" [8, p. 101]

Ion Ionescu de la Brad, the founder of Romanian Agricultural Science, concluded in his records:

"Since the loss of Ismail, the Crimean Tatars crossed the Danube and colonized Dobrogea. This colonization of the country caused it to be called The Country of the Tatars". In 1850, he stated: "the Turks occupied the shores of the Black Sea, the Wallachians occupied the banks of the Danube, and the Tatars occupied the interior". [9, p. 532]

³⁰ Dobrogea Day.

A lot has been written about Dobrogea, each of the authors trying to decipher what was the cultural contribution of the different populations that came here. I think that from this point of view, the geographer Vintilă Mihăilescu's opinion is the best to illustrate the reality: *"Dobrogea is not only an exclusively Balkan or Carpathian region but, by its constitution, it is an association of Carpathian and Balkan regions and, by its geographical position, a terminal edge zone of Romania and a passage zone between the Continental Europe and the Southern Europe."* [10, p. 536]

According to the 1930 census, 0.9% of the Romania's population was represented by turks. The great majority of turkish population was located in Dobrogea representing 18,5% of the total population in Dobrogea. Since 1919, the Turkish-Tatar emigration had begun and the vast majority of them chose to emigrate in Turkey. The emigration was also possible as a result of the Lausanne Treaty July 24, 1923, which decided, among other things, to carry out a population exchange between Turkey and Greece, opening the tradition of emigration. [11, p. 59]

The establishment of Romanian authority in Dobrogea was a difficult moment for the Muslim population who previously represented the majoritary population with a distinct religion and language, with an Ottoman identity. The Turks and Tatars adapted to the new conditions, meaning a new official language, Christian leaders, living in a permissive legislative framework for minorities. The years 1918–1925, the end of the Great War, the Paris Peace Treaties (1919–1920) where the situation of minorities was widely debated, can be concluded as a defining stage on the integration way of the national minorities in the composition of the Romanian unitary national state. Political and cultural structures were created, ideas were exchanged. The law for administrative unification (July 1925) was the point of finalizing the administrative-territorial organization process of Romania established in 1918. [12, p. 117]

According to this law and the Constitution of 1923, Romanian citizens, regardless of nationality, race, language and faith, had the opportunity to participate, under full equality conditions, to the entire political, economic, social and cultural life of the country.

Conclusion

The delimitation between the Empire and the Republic is evident in the minister's statements: *"Between the former Ottoman Empire and the current Turkish Republic there is a profound difference not only in regarding the concept of government, but also in everything related to foreign policy. The old sultans empire speculated on conflicts or disagreements between foreign powers, while today Turkey not only does not seek to profit from such disputes or differences, but*

even sincerely wants harmony to reign among the states with which it maintains good relations"³¹.

Romanian-Turkish relations have experienced a continuous development. Romania and Turkey tried to support each other having similar policies regarding the vision of preserving territories integrity of the, and having a collaboration based on the principles adopted by the Paris Peace Treaties in 1919–1920. Considering that a significant minority of Turkish-Tatars was located in Dobrogea, Turkey got involved in helping them, negotiating with the Romanian state to facilitate certain requirements, or proposing their emigration. In Romanian-Turkish relations, until 1928, was observed a reserved approach, the reasons being Turkey's diplomacy connections with the USSR and the issue of compensation for Turkish emigrants from Dobrogea. As a result of the declaration of the Romanian foreign minister Nicolae Titulescu, in the spring of 1928, in which he spoke for "the development of good relations with all countries, without distinction", the Turkish foreign minister replied that "Romania and Turkey are pursuing a policy of peace and rapprochement between the Balkan states and I see with joy the tightening of relations between the two countries"³².

The Romanian-Turkish relations developed between 1928–1934 through common security and cooperation agreements. In order to achieve security in the area, the friendship and non-aggression agreement between Romania and Turkey was signed on October 17-th, 1933. The rapprochement between Turkey and Greece and the co-optation of Yugoslavia and Romania transformed into the Balkan Pact. An assurance for border security were promised.

REFERENCES

1. Coord. Ioan Scurtu, *History of the Romanians*, vol. VIII Complete Romania (1918–1940) Editura Enciclopedică, București, 2003, p. 500. (In Romanian)
2. Eyup Kaptan, *Tarihte turk-rumen iliskileri*, Genelkurmay Basimevi Publishing House, Ankara, 2006, p. 146 (In Turkish)
3. Valentin Ciorbea, *Turco-tătarii în Dobrogea interbelică*, în *Istoria Tătarilor în România*, coord. Marian Cojoc, Constanța, Ed. Muntenia, 2004, p. 56. (In Romanian)
4. Metin Omer, *Emigrarea turcilor și tătarilor din România în Turcia între cele două războaie mondiale*, Editura Cetatea de Scaun, Târgoviște, 2020, p. 235. (In Romanian)
5. Georgeta Stoica, *The rural habitat in the northern part of Dobrogea*, *Ethnography and Folklore Magazine*, 1994 (Year 39, no. 1–6), p. 529. (In Romanian)

³¹ AMAE, fond 71/1920–1944. Turcia, vol. 58, f. 137 (in Romanian)

³² AMAE, fond 71/1920–1944. Turcia, vol. 1, f. 19 (in Romanian)

6. Melek Fetisleam, *The Tatar National Movement in Romania during the interwar period*, CNSAS Publishing House, Bucharest, 2023, p. 97. (In Romanian)
7. Melek Fetisleam, *The Tatar National Movement in Romania during the interwar period*, CNSAS Publishing House, Bucharest, 2023, p. 98.
8. Melek Fetisleam, *The Tatar National Movement in Romania during the interwar period*, CNSAS Publishing House, Bucharest, 2023, p. 101.
9. Georgeta Stoica, *The rural habitat in the northern part of Dobrogea*, Ethnography and Folklore Magazine, 1994 (Year 39, no. 1–6), p. 532.
10. Georgeta Stoica, *The rural habitat in the northern part of Dobrogea*, Ethnography and Folklore Magazine, 1994 (Year 39, no. 1–6), p. 536.
11. Ionuț Cojocaru, *The Turko-Tatars of Dobrogea in the 20th century*, Historia, January, 2009, p. 59. (In Romanian)
12. Melek Fetisleam, *Mișcarea națională tătară din România în perioada interbelică*, Editura CNSAS, București, 2023, p. 117. (In Romanian)

About the author: Ionuț Cojocaru – Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Training for Teaching Careers and Social and Human Sciences, University POLITEHNICA of Bucharest (313, Splaiul Independentei, Bucharest 060042, Romania); Corresponding member of the Academy of Romanian Scientists; Historical Sciences and Archeology Section; ORCID: 0009-0002-8233-5738; ccojocaru2903@upb.ro

Перспективы турецкой внешней политики на основе анализа румынских документов

Ионуц Кожокару

Университет ПОЛИТЕХНИКА Бухареста

Аннотация. После провозглашения 29 октября 1923 г. Турецкой республики («*Türkiye Cumhuriyeti*»), официальные лица государства начали придерживаться оборонительной политики, а турецкий статус стал частью оборонительных союзов. Были подписаны договора с СССР, Турция являлась частью Балканского пакта и имела соглашения с Великобританией, Францией и т.д. Пристальное внимание уделялось балканскому пространству, где оставалось заметным наследие Османской империи. Дипломаты Анкары обратились к турецко-татарским общинам, проживающим на территории Балкан, с призывом переехать на территорию Турецкой республики. Лозаннский договор и Конвенция Монтрё, были жизненно необходимы – в первую очередь – для безопасности молодого турецкого государства, а также и для государств, расположенных в акватории Черного моря. С политической точки зрения, главным приоритетом внешней политики Турции было проведение политики союзничества, стремление сохранить и закрепить договорами свою территориальную целостность и стабильность в зонах своего влияния.

Ключевые слова: Турция, Румыния, Лозанна, Лига Наций, СССР, Добруджа, татары, эмиграция

Для цитирования: Cojocaru I. Perspectives of Turkish foreign policy based on analysis of Romanian documents // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 124–143. DOI: 10.22378/kio.2024.1.124-143

Сведения об авторе: Ионуц Кожокару – Ph.D. (История), доцент кафедры подготовки педагогических кадров, социальных и гуманитарных наук, Университет ПОЛИТЕХНИКА Бухареста (060042, Splaiul Independenței, 313, Бухарест, Румыния); член-корреспондент Академии румынских ученых; секция исторических наук и археологии; ORCID: 0009-0002-8233-5738; ssojocaru2903@upb.ro

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК

УДК 93+37.014.3(477.75)

DOI: 10.22378/kio.2024.1.144-151

А.С. Айвазовнынъ миллий тасиль меселелерине дестеги (1910-нджы сенелери)

Исмаил Керим

Февзи Якубов адына Къырым муэндислик

ве педагогика университети;

Татарстан Джумхуриети Илимлер Академиясы

Ш.Марджани адына Тарих институты

Анълатма. 1914 сенеси, И Гаспринскийнинъ вефатындан сонъ, «Терджиман» газетасынынъ баш мухаррири вазифесинде 1917 сенесине къадар А.С. Айвазов булунган эди. Тамам онынъ онъдерлигинде ве незаретинде газетанынъ сахифелеринде мектеп ве медреселернинъ исляхи (реформалары) меселелери иле багълы кениш ве кескин муляхазалар, мунакъашалар кечирильди. Ишбу макъалде тамам шу эснас инджеден тедкъикъ этилип, муаллимлер джемиетининъ, нихает, бир фикрге келип, эсасен, башлангъыч мектеплер ичюн тевсие этильген дерсликлер ве къулланмалар косьтерильмекте. Айрыджа эхъмиет бериле ки, бу мунакъашалар далгъаланып, къоюрып, ахыры-сонъу, 1917 сенесининъ кузюнде Багъчасарайда «Зынджырлы»нынъ темелинде Менгли Герай адына 2 факультетли институт ачылмасына кетире. Ве бу институтнынъ биринджи мезунлары 1920 сенеси дипломларыны алмагъа муваффакъ олалар.

Анахтар сёзлер: А.С. Айвазов, XX асырнынъ башы, мектеп исляхлары, Менгли Герай институты

И. Гаспринскийнинъ заманларындан башлап Къырымда окъув меселелерине (илля ки, башлангъыч мектепке) зиялыларымыз эр вакъыт айрыджа дикъкъат айырып, матбуатта чешит фикирлер, тюшонджелер, керекли мисаллер ве теджрибелер нешир этмекте эдилер. Табий, 1914 сенесининъ ку-

зюнден («Терджиман»да А.С. Айвазовнынъ баш мухаррирлиги девринде) де бойле муляхаза ве дискуссиялар токътамадан кечмекте. Эм А.С. Айвазов бу меселеде фикир пайлашмаларыны, тартышмаларны чешит усулларле дестеклий ве оларнынъ сербест ве гурь олмасына ёл ача. Яни И. Гаспринскийнинъ: «Джехалете къаршы къалем мухаребеси ачылмалы!» шиары алтында фааль иш, динамик бир ёнелиш курюклий эди.

Бу бир тарафтан, экинжи тарафтан исе, чар мемурлары башлангъыч миллий мектеплердеки окъув эснасыны шиддетли ёкълама, денет (контроль) алтында туткъанындан, миллий тасиль эснасы истенильгени дедреджеде илерилемей, аксине дургъунлаштырыла. Клерикал, дин дерслери окъув программаларынынъ эсасыны тешкиль этелер. Ѓъает керекли фенлер (эсап, джогърафия, тарих, хэндесе эсаслары (основы геометрии) ресим, музыка, улькебильгиси ве дигерлери) къатыен ясакъ этильмекте. Чар режимининъ бутюн Русие боюнджа къаиделерине коре, бу ве бойле дюньявий фенлерни огренеджек талелелер рус мектеплерине авушмакъ кереклер. Табий, русча бильмегенлеринден себеп, татар балачыкълары анда барамайлар.

Бу меселени даа азбучукъ ве гузельдже айдынлатмакъ ичюн бир-эки мисаллер кетирмеге иджап олуныр.

1914 сенеси миллий мектеплерде тефтиш меселеси «Терджиман»да бойле хаберде ачыкълана: «Багъчасарай хаберлери. Ишбу куньлерде шехримизе Акъмесджит уезди маариф инспекторы келерек, базы махалле иптидаий (башлангъыч) мусульман мектеплерини бакъуп кезмиш. Мектеплерде окъунан китаплары тефтиш итмиш...» [1]. Яни джихан савашы къызгъынлашмасы, чар укюмети янгъынгъа огърамасы, савашта биньлердже къырымтатар аскерлери къараманджа савашкъаны ве эляк олгъанларына бакъмадан, къырымтатар мектеплерининъ тефтиши, контроли ич де токътамай.

Бильгенимиз киби, А.С. Айвазовнынъ кендиси де яшлыгъында Алупкада оджалыкъ япкъанда, бойле олайларны башындан кечиргендир. 1930 сенеси Акъмесджитте хапста булундыгъы заман, язгъан къыска терджиме-и-халында дей ки, оджалыгъым эснасында талелелерге эсап, джогърафия, татар тилининъ сарфы ве дигер фенлерни гизли шекильде окъута эдим... 1902 сенеси Ялтадан инспектор келип, пек серт бир тавурнен манъа: «Къурандан гъайры даа башка фенлерни кечирсенъиз, сизге нисбетен шиддетли чарелер кореджекмиз!» деген эди [2, с. 15].

Бу аз олгъаны киби, умумен мектеплерден гъайры, оджаларнынъ озьлерини де такъип этип эвлерини, иш ерлерини тинтмек, ясакъ эдебиятны араштырмакъ арекетлери мисаллери архивлерде толып таша. Жандарма идаресининъ къылыкъларыны бугуньгедже сакълангъан материаллар бутюн инджеликлеринен айдынлатмакъталар. Месея, 1912 сенеси февраль

22-де Ор-Къапудаки муаллимлерден Абдулла эфенди Аджибекировнынъ иш одасыны тинтип чешит эльязма ве атта о ерде булунгъан тюркче газетлерни ве оларнынъ мундериджесини тефтиш эткенлер. Ама джеза бери-леджек бир шей буламагъанларындан, якъасыны быракъкъанлар. Бу вакъиа акъкъында полковник фон Плато Таврия губернаторына махсус язылы хабар берген эди [3, с. 95].

Къырымтатар башлангъыч мектеплери боюнджа зиялыларымызнынъ фикирлешмелерине келиндже, зиялыларымыз арасында мектеп меселелериндеки мунакъашалар девамында шу арада Москвада окъугъан «истудент» Джафер Сейдамет 1914 сенесининъ сонъунда («Терджиман». – 1914. – № 262, 263) мектеплернинъ алыны тюзетмекчюн энъ эввеля дерсликлернинъ тилини ве аслында къулланылгъан земаневий имляны да тюзетмек керек олгъаныны анълата. Ама Тавдаир мектебинде чалышкъан теджрибелли муаллим С.А. Таракъчызаде бу фикирге къаиль олмадан: «Эввеля имлямы керек, муаллимми?» суалини берип: «Мукътедир (икътидарлы, беджерикли) муаллим ише ярамайн бир китаптан истифаде итменинъ (файдаланманынъ) ёлуны гузель булур. Факъат икътидарсыз бир муаллим, элине не къадар енъи имля ве ачыкъ лисан иле язылан бир китап верильсе, бир файда чыкъмаз!» деп джеваплана [4].

С.А. Таракъчызаде эм де пек меракълы, ве бугунде де айрыджа дикъкъат чеккен, бойле фикирлер де юрюте. Яни яз татиллеринде меркезде (Акъмесджитте) муаллимлерге махсус эки айлыкъ бильги юксельтме курслары ачып тиль, имля, методика, тербие ве дигер керекли дерслер ве лекциялар кечирип, ерли оджаларнынъ бильги ве теджрибелерини арттырмакъ меселесини огге сюре.

Азбучукъ илерисини алып сёйлемели ки, акъикъатен, аслында 1912 сенесинден башлап инкъиляп девримлерине къадар Акъмесджитте виляет земствосы тарафындан къырымтатар оджалары ичюн бильги юксельтме курслары ачылып, мешхур алимлер А.Н. Самойлович, А.Е. Крымский кибилери бу курсларда дерс берген эдилер. Ве бильгенимиз киби, бу курсларда кечирген лекцияларыны ве тиль теджрибелерини топлап А.Н. Самойлович 1916 сенеси бир де къырымтатарджа грамматика китабыны нешир этти [5].

Шу арада башлангъыч мектеп тасилинен багълы мунакъашаларгъа къошулгъан муаллимлерден даа бириси – Меметариф Челебиевдир. О, къысмен Джафер Сейдаметнинъ фикрине къошуларакъ, земаневий (о замандаки) китапларнынъ тили гъает муреккеп олып, арапча-фарсидже алынма сёзлер ве изафет конструкциялары иле толып-ташкъаныны анълата. Буларнынъ джумлеси талелелер ичюн «кечилъмееджек Чатыр-Дагъ» киби олып, оларнынъ димагъларыны ёрмакъталар. Яни М. Челебиев гузель язы тилинен язылгъан китаплар ве гузель муаллимлерге буюк ихтиядж

олгъаныны айта. Ве энъ ибретли бир дерслик оларакъ Яхья Наджи Байбуртлынынъ «Элифбе»сини косътере [6].

Ве, ахыры, о заманлары башлангъыч сыныфларынынъ тасили боюнджа кечирилъген мунакъаша ве дискуссияларнынъ аралыкъ бир нетиджеси оларакъ умумий топлашувда бутюн Къырымнынъ миллий мектеплеринде къулланыладжакъ бойле сыра дерсликлер тевсие олуна:

Биринджи сене: Элифбе. Ходжа-и-субьян (И. Гаспринский); Элифбе (Яхья Байбуртлы); Элифбе (Юсуф Зия).

Экинджи сене: Ахлякъ дерслери (Ибраим Ильмий); Мебде /башлангъыч/ ильм-и-хал /диний турмуш къаиделерини анълаткъан китап/ (Мамут Месут); Хэсап меселелери (Умер Сами); Мухтасар /къысқартылгъан/ ильм-и-хал (Мемет Месут); Къуран маальтеджвид /Къуранны усулына багълы оларакъ окъума ильми/.

Учюнджи сене: Муаллим-и-сарф /грамматика/ (Амет Расим); Малюмат-ы-диние (А. Ирфан); Ахлякъ рисалеси (Алие Назима); Чоджукълара аркъадаш. Биринджи (Умер Сами); Ильм-и-хал кебир /буюк/ (Мамут Месут); Хэсап меселелери (Умер Сами); Къаваид лисан-и-тюрький /тюрький тиллернинъ къаиделери/ (Абдулькъадыр); Усул-и-инша (Мамут Фуат).

Дёрдюнджи сене: Ходжа-и-субьян. 4-нджи къысым (И. Гаспринский); Талим-и-валидан /ана тербиеси/ (Алие Назима); Хифз-и-сиххат ходжасы /сагълыкъ сакълав бильгиси/; Тарих-и-ислям (Али Сеидий); Талим-и-фарс (Мамут Месут); Теджвид эль джедит /янгы теджвид/ Мамут Рефат.

Бу китапларнынъ джумлеси Багъчасарайда нешир этильгенинден, табий, булунмасы къолай эди. Китап муэллифлерининъ (чокъусы диний къысмы) тюрк муэллифлери тарафындан азырлангъан олса, Къырым муэллифлеринден И. Гаспринский, Я.Н. Байбуртлы, Умер Сами, Мамут Рефатлар корюнмекте.

Бу ерчикте айрыджа къошмалы ки, А.С. Айвазов мунакъашаджыларнынъ языларыны нешир этеркен, ич бир джумлесине, келимесине токъунмай, «редактирлемей». Шунынъ ичюн бугунъде биз, юз йыл кечсе де, о заманки оджаларынынъ тилини, догъгъан регионларыны, койлерини къолай-къолай айыра билемиз.

А.С. Айвазовнынъ характериндеки адалетсеверлик чизгилери яшлыгъындан тамыр атып шекиллениген ве гурълешкени аятынынъ девамында бинъ-бир тюрю олайларда аксини тапмакътадыр. Иште, башлангъыч мектеп ве аслында мектеп ве медреселернинъ окъув эснасы сагъламлаштырылмасынен багълы мунакъашалар вакътында да айдынлангъаныны коремиз. «Зынджырлы»да тасиль девамында тертип-низам талаплары ортагъа къоюлькен, А.С. Айвазов чокъ хакълы оларакъ оджаларнынъ маашы ве маашны вакътында ве адалетли суретте берильмесини къайгъыра. Эм де «Зынджырлы»нынъ кендисине багълы вакъыф топракъларындан

алгъан малий (финанс) варедатны ве онынъ насыл масраф олунгъаныны мытлакъ сечильген бир комиссияда бакъылып эр вакъыт газетте илян этильмесини ве халкънынъ даимий незаретинде олмасыны озъ чыкъышла-рында талап эте [7].

Юкъарыдаки малюматлардан корюнгени киби, А.С. Айвазов теджрибели бир оджа ве гъает истидатлы журналист сыфатында 1910-нджы сенелерининъ девамьында сонъ дередже актуаль олгъан тасиль меселелерине тутуна. Бу меселе боюнджа кечирильген мунакъашаларнынъ пек тюзгюн, мантыкълы ве узманлыкъ эсасында, компетентли оларакъ идаре этип, баш мухаррир вазифесинде «Терджиман» этрафында мутехассысларны, бильгинлерни джелъп эте. Бунынъ нетиджеси оларакъ Къырым муаллимлери бири-бирине якъынлашма, фикир пайлашма, теджрибе арттырма ёлуна минип тасиль эснасында гъает муим, керекли ве зарур исляхлар кечирмек ичюн огърашалар. Иште, бу кениш, макъсаткъарлы арекетлернинъ джиддий нетиджеси сыфатында 1917 сенесининъ кузюнде «Зынджырлы» медресеси Менъли Герай институтына чевриле. 1920 сенесининъ кузюнде исе, ишбу институт биринджи мезунларгъа дипломлар берип Къырымда юксек дереджели миллий тасильнинъ онеми ве файдасыны амельде косътере.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Мухбир. Багъчасарай хаберлери // Терджиман. 1914. № 234. Ноябрь 16.
2. Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли фирка». Серия: рассекреченная память. Т. 1. Составители Валякин А.В., Хаяли Р.И. Симферополь: Доля, 2009. 352 с.
3. Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919. Пагинация с.1-58; с.1-295.
4. Таракъчызаде С.А. Ялынъыз имля иле лисан дегиль! // Терджиман. 1915. № 12. Январь 16.
5. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымскотатарской грамматики. Петроград, 1916. 104 с.
6. Челебиев М. Мектеп меселеси // Терджиман. 1915. № 28. Февраль 6.
7. Бадракълы Я. Идарее мектюп // Терджиман. 1915. № 46. Февраль 27.

Муэллиф акъкъында малюмат: Керим Исмаил Асаногълу – филология фенлери докторы, профессор, Февзи Якубов адына Къырым муэндислик ве педагогика университети янындаки Къырымтатар филологиясы, тарихи ве къырым этносларынынъ медениети ильмий-теджикъат институтынынъ мудир (295015, Учебный аралыгъы, 8, Акъмесджит, Русие Федерациясы); Татарстан Джумхуриети Илимлер Академиясы Ш.Марджани адына Тарих институтынынъ Къырымдаки ильмий меркезининъ етекчи ильмий хадими (420111, Батурина сокъагъы, 7, Къазан, Русие Федерациясы); alimes@mail.ru

Роль А.С. Айвазова в процессе реформ начальных школ в Крыму (1910-е годы)

Исмаил Керимов

Крымский инженерно-педагогический

университет имени Февзи Якубова;

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. После кончины И. Гаспринского в 1914 году газету «Терджи-ман» возглавил известный крымскотатарский писатель и публицист А.С. Айвазов. Под его руководством в газете была развёрнута широкая дискуссия, связанная с реформами в области национального образования в начальных классах Крыма. В статье делается попытка исследования процессов реформ в образовании на родном языке, показывается ряд учебников и учебных пособий, рекомендованных общим собранием муаллимов (учителей) для использования в образовательном процессе в начальных школах. Обращается внимание на то, что именно эти дискуссии позже приобрели национальный масштаб и привели к созданию в 1917 году в Бахчисарае Института Менгли Гирея, первые выпускники которого, получив дипломы в 1920 году, влились в состав национальных педагогических кадров Крыма.

Ключевые слова: А.С. Айвазов, начало XX века, школьные реформы, Институт Менгли Гирея

Для цитирования: Керимов И.А. А.С. Айвазовнынъ миллий тасиль меселелерине дестеги (1910-нджы сенелери) [Роль А.С. Айвазова в процессе реформ начальных школ в Крыму (1910-е годы)] // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 144–151. DOI: 10.22378/kio.2024.1.144-151

Сведения об авторе: Керимов Исмаил Асанович – доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); alimes@mail.ru

Role of A.S. Aivazov in the Process of Primary Schools Reform in Crimea (1910s)

Ismail Kerimov

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. After the death of I. Gasprinsky in 1914, the newspaper “*Terdzhiman*” was headed by the famous Crimean Tatar writer and publicist A.S. Aivazov. Under his leadership, a broad discussion was launched in the newspaper related to reforms in the field of national education in the primary grades of Crimea. The article makes an attempt to study the processes of reforms in education in the native language, showing a number of textbooks and teaching aids recommended by the general meeting of muallims (teachers) for use in the educational process in primary schools. Attention is drawn to the fact that it was these discussions that later acquired a national scale and led to the creation of the Mengli Giray Institute in Bakhchisaray in 1917, the first graduates of which, having received diplomas in 1920, joined the national teaching staff of Crimea.

Keywords: A.S. Aivazov, beginning of the 20th century, school reforms, Mengli Giray Institute

For citation: Kerimov I.A. Role of A.S. Aivazov in the Process of Primary Schools Reform in Crimea (1910s). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 144–151. DOI: 10.22378/kio.2024.1.144-151 (In Crimean Tatar)

REFERENCES

1. The Bakhchisarai news. *Terdzhiman=Translator*. 1914, no. 234, November, 16. (In Crimean Tatar)
2. The last manuscript of Sabri Aivazov. The case of the “*Milli-Firka*”. Series: Declassified memory. Vol. 1. Compiled by Valyakin A.V., Khayali R. I. Simferopol: Dolya, 2009, 352 p. (In Russian)
3. Krichinskiy A. Essays on Russian politics on the outskirts. On the history of religious oppression of the Crimean Tatars. Baku, 1919, *Paginatsiya*, pp. 1–58; pp.1–295. (In Russian)
4. Tarakchyzade S.A. Not only spelling and language. *Terdzhiman=Translator*, 1915, no. 12, January 16. (In Crimean Tatar)
5. Samoylovich A. N. Experience of a brief Crimean Tatar grammar. Petrograd, 1916. p. 104. (In Russian)

6. Chelebiev M. School question. *Terdzhiman=Translator*, 1915, no. 28, February, 6. (In Crimean Tatar)
7. Badrak"ly Ya. Board letter. *Terdzhiman=Translator*, 1915. No 46, February, 27. (In Crimean Tatar)

About the author: Ismail A. Kerimov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Scientific Research Institute of the Crimean philology, history and culture of the Crimean ethnos, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchednyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); alimes@mail.ru

Мотивы смерти в лирико-публицистическом дневнике Б. Чобанзаде «Песнь свирели» и его место в контексте творческих исканий автора

Таир Киримов

*Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова*

Аннотация. На основе материалов художественного дневника «Песнь свирели» рассматривается поэтика раннего творчества Бекира Чобанзаде, одного из ярких представителей крымскотатарской литературы 1917–1920 гг. Это время политических, революционных переворотов; становления народно-освободительного движения мусульман в Крыму; созыва Первого демократического Курултая, на котором были провозглашены: восстановление равноправия женщин, отмена сословных привилегий, наделение крестьян землей, идея основания национально-культурной автономии. «Песни свирели» написаны автором в период учебы в Венгрии, Швейцарии. Одиночество, тоска по отчужденному дому, переживания о судьбе родины, поиски смысла жизни занимают главное место в его творческом наследии. Самоотверженная борьба и героическая гибель за свободу народа в понимании Б. Чобанзаде являются смыслом жизни каждого татарина. Он молит всевышнего о славной смерти для себя и полной страданий жизни для врагов. Пессимистический романтизм, гражданская пафосность определяют творческий характер писателя. Несмотря на то, что Б. Чобанзаде известен как крупный специалист в сфере изучения языков и литератур тюркских народов, его писательская личность изучена поверхностно. Основной причиной этого является сложная образная система языка произведений, глубина философской мысли автора, основанной на национальных традициях и мифологии. В статье раскрывается важность трудов предыдущих исследователей жизни и творческого пути деятеля культуры. Выявляются основные языковые, жанрово-тематические, стилевые особенности художественных текстов упомянутого сборника. Осуществляется переосмысление философской и эстетической составляющей мотивов смерти в творчестве Б. Чобанзаде.

Ключевые слова: смерть, искания, творческое наследие, литературный анализ, Чобанзаде Бекир, крымскотатарская литература

Для цитирования: Киримов Т.Н. Мотивы смерти в лирико-публицистическом дневнике Б. Чобанзаде «Песнь свирели» и его место в контексте творческих исканий автора // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 152–169. DOI: 10.22378/kio.2024.1.152-169

Степень изученности темы

Расцвет литературного творчества Бекира Чобанзаде приходится на 1916–1920 годы. Это время продолжения учебы и научно-исследовательской деятельности писателя в университетах Будапешта и Лозанны. Существенное место в его произведениях тех лет занимают философские искания, рассуждения о смысле мучительного рокового бытия и сокровенности героической смерти. Трагичность судьбы Крыма и крымских татар побуждает художника слова переживать собственную беспомощность вдали от Родины. В поэтическом наследии Бекира Чобанзаде ощущается стиль пессимистического романтизма. Влечение к самопожертвованию или смерти наблюдается также в творчестве других крымских писателей – современников Б. Чобанзаде. Например, Номан Челебиджихан, Джемиль Керменчикли, Мемет Нузет, Амди Гирайбай, Абдулла Ляtifзаде, Асан Чергеев относятся к феномену смерти как способу приближения к главной жизненно важной цели, продолжения извечного бытия или же возвращения к духовным национальным истокам.

Особую ценность представляет художественный дневник Б. Чобанзаде под названием «Qaval sesleri» («Песнь свирели»). Авторская рукопись датируется 1919–1920 гг. В содержание дневника вошли поэтические и прозаические записи писателя. Некоторые из них опубликованы автором или его близкими соратниками в таких национальных сборниках, газетах и журналах разных лет издания, как “Kök kitap” («Голубая книга», 1920), “Boran” («Буря», 1928), “Millet” («Нация», 1918), “Qırım mecmuası” («Крымский журнал», 1918), “Yañı Çolpan” («Новая Венера», 1924). Свои произведения Б. Чобанзаде подписывает псевдонимами: Чобаноглу Бавбек, Бекир Чавбек, Кырымлы Чобаноглу Бекир Сыдки, Чобанзаде Бекир [6, с. 135–136].

В основе псевдонима «Чобанзаде» или «Чобаноглу» («Сын пастуха») лежит смысл жизни творческого деятеля, заключающийся в борьбе за интересы и права простого крестьянского народа. Его стихи подобны печальным звукам свирели, доносящимся с высот крымских лугов и пастбищ. В них оживают яркие картины пастушьего детства и отрочества Б. Чобанзаде; образы ветхих и покосившихся татарских домишек, полуразрушенных старейших культовых сооружений и кладбищ, опустевших крымских степей, где когда-то бушевали бури великих исторических перемен. По этому поводу в коротком вступлении к рукописи “Qaval sesleri” («Песнь свирели») автор пишет:

“Menim yazılarım hiç bir şey köstermese, qırılğan, çaypalğan, belki bugün-yarın ölüp, coq bolup ketecek qırımtatarnı, onuñ minlerini, qusurlarını, kederlerini, duyğularını bek yahşı köstere. Bir kün kelip tarih Qırımman oğraşsa, qırımtatar qırımtatarnı qıdırsa, benim yazılarım ortağa çığar. Eger bulay

bolmasa da zararı coq! Qırımtatarnıñ bu qadar bayrağı, şanı, toprağı gayıp boldu, barsın benim de birqaç yuqusuz gecem, dumanlı, kederli künüm coytulsun. Mağa bu satırlarnı yazgandaki lezzet, oñanlık cetişir. Tatar tili, hiç kimse aytmasa, mağa kene büyük, kene temli, kene izgü. Çünki onda benim cigit halqımınñ biñlerce cıllıq qayğuları, qayğulı cigit sesi bar” [31, s. 233].

«Мои записи могут показаться ничтожными, но в них хорошо отображаются пороки, заблуждения, скорбь, боль потрясенного и угнетенного крымскотатарского народа, пребывающего на грани гибели и исчезновения. Впереди тот день, когда истории будет небезразлична [судьба] Крыма и крымским татарам будет не хватать друг друга. Лишь тогда мои произведения обретут ценность. Беды не случится, если все обернется не так. Крымские татары и без того пережили утрату государственности, владений, доблести. Пускай также бесследно забудутся мои бессонные ночи и безрассветные дни. Мне достаточно счастливых минут, которые я провел за написанием этих строк. Ведь, невзирая на различные мнения, татарский язык всегда будет для меня величественным, красивым и желанным. Ведь в нем воплощаются вековые чаяния и дух славного народа» (перевод с крымскотатарского наш. – Т.К.)

Основная часть

Круг научных изысканий о жизни и творчестве Б. Чобанзаде обширен. Помимо писательской деятельности автор известен как ученый-тюрколог, крупнейший специалист в сфере изучения языков и литератур тюркских народов. Для разьяснения степени изученности его творческой биографии, обратимся к основным работам современных исследователей.

Интересными являются публикации Адила Бабаева «Бекир Чобанзаде» (1998), Кенана Аджара “Kırımlı Bekir Sıdkı Çobanzade: dilciliği ve edebiyat araştırmaları” («Крымец Б. Чобанзаде: лингвистические и литературные исследования», 2001), Дмитрия Урсу «Бекир Чобанзаде: Жизнь. Судьба. Эпоха» (2004), Марии Нюри «Будапештские стихи Б. Чобанзаде» (2007), Сафтера Нагаева “İşte saña çoban oğlu!” («Вот тебе и сын чабана!..», 2007), Олега Рустемова «Заре навстречу: идеи Курултая в творчестве Б. Чобанзаде» (2012), Джеляла Касымова “Bekir Çobanzade” («Бекир Чобанзаде», 2018), Ильи Зайцева «Газиз Губайдулин и Бекир Чобанзаде в научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов советского Востока» (2019), Махмуда Аллахманлы “Bekir Çobanzade: hayatı, mühiti ve yaratıcılığı” («Бекир Чобанзаде: жизнь, окружение и творчество», 2022). В них анализируются условия и этапы формирования творческой личности Б. Чобанзаде, выявляются его идеологические воззрения по поводу культурного сближения тюрко-татарских народов, оценивается

вклад преподавательской и исследовательской деятельности ученого в развитие тюркологии в 1920–1930-х гг. [17; 26; 14; 10; 9; 12; 32; 4; 16].

Знаменательными являются современные выпуски сборников поэтических произведений и рассказов Б. Чобанзаде “Bir saray quracaqman” («Я воздвигну дворец!...», 2001), “Menim yazıları” («Мои записи», 2009). Тексты в данных сборниках основываются на материалах старых периодических и тиражных изданий, рукописных фондов Крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского в Крыму. В этих изданиях составители и редакторы Нариман Сейтягьяев, Шакир Селимов поместили развернутые вступительные статьи, сопроводительные глоссарии, обширные текстологические и сравнительные библиографические примечания [20; 22]. Несколькими годами ранее крымскотатарским общественным деятелем в эмиграции, собирателем национальных рукописных и печатных источников Исмаилом Отаром была выпущена книга “Kırımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade” («Крымский поэт и ученый Бекир Сыдки Чобанзаде», 1999). В основу книги вошли стихотворения, рассказы и другие записи из дневника Чобанзаде “Qaval sesleri” («Песнь свирели») [31]. Работа вышеупомянутых исследователей дополняется сборником избранных литературных произведений Б. Чобанзаде в переводе на азербайджанский язык “Seçilmiş bedii eserleri” (2012). Автором переводов и составителем собрания художественных сочинений писателя выступает Рамиз Аскер [23].

Выдающийся крымскотатарский писатель, ученый особо почитаем в Азербайджане. 1925–1937 гг. являются периодом активной научной и общественной жизни Б. Чобанзаде в Баку. Работа в комитете Нового тюркского алфавита, преподавание в качестве профессора на кафедре азербайджанского языка и литературы, пребывание в должности декана восточного факультета Азербайджанского государственного университета, участие в организации I Всесоюзного тюркологического съезда (Баку, 1926). Этот далеко не полный послужной список профессора сопровождается серией учебно-методических и монографических трудов. Например, это “Türk-Tatar lisanıyatına medhal” («Введение в тюрко-татарское языкознание», 1924), “Qumuq dili ve edebiyatı tetqiqleri” («Исследования по кумыкскому языку и литературе», 1926), “Türk dili ve edebiyatının tədris usulı” («Методика преподавания турецкого языка и литературы» в 2-х частях, 1926, 1927), “Türk-Tatar dialektolojisi” («Тюрко-татарская диалектология», 1927), “Qırımtatar edebiyatında qurultaycılıq ve milletçilik” («Курултайство и национализм в крымскотатарской литературе», 1929), “Azəri edebiyatının yəni devri” («Новый период в азербайджанской литературе», 1930), “Türk (Azərbaycan) dilinin metodikası” («Методика тюркского (азербайджанского) языка», 1932) [6].

С наиболее полным собранием трудов Б. Чобанзаде можно ознакомиться в 5-томном издании под общим названием “Bekir Çobanzade. Seçilmiş eserleri” («Бекир Чобанзаде. Избранные произведения»). Академический многотомник был составлен группой азербайджанских ученых в составе М. Адилова, А. Рамазанова, Т. Кулиева, С. Хадыевой и издан в 2007 году по президентской программе популяризации азербайджанской печатной продукции на латинской графике [24].

Альтернативный взгляд на биографию Б. Чобанзаде предлагает проф. Исмаил Керимов. Анализируя доселе неизученные крымские периодические издания на арабской графике, исследователь обнаруживает ряд хронологических неточностей, которые были допущены его предшественниками. Он также обращает внимание на то, что в сохранившихся документах типа анкет, удостоверений личности писателя имеют место различные опечатки. Выводы ученого перекликаются с фактами по данной теме, приведенными в работах Александра Булдеева, Федора Ашнина, Джафера Сейдамета, Асана Айвазова, Абибуллы Одабаша, Шевки Бекторе, Исмаила Отара, Дмитрия Урсу [5].

Принимая во внимание вышеизложенные тезисы, обозначим примечательные даты жизни и творчества Б. Чобанзаде. Поэт родился в 1893 году в деревне Аргын в окрестностях г. Карасубазара (ныне Белогорск). Начальное и среднее образование получил в местной и Карасубазарской школах. Об успешном выпускном экзамене в 1906 году Б. Чобанзаде в городской школе-рушдие свидетельствует газетная публикация его торжественной «Благодарственной речи» [5]. В 1909 году при поддержке Мусульманского благотворительного общества он продолжил обучение в султанской Галатасарайской школе (Galatasaray Mekteb-i Sultani). Присоединился к деятельности «Сообщества крымских студентов» (“Kırım Talebe Cemiyeti”). У истоков этой молодежной организации стояли Номан Челебиджихан, Джафер Сейдамет – в будущем влиятельные политические лидеры, члены председательствующего состава национальной Директории Крыма (1917–1918).

В 1912 году вышеупомянутое сообщество объединилось со студентами Поволжья в Турции и их молодежной организацией мусульман России (Rusya İslâm Talebe Cemiyeti) [27]. Одной из основных их идей была культурно-языковая консолидация прогрессивной татарской интеллигенции. Этот исторический период ознаменован выходом в свет «Произведений молодых татар» (“Yaş Tatar yazıları”, 1912). Среди авторов этого сборника значится имя Б. Чобанзаде. Здесь размещено его эпическое произведение в жанре дастан (поэма) “Anañ qayda?” («Где твоя мама?»), посвященное «татарским сиротам» [34]. Название и содержание этого дастана носит символический характер. Автор развивает общий сюжет произведения вокруг

материнской могилы, окутанной степными цветами и по форме напоминающей каменную колыбель. В его видении татары имеют единую родину-мать и являются друг другу братьями. Поэтому, преклоняясь перед могилой родной матери, они укрепляют связь с предками и возрождают сакральный дух татарства. Не случайно выбранная им тема докторской диссертации связана с древним письменным памятником куманского языка XIII века “Codex Cumanicus”. Данная работа была защищена Б. Чобанзаде спустя 3 года после поступления в 1916 г. на историко-филологический факультет Будапештского университета им. Петера Пазмания. Вернувшись на родину, в 1920–1925 гг. он преподает филологические дисциплины в Тотайкойском педтехникуме, Таврическом университете. Как было сказано выше, последующий этап жизни и научной деятельности Чобанзаде преимущественно проходит в Азербайджане. Но писатель не прерывает связей с Крымом и крымской читательской аудиторией. Таким образом, в 1928 году им выпущены в Симферополе сборники авторской лирики “Boran” («Буря») и литературно-критических очерков “Soñ devir qırımtatar edebiyatı” («Крымскотатарская литература новейшего периода»). Время выхода настоящих изданий совпало с началом советских репрессий против крымскотатарской политической и творческой интеллигенции. Творчество Б. Чобанзаде также не миновало провокационной критики в коммунистической прессе и рассматривалось как орудие буржуазно-националистической пропаганды. Травля выдающегося деятеля культуры закончилась его трагическим арестом и расстрелом в застенках НКВД в 1937 году. Место захоронения писателя по сей день остается неизвестным [5; 12].

Поэзия Бекира Чобанзаде гармонизирует с языком, широтой мысли и мировоззренческим укладом простого крестьянина. Тематически стихи Б. Чобанзаде исследователи условно делят на несколько аспектов. Среди них можно встретить стихи, отсылающие к картинам деревенского отрочества поэта. Пастушество, созерцание и анализ смысла жизни раскрывают его утонченное поэтическое ощущение мира. Сатира же является излюбленным авторским методом выражения протеста против устаревших нравов и обычаев общества [22, s. 19]. Но философские размышления на вечную тему смерти пронизывают все творчество художника слова. Отважная гибель для Бекира Чобанзаде является способом самопознания. Бесстрашно заглядывая в глаза смерти, он бросает вызов жизни и судьбе. Творческий портрет автора совпадает с героико-романтическим обликом персонажей тюркских эпосов, таких, например, как Эдиге, Кёроглу, Чорабатыр. Их объединяет беззаветное сражение с темными силами, страдания и мучения на чужбине, возвращение на родину и служение ей до последнего вздоха. Фольклорно-мифологический персонаж Чорабатыр находит место

и в стихотворениях Б. Чобанзаде. Это “Çorabatır” («Чорабатыр»), “Yaz aqşamı, u aldında” («Летними вечерами у дома»), “Tandu” («Танду»). В изданиях 1918 года поэма «Танду» именуется как «Чорабатыр». По свидетельству автора, идея сюжета настоящего произведения была заимствована из балкарской сказки.

Бекир Чобанзаде восхищается и гордится Чорабатыром, рассматривая его как объект для подражания [22, s. 130–131]. Непосредственно лирический герой Чобанзаде представляется читателю по-разному: в облике всадника на коне с плетью возмездия в руках; странствующего путника, спешащего увидеть отчий дом; бедного деревенского пастуха овец. В стихотворении “Ah, tabilsam...” («Оказаться бы рядом!...») внимание привлекают следующие строки:

*“Cigit ölüm tapqanda,
Üstün çiçek capqanda,
Ah, tabilsam, çîñnasam,
Soñ cırını tîñnasam...
Düşmanlarım külgende,
Baştaşımı silkkende,
Ah, tabilsam, atlanup,
Qamçım dörtke qatlanup...”* [20, s. 37–38].
(«Когда джигит встречается со смертью,
[Могилу] посыпая венками [траурных] цветов,
Оказаться бы рядом, чтобы скорбь разделить,
Балладой прощальной развеять тени печали.
Когда враги, веселье [с хмелем разбавляя],
Пытаются снести мой камень надгробный,
Оказаться бы рядом, чтобы, на коне восседая,
Плетью мести [чужие спины рассечь до костей]»).

[Смысловой перевод с крымскотатарского наш. – Т.К.].

Смерть не является поводом для сокрушения и прекращения борьбы с врагом; отстаивания исторической справедливости. Напротив, гибель раскрывает новые возможности лирического героя в идеализированном воображении поэта, тоскующего в разлуке с соотечественниками. Бекир Чобанзаде считает врагами народа мурз и мулл, не желающих видеть единоверцев развивающимися и свободными. Автор героически павшего на поле боя воина, то есть борца за народное освобождение, возводит в ранг святых. Преклоняясь перед прахом героев, он молится за исцеление сынов отчизны и светлое будущее нации.

В текстах стихотворений Чобанзаде встречаются упоминания о похоронных церемониях древних тюрок. Например, как в стихотворении “Ah, tabilsam!...” («Оказаться бы рядом!»):

“Cigit aziz bolğanda, / Mezarı nur tolğanda, / Ah, tabılsam, oylansam, / Qabrin doquz aylansam!” [20, s. 37–38].

(«Когда [останки] джигита святыми становятся, / Когда свет озаряет могилу [его], / Оказаться бы рядом, вспомнить [былые победы], / Совершив [на коне] вокруг могилы девять кругов»). [Смысловой перевод с крымскотатарского наш. – Т.К.].

Как отмечает турецкий ученый Бахаэддин Огель (Bahaeddin Ögel), у древних тюрков существовало поверье, что небо состоит из девяти царств. Поэтому девятикратный обход на коне вокруг могилы воина означал обряд проводов души умершего [30, s. 759]. Тяготение Б. Чобанзаде к тюркским истокам подтверждается не только в упоминаниях забытых традиций, но и в колоритном языке, силлабической системе «бармак», форме и размере стихосложения автора. Вот характерный отрывок из произведения “Bir esirniñ baş taşına” («Могила узника»):

*“Viran köyler, basıq üyler temelinden,
Şifa alıp «ölmez ümüt» sağ elinden,
Bizler endi curt sevdası başımızda,
Çevre qardaş, alçaq düşman qarşımızda...
Baht yañlışın tüzeltmege turğanımızdır.
Çürük cerge “Haq!” dep, ayaq urğanımızdır.
O vaqıtta mezariñni begenmeseñ,
«Degenimday olâlmadım, yazıq!», – deseñ,
Cür soğuşlar meydanını cayav, atlı,
Bir ölüm seç, öl bir daha, tath, tath...”* [22, s. 58].

(«Взгляни на руины, на покосившиеся крыши домов,
В их душах вновь теплится луч надежды правой.
Не страшно встретиться лицом к лицу с врагом отныне,
В кругу сынов отчизны с волнением радостью делюсь.
На путь борьбы с несправедливостью судьбы мы встали,
Сегодня мы отвоевали правду, растоптали зло и страх.
Зачем же предавать проклятию надгробную плиту свою?
Зачем терпеть, коль смерти ты не той желал всю жизнь?
Вставай, спеши на поле боя, иди пешком и на коне,
Встречай свою блаженную погибель и смерть вновь и вновь»).

[Смысловой перевод с крымскотатарского наш. – Т.К.].

Б. Чобанзаде уверен, что народному герою под силу влиять на личную судьбу, то есть жизнь и смерть. Поэт, обращаясь к могиле поработленного, мысленно перемещается на родину предков. Из содержания первых строк стихотворения становится ясно, что покоящийся в могиле лирический герой на самом деле является отображением душевного состояния самого поэта:

“Cuqla, dostum, qattı demiy, cat topraqta / Öz curtuñ coq bolsa da – şay bek uzaqta... / Cuqla, catnıñ toy sesine baş qaldırma, / Bahârıne, bülbüline hiç aldırma... / Bir kün kelip, bu dumanlar köterilse... / Yücelerden barımızğa ses berilse... / Sen de uyan, “Allah, Allah!...” çıñlağanda, / Ferişteler yaqınlardan tıñnaganda...” [22, s. 58].

(«Покойся, друг мой, не сетуй на суровость земли чужбины, / [Знаю], вдали [тяжело осознавать], что родины лишен... / Спи, пусть не тревожит тебя шум веселых песен недругов, / [Пусть] не гневит тебя трель [их] соловьев в [свете] весенней [луны]. / Придет день, когда рассеются [густые] туманы, / Снизойдет благая весть для всего нашего [народа], / Тогда и ты, пробудившись под призывы Азана, / Найдешь себя в окружении чарующих ангельских девиц...»). [Смысловой перевод с крымскотатарского наш. – Т.К.].

Здесь сон является олицетворением смерти или же печального бессилия автора на чужбине. Он болезненно воспринимает неприглядное положение родной земли, но все же в нем живет вера в то, что когда-нибудь рассеется густой туман, туман неясности, неведения. Вместе с тем снизойдет озарение и общее исцеление. Тогда появится возможность исправить свою судьбу и, наконец, умереть героической смертью за родину. С целью донесения до читателя главной идеи автор тщательно подбирает уникальные образы, лексические модели стихотворения. Интерес представляет также слаженный внутренний ритм поэтического произведения, в котором смысловая насыщенность и эмоциональная экспрессивность подчеркиваются с помощью четких цезур.

Воспеваемая поэтом героическая, яркая смерть может окрашиваться пессимистическими оттенками. Отчаяние и потеря веры в окружающих людей, ведущих бессмысленный, праздный образ жизни, заставляют Чобанзаде вновь и вновь браться за перо. Например, стихотворение “Vesselâm” («Довольно») выражает эмоциональный бунт автора, некую обреченность его одинокого сопротивления обыденности. Лирический герой с горечью осознает, что в условиях торжества человеческой серости высокие патриотические подвиги утрачивают всякую ценность. Мысль сочинения дополняется эпиграфом-цитатой из рассказа М. Горького «Супруги Орловы»: “*Şehirlerden, köylerden, her çeşit insandan nefret idiyorum. Tü-ü-ü! Ey, hayat, şeytaniy ve ilâhiy hikmet!*” («Противно все: города, деревни, люди, разных калибров... Тыфу! <...> Эх ты, жизнь, дьявольская ты премудрость!») [3; 22, s. 36].

*“Köñlüm hasta, közüm tonuq...
Yaşav soğuş, ölüm soğuş...
Yazım, şi’rim, fikrim bozuq...
Hiç biriniñ keregi yoq, vesselâm...
Bahar, diyler, bizge kele...
Bülbül cırlay, güller küle...
Hayvanlar, qul kişilerge,
İnanmayman hiç birine, vesselâm...”* [22, s. 36].

(«Щемит сердце, тоска в глазах...

Мрачная жизнь, бесполезная смерть...

Все перемешалось: стихи и мысли...

Нет в них более нужны, довольно...

Обещают приближение [ранней] весны...

Всюду щебет соловьев, цветов отрада...

Все, животные, народ невольный...

Нет им более доверия, довольно...»).

[Смысловой перевод с крымскотатарского наш. – Т.К.].

В сложные периоды жизни поэт обращается к всевышнему с мольбой о «хорошей» смерти: *“Kerçek tüğül ne kök, ne cer, / Ne bulardan tuvğan bizler... / Tañrım, yaşav – büyük horluq, / Bizge yahşı bir ölüm ber, vesselâm...”* [22, s. 36].

(«Все ложно – и небеса, и земля, / [Сомнительно и то, что] мы рождены из них... / Бог мой, ведь жизнь – это сплошные страдания, / Ниспошли нам хорошую смерть, довольно...»). [Смысловой перевод с крымскотатарского наш. – Т.К.].

Смерть, как утверждается в стихотворении Б. Чобанзаде «Студент», воспитывает в человеке высоконравственную личность [22, s. 45]. Долгую земную жизнь, наполненную страданиями и лишениями, он желает лишь врагам. Наблюдая за тем, как поэт наслаждается сокровенным ощущением присутствия духа собственной смерти, приходишь в глубокое изумление. Перечитывая строки поэтического сочинения под названием “Qaytarma” («Хайтарма»), обозначающее крымскотатарский народный танец, невольно ловишь себя на мысли, что становишься пленником страсти к этой образной смерти. Конечно же, за этим стоит авторское мастерство отображения глубоких чувств и размышлений. Смерть для художника слова становится его спутником жизни. Он безумно влюблен в ее женственную красоту, неземную силу, воинственный характер. Завораживающий эпический танец «Хайтарма» в дуэте со смертью придает картине эпичность, трагическую величественность.

*“Altınday saçlarıñ betimni sıypay,
Közleriñ közümdə boranlar yasay...
Süyemen saçlarıñ, ölümge tarta,
Mezarğa yaqınmız, çal bir Qaytarma...
Ciberme qolumnı, hiç ayrılmayıq,
Yaşavnuñ moynuna hiç sarılmayıq...
Sarılsıp tüşemiz muna mezarğa,
Üyrensin şu caşlar yahşı Qaytarma...”* [22, s. 81].

(«Кос твоих водопад ласкает мне лик,
И рождает буран твоих глаз тайник.
Косы тянут нас в смерть, где могилы тьма.
Веселее звучи, играй, Хайтарма...
Не бросай моих рук, разлуке не быть.
И цепляться за жизнь – ее не любить.
Станем телом одним, спускаясь во тьму.
Молодым не забыть мою Хайтарму...») [15, с. 33].

Поэт не отвергает связь с народом. Ведь, несмотря на то, что внешне народ в основной своей массе может казаться слабым, черствым, бездумным, в его сердце теплится искреннее чувство татарства. Лирик готов обменивать жизнь на холодный могильный гранит, на котором вместе с его именем будет увековечено слово «Татарин». Идея татарства для Б. Чобанзаде прежде всего ассоциируется с чистым, аутентичным языком, который хранит историческую и культурную память народа. В подтверждение наших слов приводим следующие строки из вышеупомянутого стихотворения:

“Tatarman, sap-sarı halqımnıñ beti, / Suv bolğan qanı, çürügen eti... / Bir cürek ölmıycek hiç bir zamanda, / Yaşavı bugün de bir güzel Qaytarma; / Süyemen punarlı, hasta közlerni, / Süyemen manasız, kerçek sözlerni. / Ölümge oşay, ölümni añdıra / Kışkene qalibni dağıtqan Qaytarma; / Mahşerde siz meni hiç qaldırmañız! / Qatımda "sur"larnı hiç çaldırmañız! / Ölümni tabarman, azğana tursam da, / Mağa ölüm kerek, bir de qaytarma” [22, s. 82].

(«Мой народ с поникшим и жёлтым лицом, / Кровь его, как вода, а мясо с гнильцом. / Лишь бы сердце в груди стучало всегда, / Не умрет никогда его Хайтарма; / Я люблю их глаза, люблю их туман. / Я люблю их слова – не мысль, не обман. / Ты, как смерть, что порой нас сводит с ума. / Душу – крошку свою несешь, Хайтарма; / Не бросай меня в судный день и час, / Чтоб не слышать мне труб последний приказ. / Я привстану чуть-чуть, мне смерть – не сума. / Мне нужна только смерть – моя Хайтарма...») [15, с. 36].

Мечта консолидировать крымскотатарский народ при помощи общего языка выходит за рамки поэзии автора и несет в себе мощный политиче-

ский, гражданский потенциал. Этот наш древний, богатый язык, продолжает поэт, роднит и остальные тюркские народы, чьими великими сынами являются Алишер Навои и Габдулла Тукай. Он категорически не приемлет османского влияния и поэтому с критикой отзывается о притязаниях стамбульского языка на статус наднационального [22, с. 77–78, 85–86].

Бекир Чобанзаде активно популяризирует идею чистого тюркского языка, на котором всегда говорили кыпчакские племена. Родной язык крымских степей поэт любит больше жизни и желает, чтобы он широко использовался во всех без исключения сферах жизни крымскотатарского народа. Приведем фрагмент из стихотворения “*Tuvğan til*” («Родной язык»):

*“Camige, mihrapqa, sarayğa kirseñ,
Deñizler, çöllerniñ çetine irseñ...
Seniñmen düşmanğa yarlıqlar yazsam,
Qaruvlı sözüñmen köñlüni qazsam...
Qabrimde melekler sorgu sorasa,
Azrail tilimni biñ kere torasa,
“Öz tuvğan tilimde ayt maga!”, dermen,
Öz tuvğan tilimde cırlap ölermen...”* [22, с. 64–65].

(«Во храме, в михрабе, в дворцах воцарись,
Моря переполни, и в степь покатись,
Законом великим врага ограни,
Потерянным – к цели огни засвети,
Когда с погребеньем мне суд сотворят
И грешный язык мой стократ расчленят,
Пусть мне на родном языке Азраил
Зачтет приговор – с ним умру, как и жил») [11, с. 94].

Мотивы смерти, самодеструкции находят продолжение и в прозаическом наследии Бекира Чобанзаде. В его дневниковом сборнике произведений “*Qaval Sesleri*” («Песнь свирели») встречаются такие рассказы, как: “*Nuray*” («Нурай»), “*On dört çaşımda*” («Когда мне было четырнадцать лет»), “*Oğurlı collar*” («Счастливого пути»), “*Harmanda bir şair*” («Поэт на току»), “*Bir qaç suçum*” («Провинности мои»), “*İndemez Celil*” («Молчаливый Джелиль»). В них писатель расширяет свою концепцию восприятия смерти. Автор замечает, что в прошлом крымский татарин, привыкший умирать героической смертью, погибает от беспросветной нищеты и житейской скуки. Перебираясь в поисках лучшей жизни из деревни в город, он забывает о своих исторических корнях и славных предках. В то время, когда цивилизованный мир чтит руины древних памятников архитектуры и культуры, изучает их ценность, крымский татарин вынужден оставлять на разграбление и уничтожение чужакам храмы, кладбища, родники, деревни. Городская

среда убивает в нем национальный дух, стирает черты многовековой культуры. В связи с этим возникающим конфликтам поколений отводится важное место в прозаическом творчестве писателя. В перспективе этот аспект художественного познания действительности Б. Чобанзаде было бы интересно рассмотреть в свете традиций литературной мысли периода Курултая и народно-освободительной борьбы крымских татар в 1917–1920 гг.

В заключение отметим, что писательское творчество Бекира Чобанзаде ярко отображает жизнь простого народа. Воспоминания об отчем доме, детских и юношеских годах, прожитых в деревне, легли в основу лирико-публицистических произведений мастера слова. Сын чабана – так переводится на русский язык литературный псевдоним Чобанзаде. Мелодией пастушьей свирели пронизаны строки его дневника “Qaval Sesleri” («Песнь свирели»). Стихи, рассказы, вошедшие в содержание дневника, носят ностальгический характер, так как написаны Б. Чобанзаде вдали от родины. Рукописи автора сохранены и впервые изданы отдельной книгой в 1999 году И. Отаром. В последующем над дополнением и переизданием сборников произведений Бекира Чобанзаде работали Н. Сейтягьяев, Р. Аскер. Вместе с тем стихи поэта были переведены на языки разных народов. Например, на русский (А. Булдеев, Ю. Османов, С. Дружинин, О. Голубева), украинский (Л. Талалай, П. Коробчук, С. Литвин), турецкий (И. Отар), азербайджанский (Р. Аскер), французский (Дж. Сейдамет), венгерский (А. Беде, Э. Ковач). До наших дней сохранился не большой сборник поэтических сочинений “Boran” («Буря»), изданный Б. Чобанзаде в 1928 году [2; 11; 15; 13; 7; 8; 31; 23; 33; 19; 29; 21].

Автор «Песен свирели» известен как авторитетный ученый-тюрколог, общественный деятель, но его личная жизнь и литературный путь остаются малоизученными. В кругу исследователей особенно актуальны дискуссии по поводу точных дат рождения и смерти Бекира Чобанзаде, его учебы в тех или иных учебных заведениях, присвоения ученому звания профессора. Среди биографов писателя можно назвать А. Булдеева, Дж. Сейдамета, А. Айвазова, А. Одабаша, Ш. Бекторе, А. Таймаса, Ф. Ашнина, И. Отара, И. Керимова, Д. Урсу.

Современные литературоведы часто упоминают тематико-сюжетную классификацию стихотворений поэта, предложенную Абдуллой Таймасом. Это медитативные стихотворения, в которых на фоне звучания мелодии пастушеской свирели возникают пейзажи опустевших крымских степей, где когда-то бушевали бури великих исторических перемен. Примечательны стихотворения с интроспективными размышлениями поэта о смысле собственной жизни и миссии крымскотатарской нации в истории Крыма. Основным же орудием борьбы поэта с устаревшими и пагубными нравами

тюрко-мусульманского общества является сатира. В ней автор высмеивает малограмотность простого крестьянина, ханжество служителей религии, алчность и подкупность мурзиков, идущих вразрез с национальными идеями народа. Философские поиски истины смерти пронизывают дневник Б. Чобанзаде “Qaval sesleri” («Песнь свирели»).

Поступки персонажей произведений писателя приравняются к напорным героям татарских эпических сказаний. Они выступают беззаветными борцами за свободу соотечественников. Самоотверженная борьба, героическая смерть в идеализированном понимании Б. Чобанзаде являются смыслом жизни татарина. Он молит всевышнего о «хорошей» смерти для себя и полной страданий жизни в брэнном мире для врагов татарства. Это в первую очередь мурзы и муллы, которые тормозят культурный, экономический прогресс единоверцев. Культ смерти, по мнению автора, воспитывает в человеке духовно-нравственную, патриотическую личность. Например, ради идеи татарства лирический герой готов пожертвовать личной жизнью. Татарство для него прежде всего ассоциируется с простонародным языком, который хранит историческую и культурную память нации. Более того, стремление консолидировать крымскотатарский народ при помощи общепонятного языка выходит за рамки поэзии автора и несет в себе мощный гражданский потенциал, заключающийся в культурном сближении всех тюрков-татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алекперов А., Тагиев Р. Бекир Чобанзаде: к девяностолетию со дня рождения // Советская тюркология. 1983. № 3. С. 95–96.
2. Булдеев А. Татарский поэт Чобанзаде // Молва. 1943. Декабрь 10.
3. Горький М. Супруги Орловы. М.: Книга по требованию, 2021. 42 с.
4. Зайцев И. Газиз Губайдулин и Бекир Чобанзаде в научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов советского Востока // Тюркологические исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 34–45.
5. Керимов И. Бекир Чобанзаде: биографиясында базы худжур ракъамлар // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 155–164. DOI: 10.22378/kio.2019.2.155-164
6. Керимов И. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2009. 324 с. С. 135–136.
7. Кунештен бир парча. Къырымтатар шириети антологиясы: XIII–XX ас. / Аз.М. Мирошниченко, Ю. Къандым. К.: Этнос, 2003. 792 с. С. 275–316.
8. Къарылгъачлар дуасы. Къырымтатар несирнинь антологиясы: XIV–XX ас. / Аз. М. Мирошниченко, Ю. Къандым. К.: Этнос, 2005. 600 с. С. 464–474.

9. Нагаев С. Иште санъа, чобан огълу! Симферополь: Симферопольская городская типография, 2007. 196 с.
10. Нюри Т. Мария. Будапештские стихи Б. Чобан-заде // Сб. докладов научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания Бахчисарайского музея. Симферополь: Доля, 2007. 180 с. С. 99–109.
11. Османов Ю. Крым – Родина моя. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. 220 с.
12. Рустемов О. Заре навстречу: идеи Курултая в творчестве Б. Чобан-заде // Культура народов Причерноморья. 2012. № 228. С. 177–181.
13. Севги багъчасында – В саду любви: из крымскотатарской поэзии / Пер. О. Голубевой. Симферополь: Доля, 2008. 80 с.
14. Урсу Д. Бекир Чобанзаде. Жизнь. Судьба. Эпоха. Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. 276 с.
15. Чобан-заде Б. Булутлар – Облака / Пер. С. Дружинина. Симферополь: Доля, 2003. 68 с.
16. Allahmanlı M.. Bəkir Çobanzadə: həyatı, mühiti və yaradıcılığı. Bakı: ADMİU mətbəəsi, 2022. 448 s.
17. Babajev A. Bekir Chobanzade. Baku, 1998. 312 p.
18. Battal T. Kırmılı filolog-şair Bekir Çobanzade'yi tanıtmaya tecrübesi // Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten. 1954. №. 2. S. 233–263.
19. Bede Anna. Fehér daru – a Krími Tatárok haldoklása // Barátság, 1995. № 7. Pp. 997–998.
20. Çobanzade B. Bir saray quracaqman. Simf.: Sonat, 2001. 192 s.
21. Çobanzade B. Boran. Aqmescit: Qırım devlet neşriyatı, 1928. 56 s.
22. Çobanzade B. Menim yazılarıım. Aqmescit: Tarpan, 2009. 252 s.
23. Çobanzade B. Seçilmiş bedii eserleri / haz. R. Asker. Baku: BXQR neşriyatı, 2012. 240 s.
24. Çobanzade B. Seçilmiş eserleri Beş cildde / Haz. M. Adilov, A. Ramazanov, T. Quliyev, S. Hadiyeva. Bakı: Şarq-Qarb, 2007. 336 s.
25. Çobanzade B. Soñ devir qırımtatar edebiyatı: tenqit tecribeleri. Aqmescit: Qırım devlet neşriyatı, 1928. 102 s.
26. Kenan A. Kırmılı Bekir Sıdkı Çobanzade: dılcılığı ve edebiyat araştırmacılığı. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2001. 518 s.
27. Kırmılı H. Kırim tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler: 1905–1916. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1996. 296 s. S. 187–190.
28. Kök Kitap. Eserler toplamı. İstanbul: Tatar cemiyet-i hayriyesi neşri, 1920. 160 s.
29. Kovács E. Magyarországon talált Krími Tatár versek. Barátság, 1995. №. 9. Pp. 1138–1140.
30. Ögel B. Dünden Bugüne Türk Kültürünün Gelişme Çağları. İstanbul: Özenk Matbaa, 2001. 788 s.
31. Otar İ. Kırmılı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları, 1999. 288 s.
32. Qasimov C. Bekir Çobanzade. Monografi. Bakı, H. Aliyev Akademiasının Neşriyyat-poligrafiya merkezi, 2018. 328 s.

33. Seidamet Dj. La Crimée. Passé–Present Revendications des Tatars de Crimée. Lausanne: Imprimerie G. Vaney-Burnier, 1921. 118 p.

34. Yaş Tatar Yazıları / Haz. Yaş Tatar Yazgıçıları Cıymı. İstanbul: Bab-ı ali qarşusunda tavs-i tabaat matbaası, 1912. 50 s. S. 3–16.

Сведения об авторе: Киримов Таир Нуридинович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация); tairkerimoff@gmail.com

The Motives of Death in B. Chobanzade's Lyrical and Journalistic Diary "The Song of the Reed-Pipe" and its Place in the Context of the Author's Creative Explorations

Tair Kirimov

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. Based on the materials of the artistic day book "Song of the Reed-Pipe", the poetics of the early work of Bekir Chobanzade, one of the brightest representatives of the Crimean Tatar literature of 1917–1920, is thoroughly considered. This is the time of political, revolutionary upheavals; the formation of the people's liberation movement of Muslims in the Crimea; the convocation of the First Democratic Kurultai, which proclaimed: the restoration of equal rights for women, the abolition of class privileges, the allotment of peasants with land, the idea of founding national and cultural autonomy. "Reed-Pipe Songs" were written by the author during his studies in Hungary and Switzerland. Loneliness, longing after ancestral home, worries about the fate of the motherland, the search for the meaning of life occupy the main place in his creative heritage. Selfless struggle and heroic death for the freedom of the people in the understanding of B. Chobanzade are the meaning of the life of every Tatar. He prays to the Almighty for a glorious death for himself and a life full of suffering for his enemies. Pessimistic romanticism, civic spirit determine the creative character of the writer. Despite the fact that B. Chobanzade is known as a major specialist in the study of languages and literatures of the Turkic peoples, his literary personality has been studied only in a perfunctory manner. The main reason for this is the complex imagery of the language of the works, the depth of the author's philosophical thought based on national traditions and mythology. The works of previous researchers of the life and creative path of the cultural actor are analyzed. The main linguistic, generic-topical, stylistic features of the literary texts of the mentioned collection are revealed. The philosophical and aesthetic component of the motives of death in the works of B. Chobanzade is comprehended.

Keywords: death, explorations, creative legacy, literary analysis, Chobanzade Bekir, Crimean Tatar literature

For citation: Kirimov T.N. The Motives of Death in B. Chobanzade's Lyrical and Journalistic Diary "The Song of the Reed-Pipe" and its Place in the Context of the Author's Creative Explorations. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 152–169. DOI: 10.22378/kio.2024.1.152-169 (In Russian)

REFERENCES

1. Alekperov A., Tagiev R. Bekir Choban-zadeh: on the Occasion of his Ninetieth Birthday. *Soviet turkology*. 1983, no. 3, pp. 95–96. (In Russian)
2. Buldeev A. Tatar Poet Choban-Zadeh. *Molva*, 1942, December 12. (In Russian)
3. Gorkij M. The Orlov couple. Moscow, 2021. 42 p. (In Russian)
4. Zaytsev I. Gaziz Gubaidulin and Bekir Choban-zadeh at the Research Institute of Ethnic and National Cultures of the Peoples of the Soviet East. *Turkological studies*. 2019, no. 3, pp. 34–45. (In Russian)
5. Kerimov I.A. Some chronologically disputable facts in the biography of Bekir Choban-zade. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 2, pp. 155–164. DOI: 10.22378/kio.2019.2.155-164 (In Crimean Tatar)
6. Kerimov I. Bibliographic Index of Printed Books, Articles and Works in the Crimean Tatar Language: 1618–1944. Simferopol, 2009. 324 p. (In Russian)
7. Piece of the Sun. *Anthology of Crimean Tatar poetry. 13th–20th centuries*. Ed. by M. Miroschnichenko, Y. Kandym. Kiev, 2003. 792 p., pp. 275–316. (In Ukrainian)
8. Prayer of Swallows. *Anthology of the Crimean Tatar Prose. 14th–20th centuries*. Ed. by M. Miroschnichenko, Y. Kandym. Kiev, 2005. 600 p., pp. 464–474. (In Ukrainian)
9. Nagaev S. It's the Shepherd's Son, Wow!. Simferopol, 2007. 196 p. (In Crimean Tatar)
10. Nyuri T. Budapest Poems by B. Choban-zadeh. *Collection of reports of the scientific and practical conference dedicated to the 99th anniversary of the founding of the Bakhchisarai Museum*. Simferopol, 2007. 180 p., pp. 99–109. (In Russian)
11. Osmanov Yu. Crimea, my Homeland. Simferopol, 2008. 220 p. (In Russian)
12. Rustemov O. Mornwards: the Ideas of Kurultai in the Work of B. Chobanzade. *Culture of the Peoples of the Black Sea Region*. 2012, no. 228, pp. 177–181. (In Russian)
13. In the Garden of Love: from Crimean Tatar Poetry. Trans. O. Golubeva. Simferopol, 2008. 80 p. (In Russian)
14. Bekir Chobanzade. Bekir Choban-zadeh. Life. Fate. Epoch. Ed. by D. Ursu. Simferopol, 2004. 276 p. (In Russian)
15. Choban-zade B. Clouds. Trans. by S. Druzhinin. Simferopol, 2003. 68 p. (In Russian)
16. Allahmanlı M. Bekir Choban-zadeh: Life, Colleagues, and Creativity. Baku, 2022. 448 p. (In Azerbaijani)
17. Babajev A. Bekir Choban-zadeh. Baku, 1998. 312 p. (In Azerbaijani)

18. Battal T. Experience of Promoting Creativity of Crimean Philologist and Poet Bekir Choban-zadeh. *Türk dili araştırmaları yillığı*. Belleten. 1954, no. 2, pp. 233–263. (In Turkish)
19. Bede Anna. White crane – the Dying of the Crimean Tatars. *Barátság*, 1995, no 7, pp. 997–998. (In Hungarian)
20. Chobanzade B. I will Erect a Palace. Simferopol, 2001. 192 p. (In Crimean Tatar)
21. Chobanzade B. Windstorm. Aqmescit, 1928. 56 p. (In Crimean Tatar)
22. Chobanzade B. My Writings. Akmesdzhit, 2009. 252 p. (In Crimean Tatar)
23. Chobanzade B. Selected Imaginative Writings in five volumes. Comp. M. Adilov, A. Ramazanov, T. Quliyev, S. Hadiyeva. Baku, 2007. 336 p. (In Azerbaijani)
24. Chobanzade B. Selected Imaginative Writings. Ed. by R. Asker. Baku, 2012. 240 p. (In Azerbaijani)
25. Chobanzade B. Modern Crimean Tatar Literature: Essay of Critical Research. Akmesdzhit, 1928. 102 p. (In Crimean Tatar)
26. Kenan A. Bekir Sidki Choban-zadeh from Crimea: Linguistics and Literature Research. Ankara, 2001. 518 p. (In Turkish)
27. Kirimli H. National Identity of Crimean Tatars and their National Movement: 1905–1916. Ankara, 1996. 296 p., pp. 187–190. (In Turkish)
28. Blue Book: A Collection of Works. İstanbul, 1920. 160 pp. (In Crimean Tatar)
29. Kovács E. Crimean Tatar Poems Found in Hungary. *Barátság*, 1995, no. 9, pp. 1138–1140 (In Hungarian)
30. Ogel B. Development Ages of Turkic Culture from Past to Present. İstanbul, 2001. 788 p. (In Turkish)
31. Otari İ. Crimean Turkic Poet and Scholar Bekir Sidki Choban-zadeh. İstanbul, 1999. 288 p. (In Turkish)
32. Qasimov Dj. Bekir Choban-zadeh. Baku, 2018. 328 p. (In Azerbaijani)
33. Seidamet Dj. Past and Present Claims of the Crimean Tatars. Lausanne, 1921. 118 p. (In French)
34. Fiction Works of Young Tatars. In: *Association of young Tatar writers*. İstanbul, 1912. 50 p. (In Crimean Tatar)

About the author: Tair N. Kirimov – Cand. Sci. (Philology), Leading Research Fellow of the Scientific Research Institute of the Crimean philology, history and culture of the Crimean ethnos, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchednyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); tairkirimoff@gmail.com

КУЛЬТУРА

УДК 069(477.75)

DOI: 10.22378/kio.2024.1.170-182

Довоенные негативы в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: предметы и экспозиции Ханского дворца в 1920–1930-х гг.

Севилья Велиева

*Бахчисарайский историко-культурный
и археологический музей-заповедник*

Аннотация. В статье рассматривается коллекция фотонегативов из фондов Бахчисарайского музея-заповедника, являющаяся ценнейшим материалом для широкого круга исследователей. В ней зафиксированы памятники архитектуры (Ханский дворец, мечети, фонтаны, мавзолеи, жилые дома и др.), сотрудники музея, деятели культуры и образования, жители Бахчисарая, селения и деревни Крыма, музейные предметы, не сохранившиеся до наших дней. Особое внимание уделено изображениям экспозиций музея в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: фотонегативы, экспозиция, музей, Бахчисарайский музей, дворец, история, музейные предметы, выставка

Для цитирования: Велиева С.С. Довоенные негативы в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: предметы и экспозиции Ханского дворца в 1920–1930-х гг. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 170–182. DOI: 10.22378/kio.2024.1.170-182

Фондовая коллекция Бахчисарайского музея-заповедника насчитывает свыше 145 000 предметов декоративно-прикладного искусства, быта, археологии, письменных, изобразительных, мемориальных памятников, что

представляет большое значение для исследования истории, этнографии и культуры Крыма. Среди всего многообразия предметов особый интерес вызывает коллекция фотонегативов – фотопластинок на стеклянной основе, содержащих негатив фотосъемки.

На сегодняшний день изображения, зафиксированные на фотонегативах коллекции Бахчисарайского музея-заповедника, являются ценнейшим материалом для широкого круга исследователей: памятники архитектуры (Ханский дворец, мечети, фонтаны, мавзолеи, жилые дома и др.), сотрудники музея, деятели культуры и образования, жители Бахчисарая, селения и деревни Крыма, музейные предметы, не сохранившиеся до наших дней.

В фондах Бахчисарайского музея-заповедника насчитывается 1554 фотонегатива. История формирования коллекции восходит к 20–30 гг. XX в. и затрагивает деятельность первого директора Государственного дворца и музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае – Усеина Абдурефиевича Боданинского (1877–1938). После учреждения музея при дворце, особенно в 1920-е гг., шла активная деятельность по сбору предметов, информации, фотофиксации быта, ремесел, исторических и архитектурных памятников крымских татар, с последующим созданием экспозиции музея на основе собранного материала [17, с. 22]. В археологических и этнографических экспедициях, организованных музеем, всегда участвовал штатный фотограф, который использовал для съемки в соответствии с технологией того времени стеклянные фотопластинки [16, с. 184].

Однако события Великой Отечественной войны, депортация крымских татар в 1944 г. не могли не отразиться на довоенной коллекции Бахчисарайского музея. Большинство музейных предметов были расхищены, а значительная часть сохранившихся потеряли аутентичные крымскотатарские наименования, а некоторые предметы утратили еще и историю поступления [19, с. 61]. Также пострадала и коллекция фотонегативов.

К сожалению, судьба фототеки¹ музея изучена недостаточно. Нам известно, что изначально коллекция насчитывала более 3500 негативов на стеклянных фотопластинках². Во время ВОВ она была вывезена в Германию и возвращена в Бахчисарай только в 1958 г. [8, с. 160]. Однако в каком количестве – нам не известно.

Известно, что при Бахчисарайском дворце-музее была фотолаборатория, которой заведовал художник, фотограф В. К. Яновский (1876–1966). Он был автором большинства снимков. Лаборатория находилась в специально оборудованном помещении, однако, где именно она располагалась,

¹ Систематизированное собрание, хранилище фотографий, негативов.

² Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8.

выяснить не удалось. В лаборатории были задействованы два фотоаппарата – в 13*18 см и 18*24 см с объективом фирмы «Цейс»³. Использовались фотопластинки на стеклянной основе, содержащие негатив фотосъемки⁴.

В период с 1928 по 1929 гг. фотографу В. К. Яновскому помогала новый сотрудник А. Н. Боданинская⁵, которая работала фотолаборантом [18, с. 240]. Во время экспедиции на Чуфут-Кале фотофиксацию производили архитектор Б. Н. Засыпкин и А. Н. Боданинская. В 1929 г. была отснята 331 фотопластинка и сделано 386 отпечатков фотографий [16, с. 184]. В производственном плане за 1934 г. о работе фотолаборатории было отмечено: «Наладить технику фотоувеличения, для чего поручить фотолаборантке А. Н. Боданинской, находящейся в Москве, изучить это дело при музейных фотолабораториях ГИМ, Государственного музея восточных культур и Центрального музея народоведения. Фотоувеличения необходимы для ре-экспозиции...» [5, с. 497].

История фотонегативов Бахчисарайского музея-заповедника отражена в нескольких документах. К одним из них относятся инвентарные книги по фотонегативам за 1974, 1946 и 1924–1928 гг.⁶ В инвентарной книге 1974 г. зафиксированы старые и современные номера негативов из погашенных инвентарных книг 1946 г. К сожалению, в этих книгах нет информации о старых довоенных номерах, однако описание негативов взято из довоенной инвентарной книги. Благодаря тому, что на большей части самих негативов сохранились довоенные номера, которые указаны в инвентарной книге за 1924–1928 гг., мы располагаем подробным описанием негатива: имена людей на снимках, даты съемок, фамилии авторов снимков, наименования объектов, топонимы и этнонимы [16, с. 185]. Они содержат очень значимый материал по атрибуции фотонегативов.

Уникальным документом по истории Крыма и крымских татар в первой половине 1920-х гг. являются Дневники У. А. Боданинского [5, 14]. Помимо информации по истории и развитию Бахчисарайского дворца-музея и организации научной деятельности, здесь в частности отражена история формирования фондовой коллекции и фотофиксации исторических памятников. Так, с 25 июля по 10 сентября 1925 г. в ходе этнографической экспедиции по Крыму У. А. Боданинский отмечал, что было сделано 130 фотоснимков [14, с. 195]. Фотофиксация быта, жилищ, деревень в

³ Немецкая компания, специализирующаяся в области оптики. Основана немецким изобретателем Карлом Цейсом.

⁴ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

⁵ Анна Никитична Боданинская – супруга Усеина Боданинского, в девичестве Фомина.

⁶ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8; Ф. 16. Оп. 1. Д. 17; Ф. 16. Оп. 1. Д. 18.

ходе экспедиции была поручена практиканту-студенту Восточного отделения Крымского университета Аббасу Хильми Кадыэскерову [14, с. 240].

Сегодня материалы фотонегативов из собрания Бахчисарайского музея-заповедника широко используются в трудах современных исследователей. Например, набор «Крымские татары» из 30-ти подарочно-почтовых открыток с изображениями людей в бытовой обстановке, рабочий процесс представителей различных ремесел. Представленные в наборе снимки сделаны в ходе экспедиций (1924–1929) под руководством У.А. Боданинского [7].

С коллекцией фотоматериалов, связанных с историей Бахчисарая 1920–1930-х гг., знакомит фотоальбом «Бахчисарай: 1920–1930-е годы. К 100-летию Бахчисарайского музея» [4].

В альбоме «Мечети Крыма на старых фотографиях: из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника» можно увидеть фотографии, сохранившиеся в фотоархиве музея-заповедника, благодаря которым мы можем представить, как выглядели в 1920–1930 гг. мусульманские культовые памятники Крыма, большинство из которых безвозвратно утрачены [9].

Фотонегативы из фондов Бахчисарайского музея-заповедника были опубликованы в трех томах фундаментального труда «Мирас-Наследие», куда вошел свод материалов, собранный в 1923–1929 гг. в ходе экспедиции под руководством И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова и У. А. Боданинского. В научный оборот были введены негативы, выполненные в ходе археологических исследований в Старом Крыму, Эски-Юрте, Бахчисарае [10].

Судьбе музейных предметов, в том числе негативов, утраченных в годы немецкой оккупации Крыма, уделено особое внимание в труде И.В. Зайцева и Р.Р. Эминова [8].

Отдельного внимания заслуживает труд Р. Р. Эминова «Бахчисарайский дворец-музей. История создания и формирования коллекций (1917–1945)», где подробно описана история создания Бахчисарайского дворца-музея, экспозиционная деятельность и формирование довоенной коллекции, включая негативы и информацию о деятельности фотолаборатории [16]. В статьях данного автора содержится важный материал по довоенным экспозициям музея [17, 19].

Неоднократно фотонегативы печатались в исследовательских трудах сотрудников Бахчисарайского музея-заповедника – это различные каталоги С. Н. Абдурамановой, О. Н. Алпашкиной, Л. З. Чубукчиевой, Э. Н. Мустафаевой в соавторстве с Р. Д. Алиевым, С. С. Велиевой, А. Ю. Полкановой [1, 2, 3, 11, 12, 15].

Несмотря на то, что фотонегативы Бахчисарайского музея-заповедника были предметом изучения и частично введены в научный оборот, многие

аспекты, связанные с изображениями типов крымских татар, старинных домов Крыма, последствий землетрясений 1927 г., наводнения 1931 г., еще требуют должного внимания со стороны исследователей. В том числе и негативы, фиксирующие довоенные экспозиции и музейные предметы Ханского дворца, которые дают определенное представление о работе сотрудников в построении выставок в 1920–1930 гг. На их основе наиболее емко можно рассмотреть экспозиционную деятельность музея в первые десятилетия его существования, во время формирования его фондовых коллекций. В связи с чем мы предприняли попытку изучить фотонегативы, хранящиеся в фондах ГБУ РК БИКАМЗ, и выделить их по группам, а также выявить (при возможности) их оригинальные названия и более подробно рассмотреть фотонегативы, на которых представлена экспозиционная деятельность музея в 1920–1930-х гг.

В ходе исследовательской работы нами был рассмотрен 171 фотонегатив, на которых изображены экспозиционные залы музея, а также музейные предметы. Из данной группы были выделены следующие характеристики изображений: 51 – изображение экспозиции музея в 1920–1930-х гг.; 74 – изображения музейных предметов и фрагменты вышивок; 3 – изображения плана Ханского дворца; 2 – изображения плана экспозиции Бахчисарайского дворца-музея; 41 – изображение старинных рукописей, Коранов, ярлыков крымских ханов. Негативы с изображениями экспозиционных залов музея подразделяются на ряд тем: Крымское ханство, этнография крымских татар, идея коммунизма.

Экспозиция, существовавшая при царской власти до организации музея в 1917 г., не имела четкой концепции и тематико-экспозиционного плана. Она делилась на две части. В главном корпусе Ханского дворца была сохранена бытовая обстановка в восточном стиле. Данный антураж был устроен в залах дворца для приема царственных особ династии Романовых и их приближенных [16, с. 106]. Комнаты Ханского дворца мог видеть правитель Бухары Сейид Абдулахад-хан (1859–1910), который впервые посетил дворец в 1893 г. [13]. Интерьеры этих комнат представлены на негативах: ФН 1236⁷ – «Ханская канцелярия», ФН 1267⁸ – комната Гарема, ФН 1278⁹ – «Посольский зал», ФН 1279¹⁰ – «Ханская столовая», ФН 1280¹¹ – проходная комната, ФН 1284¹² – Летняя беседка.

⁷ Фонды ГБУ РК БИКАМ. КП 4642-Инв. 1236.

⁸ Там же. КП 4673-Инв. 1267.

⁹ Там же. КП 4684-Инв. 1278.

¹⁰ Там же. КП 4685-Инв. 1279.

¹¹ Там же. КП 4686-Инв. 1280.

¹² Там же. КП 4690-Инв. 1284.

Вторая часть экспозиции этнографического характера показывала воссозданные сцены производства изделий кустарно-промышленного и декоративно-прикладного искусства крымских татар. На них видно, что для экспонирования применялись специально изготовленные манекены с лицами [19, с. 56]. На негативах ФН 927¹³, ФН 944¹⁴ изображен торбочник за работой, процесс валяния войлока запечатлен на негативах ФН 939¹⁵, ФН 940¹⁶, работа вышивальщицы – ФН 941¹⁷, работа ткачихи – ФН 942¹⁸, 943¹⁹, работа сапожника – ФН 923²⁰.

Выставка «Комната невесты», зафиксированная на ФН 933²¹, ФН 936²², ФН 937²³, дает наглядное представление об убранстве комнаты, в которой расставлено и развешено приданое невесты.

На негативе ФН 893²⁴ изображена выставка «Комната искусств», на которой показаны музыкальные инструменты XVI–XVIII вв.: барабан давул, саз, волынка тулуп-зурна, зурны, кявал свирель, бубен даре, которые в настоящее время хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника. На стенах и в витринах расставлены и развешены изделия с вышивками и два деревянных инкрустированных столика.

Большой интерес вызывают негативы ФН 908²⁵, ФН 909²⁶ – «Отдел ковров», на которых представлены утраченные после немецкой оккупации гобелены с изображением персидского шаха [8, с. 163]. Различного вида оружия видны на изображениях ФН 912²⁷, ФН 913²⁸, ФН 914²⁹, а на переднем плане негатива ФН 913 – османская пушка. Этот предмет был похищен во время немецкой оккупации Крыма [8, с. 165].

Следующим этапом стал советский период в истории музея. «В условиях советской действительности тематико-экспозиционные планы в по-

¹³ Фонды ГБУ РК БИКАМ. КП 4333-Инв. 927.

¹⁴ Там же. КП 4350-Инв. 944.

¹⁵ Там же. КП 4345-Инв. 939.

¹⁶ Там же. КП 4346-Инв. 940.

¹⁷ Там же. КП 4347-Инв. 941.

¹⁸ Там же. КП 4348-Инв. 942.

¹⁹ Там же. КП 4349-Инв. 943.

²⁰ Там же. КП 4329-Инв. 923.

²¹ Там же. КП 4339-Инв. 933.

²² Там же. КП 4342-Инв. 936.

²³ Там же. КП 4343-Инв. 937.

²⁴ Там же. КП 4299-Инв. 893.

²⁵ Там же. КП 4314-Инв. 908.

²⁶ Там же. КП 4315-Инв. 909.

²⁷ Там же. КП 4318-Инв. 912.

²⁸ Там же. КП 4319-Инв. 913.

²⁹ Там же. КП 4320-Инв. 914.

строении музейной экспозиции были приспособлены к показу успехов советского строительства в Крыму. Основная ее концепция заключалась в показе народных промыслов и декоративно-прикладного искусства крымских татар в сочетании с изменениями, произошедшими в результате внедрения идеологических устремлений в советском искусстве, выражавшихся в большей степени в изображении советской символики» [16, с. 106]. Это мы видим на негативах ФН 929³⁰, ФН 930³¹, ФН 946³², ФН 947³³.

Согласно фотонегативу ФН 1213³⁴ экспозиция музея в 1930-х гг. была поделена на пять отделов:

1. Вводный отдел охватывал темы: «Доклассовое общество в Крыму» (Комната № 1); «Рабовладельческое общество в Крыму» (Комната № 2); «Ранний феодализм в Крыму» (Комната № 3)³⁵.

2. «Крымское ханство» (Комнаты № 4–24. Начиная с Ханской канцелярии 1 и 2 этажи Исторического отдела, Гаремный корпус музея, в 20-ти комнатах представлен показ архитектуры и интерьера дворца, а также оружие, ярлыки, книги).

3. «Крым – колония царской России» (Комнаты № 25–28. Часть Свитского корпуса).

4. «Революционный отдел». (Комнаты № 29–31. Часть Свитского корпуса и Графский флигель).

5. «Отдел социалистического строительства» – помещения соборной мечети (Буюк Хан-Джами) [19, с. 56].

Следует отметить, что при музее была выставка, посвященная караимам и соответственно предметы, связанные с ними. О чем свидетельствуют фотонегативы ФН 885³⁶, ФН 886³⁷, ФН 887³⁸, ФН 888³⁹. Во время Великой Отечественной войны часть предметов была расхищена. На негативе ФН 885 видны несохранившиеся предметы: чичит (шарф) с 2-мя нашивками и 4-мя кисточками; 2 нашивки с 4-мя кисточками; 2 верхних покрывала аналог, 3 сумочки для книг, подсвечники [6, с. 48].

³⁰ Фонды ГБУ РК БИКАМ. КП 4335-Инв. 929.

³¹ Там же. КП 4336-Инв. 930.

³² Там же. КП 4352-Инв. 946.

³³ Там же. КП 4353-Инв. 947.

³⁴ Там же. КП 4619-Инв. 1213.

³⁵ Скорее всего речь идет о комнатах, где сейчас находятся помещения фондохранилищ музея-заповедника.

³⁶ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 4291-Инв. 885.

³⁷ Там же. КП 4292-Инв. 886.

³⁸ Там же. КП 4293-Инв. 887.

³⁹ Там же. КП 4294-Инв. 888.

Помимо экспозиции в целом, ее места в Ханском дворце, принципах построения и прочего, фотонегативы дают нам возможность также рассмотреть музейные предметы, задействованные в выставках. Их можно разделить на четыре блока. Первый блок составляют ткани, в которые входят фрагменты вышивок, плетение, ковры. Второй блок вобрал в себя письменные источники: фрагменты Корана, ярлыки крымских ханов, письма, фрагменты книг на арабском (?), греческом и караимском (?) языках⁴⁰. В третий блок входят предметы из стекла, кожи, дерева, металла, глины, ювелирные изделия. Четвертый блок состоит из предметов оружия.

Благодаря фототеке музея мы имеем представление об утраченных предметах. На негативах ФН 5⁴¹, ФН 6⁴² изображены страницы Корана начала XIV в. С подписью переписчика – Мухаммад б. Абд ар-Рахман ал-хаттат ал-Эрбили и датой 1315 г.⁴³ Это «редкий по датировке и художественному оформлению памятник восточного каллиграфического искусства. Богатая орнаментация и художественное выполнение текста делает этот памятник уникальным образцом искусства рукописи XIV века» [8, с. 167]. Этот Коран не сохранился, так как особо ценные предметы, эвакуированные во время войны, были уничтожены от немецкой бомбардировки в г. Керчи 27 октября 1941 г. [8, с. 154]. Интерес также представляют негативы с изображениями ханских ярлыков ФН 1485⁴⁴, ФН 1486⁴⁵, ФН 1487⁴⁶, ФН 1488⁴⁷, ФН 1489⁴⁸, ФН 1490⁴⁹, ФН 1491⁵⁰, ФН 1492⁵¹, ФН 1493⁵², которые также были утрачены в ходе Великой Отечественной войны [8, с. 24].

На негативах ФН 899⁵³, ФН 900⁵⁴ представлены венецианские стеклянные лампы XVIII века, не дошедшие до наших дней⁵⁵. Они были похищены в 1960-х гг. [3, с. 26–27]. Ханский нагрудник для бритья ФН 961⁵⁶

⁴⁰ Многие книги требуют более точной атрибуции.

⁴¹ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 3411-Инв. 5.

⁴² Там же. КП 3412-Инв. 6.

⁴³ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 37 об. Л. 39 об.

⁴⁴ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 4891-Инв.1485.

⁴⁵ Там же. КП 4892-Инв.1486.

⁴⁶ Там же. КП 4893-Инв. 1487.

⁴⁷ Там же. КП 4894-Инв. 1488.

⁴⁸ Там же. КП 4895-Инв. 1489.

⁴⁹ Там же. КП 4896-Инв. 1490.

⁵⁰ Там же. КП 4897-Инв. 1491.

⁵¹ Там же. КП 4898-Инв. 1492.

⁵² Там же. КП 4899-Инв. 1493.

⁵³ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 4305-Инв. 899.

⁵⁴ Там же. КП 4306-Инв. 900.

⁵⁵ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 82-об. 83.

⁵⁶ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 4367-Инв. 961.

был украден нацистами в годы оккупации Бахчисарая [3, с. 26]. Бесследно исчез деревянный сундук XVIII века (ФН 901⁵⁷), оббитый кожей и железом, украшенный цветными кусочками из сафьяна⁵⁸. Сохранились только изображения вышеперечисленных предметов.

Большой интерес представляют негативы ФН 948⁵⁹, ФН 950⁶⁰, на которых показаны ювелирные изделия. Это разнообразные филигранные серьги с жемчугом, агатом. Серьги на негативе ФН 950, изображенные в левом верхнем углу, идентичны серьгам, которые хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника под номером КП 1037-Инв. М 141 ДСП 28, 29. Остальные же до наших дней в музее не сохранились.

Таким образом, фотонегативы дают нам возможность окунуться в прошлое, увидеть экспозиции музея в начале XX в.: это убранство комнаты невесты в день свадьбы, помещения различных мастерских, предметы быта крымских татар, а также исторический отдел музея – фото убранств комнат Ханского дворца («Ханская спальня», «Ханская столовая», «Посольский зал», «Кофейная комната», комната Гарема). Также коллекция фотонегативов позволила не только выявить несохранившиеся предметы, но и дать более верную атрибуцию предметам, ныне хранящимся в фондах музея-заповедника. Так, нами был выявлен предмет из коллекции Бахшиша Бахшишева⁶¹ – полотенце юз-без XIX в.⁶² КП 445-Т 336 соответствует негативу ФН 1151⁶³. В инвентарных книгах 1920–1930-х гг. нет информации об источнике поступления и датировке предмета. Только по сохранившемуся старому инвентарному номеру на негативе и описанию изображения в инвентарной книге (негативы) за 1928–1934 гг. была осуществлена идентификация предмета.

В заключение отметим, что фотонегативы собрания ГБУ РК БИКАМЗ являются значимым источником по изучению экспозиционной деятельности музея тюрко-татарской культуры, поскольку знакомят с музейными предметами, не сохранившимися до наших дней, с выставочными проектами музея в 1920–1930-х гг. Дальнейшее полноценное исследование всей коллекции фотонегативов собрания ГБУ РК БИКАМЗ станет вкладом не только в изучение истории экспозиций музея, но и истории Ханского дворца в целом.

⁵⁷ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 4307-Инв. 901.

⁵⁸ Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 81-об., 82.

⁵⁹ Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 4354-Инв. 948.

⁶⁰ Там же. КП 4356-Инв. 950.

⁶¹ Бахчисарайский коллекционер-бакалейщик, у которого музеем были приобретены предметы [16, с. 88].

⁶² Фонды ГБУ РК БИКАМЗ. КП 445-Инв. 336.

⁶³ Там же. КП 4557-Инв. 1151.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдураманова С.Н., Акчурина-Муфтиева Н.М. Крымскотатарское женское головное покрывало в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника. Каталог / Под ред. Акчуриной-Муфтиевой Н.М. С.: ООО «Издательство “Доля”», 2015. 96 с.
2. Абдураманова С.Н. Къыбрыз. Закладное ткачество крымских татар в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: каталог. Белгород: Константа, 2017. 148 с.
3. Алпашкина О.Н. Предметы утвари Ханского дворца в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / О.Н. Алпашкина. Симферополь: ООО «Антиква», 2017. 220 с.
4. Бахчисарай: 1920–1930-е годы. К 100-летию Бахчисарайского музея / Авт.-сост. О.Н. Алпашкина. Симферополь: ООО «Антиква», 2017. 198 с.
5. Боданинский У. Собрание сочинений. Т. III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.
6. Крымские караимы. Материалы по истории и культуре в Бахчисарайском заповеднике. Каталог / Полканова А.Ю., Алпашкина О.Н. Симферополь: 2013. 116 с.
7. Крымские татары. Историко-культурное наследие. Книга открыток / Сост. Сачек П., Гайворонский О. Киев: Издательство «Майстерня книги», 2009. 32 ф.
8. Культурные ценности из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, утраченные или перемещенные в результате Великой Отечественной войны / Сост. И.В. Зайцев, Р.Р. Эминов. М.: Кучково поле, 2015. 192 с.
9. Мечети Крыма на старых фотографиях из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. М.: Центр книги Рудомино, Издательский дом «Медина», 2016. 112 с.
10. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. Том 1 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. 580 с.; Том 2 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. 572 с.; Том 3 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: ООО «Астер Плюс», 2017. 720 с.
11. Мустафаева Э.Н., Велиева С.С., Алиев Р.Д. Кофе в традиционной культуре Крыма. Предметы в собрании Бахчисарайского музея-заповедника. Каталог. Белгород: Константа, 2017. 148 с.
12. Полканова А.Ю., Мустафаева Э.Н. Изделия с жемчугом и перламутром в Бахчисарайском музее-заповеднике. Каталог. Белгород: Константа, 2016. 148 с.
13. Сеитмеметова С.А. Как бахчисарайцы высоких гостей встречали. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://handvorec.ru/novosti/kak-bahchisarajtsy-vysokih-gostej-vstrechali/> (Дата обращения: 24.02.2024 г.)

14. Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Том II. Дневники: 1923–1926 гг. Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 264 с.

15. Чубукчиева Л.З. Ювелирное искусство крымских татар в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: Каталог. Симферополь: ООО «Издательство «Доля»», 2015. 64 с.

16. Эминов Р.Р. Бахчисарайский дворец-музей: История создания и формирования коллекций (1917–1945) / Отв. ред. И.В. Зайцев. М.: Фонд «Связь Эпох», 2017. 368 с.

17. Эминов Р.Р. Дворец-музей на ветрах времени // Восточная коллекция. 2014. № 4 (59). С. 18–26.

18. Эминов Р.Р. Деятельность Фоминых-Боданинских в Бахчисарайском дворце-музее // Документирование театрального наследия: Международная научная конференция: к 90-летию Российской государственной библиотеки искусств: доклады, сообщения, публикации. М.: Новое издательство, 2013. С. 235–245.

19. Эминов Р.Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив. 2011. № 2 (24). С. 48–64.

Сведения об авторе: Велиева Севиля Серверовна – старший научный сотрудник, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (298405, ул. Речная, 133, Бахчисарай, Российская Федерация); vsevyla83@gmail.com

Pre-war photographic negatives in the collection of the Bakhchisarai Museum–Reserve: objects and expositions of the Khan’s Palace in the 1920s–1930s

Sevilya Velieva

Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve

Abstract. The article examines the collection of photographic negatives from the funds of the Bakhchisarai Museum-Reserve, which is the most valuable material for a wide range of researchers. It contains architectural monuments (Khan's Palace, mosques, fountains, mausoleums, residential buildings, etc.), museum staff, cultural and educational figures, residents of Bakhchisarai, villages of Crimea, museum objects that have not survived to the present day. Special attention is paid to the images of the museum's exhibitions in the 1920s and 1930s.

Keywords: photographic negatives, exposition, museum, Bakhchisarai Museum, palace, history, museum objects, exhibition

For citation: Veliyeva S.S. Pre-war photographic negatives in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve: objects and expositions of the Khan's Palace in the 1920s–1930s. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 170–182. DOI: 10.22378/kio.2024.1.170-182 (In Russian)

REFERENCES

1. Abduramanova S.N., Crimean Tatar women's headscarf in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve. Katalog. Ed. by Akchurina-Muftieva N.M. Simferopol: OOO "Dolya", 2015. 96 p. (In Russian)
2. Abduramanova S.N. Mortgage weaving of the Crimean Tatars in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve: katalog. Belgorod: Konstanta, 2017. 148 p. (In Russian)
3. Alpashkina O.N. Utensils of the Khan's Palace in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve: katalog. Ed. by O.N. Alpashkina. Simferopol: OOO «Antikva», 2017. 220 p. (In Russian)
4. Bakhchisarai: 1920–1930s. To the 100th anniversary of the Bakhchisarai Museum. Author-compiler O.N. Alpashkina. Simferopol: OOO «Antikva», 2017. 198 p. (In Russian)
5. Bodaninskiy U. Collected works. Volume III. Materials: expedition diaries, drawings, plans, reports, etc. Bakhchisarai Palace Museum (1920–1934). Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 544 p. (In Russian)
6. Crimean Karaites. Materials on history and culture in the Bakhchisarai Nature Reserve. Katalog. Ed. by Polkanova A.Yu., Alpashkina O.N. Simferopol, 2013. 116 p. (In Russian)
7. Crimean Tatars. Historical and cultural heritage. Book of postcards. Ed. by Sachek P., Gayvoronskiy O. Kiev: «Maysternya knigi», 2009. 32 f. (In Russian)
8. Cultural values from the collection of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve, lost or displaced as a result of the Great Patriotic War. Ed. by I.V. Zaytsev, R.R. Eminov. Moscow: Kuchkovo pole, 2015. 192 p. (In Russian)
9. Mosques of the Crimea in old photographs from the funds of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, Izdatel'skiy dom «Medina», 2016. 112 p. (In Russian)
10. MIRAS – NASLEDIE. Vol 1. Tatarstan – Crimea. The City of Bulgarians and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929: In three volumes. Vol. 1. Ed. by C.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan: OOO «Aster Plyus», 2016. 580 p.; Vol. 2. Ed. by C.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan: OOO «Aster Plyus», 2016. 572 p.; Vol. 3. Ed. by C.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan: OOO «Aster Plyus», 2017. 720 p. (In Russian)
11. Mustafaeva E.N., Velieva S.S., Aliev R.D. Coffee in the traditional culture of Crimea. Items in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve. Katalog. Belgorod: Konstanta, 2017. 148 p. (In Russian)

12. Polkanova A.Yu., Mustafaeva E.N. Products with pearls and mother of pearl in the Bakhchisarai Museum-Reserve. Katalog. Belgorod: Konstanta, 2016. 148 p. (In Russian)
13. Seitmemetova S.A. «How Bakhchisarai residents greeted distinguished guests». Electronic resource. Access mode: <http://handvorec.ru/novosti/kak-bahchisarajtsy-vysokih-gostej-vstrechali/> (date: 24.02.2024.) (In Russian)
14. Usein Bodaninskiy. Collected works. Volume II. Diaries: 1923–1926. Kazan – Simferopol: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences 2018. 264 p. (In Russian)
15. Chubukchieva L.Z. Jewelry art of the Crimean Tatars in the collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve: Katalog. Simferopol: OOO «Izdatel'stvo «Dolya»», 2015. 64 p. (In Russian)
16. Eminov R.R. Bakhchisarai Palace Museum: The history of the creation and formation of collections (1917–1945). Ed. by I.V. Zaytsev. Moscow: Fond «Svyaz' Epokh», 2017. 368 p. (In Russian)
17. Eminov R.R. The Palace Museum on the winds of Time. *Eastern collection*. 2014, no. 4 (59), pp.18–26 (In Russian).
18. Eminov R. R. The activities of the Fomins-Bodaninskis in the Bakhchisarai Palace Museum. *Documenting theatrical heritage: International scientific conference: for the 90th anniversary of the Russian State Library of Arts: reports, messages, publications*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2013, pp. 235–245. (In Russian)
19. Eminov R. R. The First National Museum of the Crimean Tatars. *Eastern Archive*. 2011, no. 2 (24), pp. 48–64. (In Russian)

About the author: Sevilya S. Velieva – Senior Research Fellow, Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve (133, Rechnaya Str., Bakhchisarai 298405, Russian Federation); vsevila83@gmail.com

УДК 94, 81, 78

DOI: 10.22378/kio.2024.1.183-206

Взаимовлияние крымскотатарской и крымско-армянской культур в контексте музыкальных, лексических и антропонимических параллелей

Исмет Заатов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский инженерно-педагогический

университет им. Ф. Якубова

Аннотация. Процесс формирования крымскотатарской музыкальной культуры можно разделить в целом на периоды поствизантийско-кыпчакско-золотоордынского, татаро-сельджуко-исламского, османско-ногайского этно-музыкального влияния на развитие данного процесса, а также на завершивший ее генезис периода слияния музыкальной культуры степных и горно-югобережных крымских татар (татов).

На процесс формирования крымскотатарского музыкального искусства в определенной мере оказала влияние и музыкальная культура проживавших вместе с крымскими татарами в Крыму на протяжении полутысячи лет крымских армян, выселенных в 1778 г. на Нижний Дон. Автором предпринята попытка выявить и зафиксировать на основе лексического анализа языка и антропонимического анализа исторической антропонимики крымских армян и крымских татар, а также уровня взаимовлияния и взаимопроникновения музыкальных культур обоих этносов степень участия музыкально-песенного фольклора крымских армян в развитии крымскотатарской музыкальной культуры.

Ключевые слова: Крым, крымскотатарский, крымско-армянский, язык, музыка, искусство, антропонимия

Для цитирования: Заатов И.А. Взаимовлияние крымскотатарской и крымско-армянской культур в контексте музыкальных, лексических и антропонимических параллелей // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 183–206. DOI: 10.22378/kio.2024.1.183-206

С моментом начала процесса складывания этнического ядра крымскотатарского народа и формирования его культуры совпало появление на территории Крымского улуса Золотой Орды армяно-татароязычной армянской диаспоры («спюрк» *З ш ј љ ш љ ш љ и џ ј п љ п р , и џ џ љ п р*). Ее ос-

нову составила армяно-джагатайскоязычная (кыпчакоязычная) община основанного в 1254 г. на реке Идиль (Волга) сыном старшего сына Чингиз-хана Джучи-хана – Бату-ханом (1209–1255) города Сарай-Бату, называемого в армянских источниках Аксарай. Их предки жили в городе Ани, являвшемся с 961 по 1045 гг. столицей одноименного царства на территории современной Турции и Армении. После овладения этих земель турками-сельджуками в середине XIII в. часть анийских армян переселилась в Аксарай. Здесь родилось и выросло несколько поколений армянских переселенцев, усвоивших татарские традиции и язык межнационального общения Золотой Орды – кыпчакский (джагатайский) язык. В начале 1330-х гг. из Аксарая они переселились на территорию Крымского улуса Золотой Орды [14, с. 16, 17]. Утверждения отдельных армянских авторов, о том, что ремесленно-торговая армянская община Аксарая «с оружием в руках» прокладывала себе путь с берегов Волги в Крым, на наш взгляд являются гипотезой комплементарно-легендарного происхождения. Предполагаемое время выхода армян из Аксарая в Крым пришлось на кульминационное возвышение военного могущества, политико-экономической стабильности и процветания Золотой Орды, наступившего в правление с 1312/1313 по 1342 гг. хана Мухаммеда Узбека (1282–1342). В это время хан, объявивший ислам государственной религией, и его крымские наместники, активно строили на территории Крымского улуса монументальные мусульманские сооружения – мечеть хана Узбека и медресе Инджибей-хатун в Солхат-Крыме (Старый Крым), мечеть в Колече близ Старого Крыма, мечеть в Шейх-кое, мечеть, монетный двор и дворец у Эски-Сарая в верхнем течении Салгира. Активное оседание в равнинном и предгорном Крыму татарских военно-феодалных кланов вызвало строительство сотен новых поселений на охваченном строительным бумом полуострове. Для такого масштабного строительства нужны были мастера распространенных среди армян специальностей по художественной обработке камня, дерева, металла, армянские каменщики, плотники, кровельщики, керамисты. Для препятствования выходу из Сарая обоза армянских ремесленников и торговцев с престарелыми родителями, женами и детьми, якобы оружием пробивавших себе путь в Крым, достаточно было сотни первоклассных татарских лучников. Скорее всего, переселение армян из Сарая в Крым осуществлялось по «золотоордынской государственной строительной программе» правителей Золотой Орды, обеспечивавших их охрану в пути. На согласованный татарской администрацией характер переселения армян указывает и беспрепятственное получение ими от правителей Крымского улуса земель для строительства своих поселений, церквей и монастырей. Появление всех значительных армянских сооружений в Крыму приходится на этот период. Существует версия поселения армян из Сарая в Крыму в 1312 г., сразу после смерти хана Золотой Орды Тохты [17, с. 49].

Известия о благополучном проживании армян среди татар Крымского улуса достигли Киликийской Армении. После захвата египетскими мамлюками в 1375 г. ее столицы Сиса и падения государства в Крым переселились киликийские армяне, предки которых также являлись выходцами из Ани.

Основными местами проживания армянских колонистов в Крыму стали города Кефе (Феодосия), Солхат-Крым (Старый Крым), Карасубазар (Белогорск), Орбазар (Армянск), Кезлев (Евпатория), Бахчисарай, село Топлу. Миграция армянского населения из турецких городов Эрзурум, Сивас, Байбурт, Токат в крымскотатарские города Карасубазар, Кезлев, Бахчисарай и с. Топлу происходила вплоть до завоевания Крымского ханства Российской империей. В XIV в. в административно-политическом, экономическом и культурном центре татар Крымского улуса Солхат-Крыме возник мощный просветительский центр армянской культуры и музыкального искусства. До начала массового переселения армян в Крымский улус в Каффе (Кефе) в 1318 г. была учреждена армянская архиепископия. Школа под руководством архимандрита Саргиса в Каффе XV в. являлась крупным центром армянской культуры в Крыму. Активная проповедническая деятельность доминиканцев и других орденов привела к тому, что среди армянской общины важную роль стали играть армяно-католики. Оплотом армян-августинцев был монастырь Святого Николая Мирликийского. В 1440 г. армяне присоединились к заключенной во Флоренции унии с папским Римом [9, с. 354].

В первой пол. XIV в. в Солхат-Крым из турецкого Байбурта (арм. Баберд) переселился со своими сыновьями известный миниатюрист Натер. Крымские произведения Натера датируются с 1342 г. [17, с. 50]. Сын Натера Ованес был талантливым музыкантом [11, с. 28]. В армянских духовных школах Крыма, помимо грамматики и богословия, преподавалось и духовное пение. Известным центром обучения пению была школа монастыря Святой Богородицы квартала Кимчак (Кипчак) Солхат-Крыма. До 1346 г. настоятелем и учительским главой этого просветительского очага являлся признанный мастер духовных песнопений-шараканов Аветик Хотачарак. Крупным центром обучения шараканам был также монастырь Гзлташ (Кызылташ) в округе Судака [17, с. 51]. В армянских духовных школах Крымского улуса широко использовалось переложение музыкальных текстов на ноты. В 1341 г. в Солхат-Крыме была переписана книга хазов Хазтетр (Гимнарий) – сборник армянских церковных песнопений, записанных знаками безлинейной нотописи – хазами [17, с. 75]. Знаками безлинейной нотописи пользовались и крымскотатарские сочинители музыки [12, с. 81; 21, с. 210]. В 1346 г. Натер завершил написание книги Шаракноц (Гимнарий) содержавшей духовные песнопения богочитания (шараканы) [17, с. 87]. Там же, в «стране Крым», в городе Солхате в 1352 г. писец Григор Сукиа-

санц написал книгу Манрусмунк, представляющую собой сложный песенно-обрядовый сборник поучений. Из-за обилия в Манрусмунке знаков средневековой безлинейной нотописы хазов, его часто называют Хазтетр (Книга хазов). Возникшие в Киликийской Армении песенные сборники «Манрусмунк» и «Хазтетр» стали исключительным явлением в истории армянской и крымской средневековой музыкальной культуры [17, с. 116].

Сын Натера Аветис в 1359 г. переписал в Солхат-Крыме книгу скорбных песнопений армянского поэта и музыканта Григора Нарекаци (951–1003) с упоминанием таблицы силлабов (др.-греч. συλλαβή – слог текста) силлабического пения, в котором на слог текста приходится один звук мелодии и мелодии небольших в 2–3 звука на слог распевов [17, с. 145]. Силлабическое пение характерно для культовой музыки всех авраамических религий [2, с. 111–112] – иудаизма, христианства и мусульманства, исповедуемого крымскими татарами. Силлабический и мелизматический (др.-греч. μέλισμα – напев) способы распева текста (при котором на один его слог приходится четыре и больше звуков мелодии [13, с. 671]) византийского церковного пения, проникнув в церковную певческую среду народов круга европейской ортодоксии, сыграли основную роль в процессе формирования и профессионализации музыкального искусства армян и христианских предков горных и южнобережных крымских татар – крымской горной народности татов. Византийская мелодика, мелизматика, ладовость и музыкальный строй обрядовых греко-православных и армянских церковных песнопений, переведенных с церковного румейского и армянского на язык тюркоязычных греко-православных автохтонов полуострова греко-татар – урумов, проникая из их песнопений в крымскотатарскую музыкальную народную среду, облекались в форму протяжных драматических песнопений «тюрку» и становились полнопротаной частью крымскотатарского музыкального фольклора и вокального искусства. В исполняемых обращенными в ислам (невмуслим, мюхтеди) урумами и румеями бывших церковных песнопениях имена христианских персонажей заменялись тюркскими и тюрко-мусульманскими именами, а библейские места – на локализацию события в крымских местах.

Обучение армянскими музыкантами вокальному и инструментальному исполнительскому искусству велось не только в первой столице крымских татар Солхат-Крыме, но и в духовных школах армянских монастырей, расположенных по соседству с татарскими и смешанными татаро-армянскими поселениями Кызылташ (Отуз), Кимчак, Ташкопрю (Солхат-Крым). Среди переписанных крымскими армянскими писцами и использовавшихся в те годы в Крыму песенно-музыкальных сборников можно выделить «Толкование псалмов» Нерсэса Ламбронати (1379), «Гимнарий и песенник» (Кефе, 1381), «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци (Солхат, 1390), «Гимнарий» (Кефе, 1428), «Манрусмунк» Аракелци (Кефе, 1428),

«Гимнарий» (Кефе, 1429), «Манрусмунк» (Кефе, 1435), «Разрешение псалмов» (Кефе, 1449).

Гимнарий «Гандзаран», переписанный писцом Оанэсом в 1466 г. в Каффе, являлся музыкальной книгой песнопений, мелодий и проповедей. Этот тип средневековых песенников содержал циклы торжественного характера. Первой единицей песенного цикла является «гандз», который имеет повествовательный характер и представляет основную тему. За ними следуют «тау» («песня»), выражающая волнующее отношение к теме повествования. Более богатые песенные циклы содержат четыре единицы, к первым двум которых добавляются «мелодия» и «поучение». В первом усугубляется сопереживание к теме повествования, а второй завершает цикл [17, с. 260]. В «Лестнице божественного восхождения Аббата Иоанн», переписанного Маркосом в замке Ташкобру (Ташкопрю) Солхат-Крыма в 1401 г., писец Маркос в завершающей части повествования называет себя гусаном, т.е. аккомпанирующим себе на музыкальном инструменте народным поэтом-певцом [17, с. 197]. Этимология армянского термина «гусан» идентична с этимологией турецкого слова «озан/узан», которым называют в Анатолии турецких народных поэтов-музыкантов, аккомпанирующих себе на сазе. Севан Нишаньян в своем толковом словаре турецкого языка «Sözlerin Soyağacı» («Дерево родства слов») относит начало его использования турками к раннему письменному турецкому языку (XIV в.), а его происхождение возводит к персидскому языку, включающему диалекты «пехлеви» и «парф» (VII в.). Примерно так же обстоит дело и с этимологией армянского термина «шаракон» и турецкого «şarkı» («шаркы»). Нишаньян предполагает, что в анатолийских турецких говорах «шаркы», вероятно, является производным от «şehirli» («городской»), для сравнения «türkî» – "köylü havası", – в средние века при дворце османских султанов тюрками «türk» («тюрк») называли сельское, негородское население Турции. Отсюда «türkî» («тюркю») и «köylü havası» («музыка сельчан, простонародья»). У Эвлии Челеби говорится, что в средневековом туркменском языке кочевников Анатолии «şarıkdı» («шарыкды») означало «şehirli oldu» («стал городским»). Нишаньян связывает тюркский термин «шаркы» с армянским словом «şark – շարք», означающим «мелодия» и знакомым нам «şagagan» («шаракон – շարակաճ»), означающим один из видов мелодий духовных песнопений. Термины «озан» и «шаркы» использовались та же в позднесредневековой музыкально-литературной среде крымскотатарского городского населения и ханского двора.

Одинаково с означающим «арка, арочный свод» армянским словом «хоран», упомянутым Аветисом сыном Натера в «Книге скорбных песнопений Григора Нарекаци» (Крым, 1359), звучит название крымскотатарского кругового хороводного танца «хоран». По всей видимости, изначально групповой танец горно-южнобережных крымских татар (татов)

«хоран» привнесен в крымскотатарский музыкально-танцевальный фольклор ассимилированными ими румеями и лазами, переселенными османами из Трабзонского эялета в Южный Крым в XV–XVII вв. [23, с. 570]. Армянская церковь «Хораны» существовала в Солхат-Крыме. Армянская церковь «Ерек Хоран» ныне действует в квартале Бейоглу центра Стамбула.

Исследование музыкальной составной культуры поселившихся среди татар Крыма и говоривших с ними на одном языке сарайских и киликийских армян является попыткой определить степень влияния их культуры на культурогенез складывавшегося в Крымском улусе Золотой Орды нового крымского этноса «кърымтатарлары» («крымские татары») и участия армянских музыкальных традиций в процессе формировавшейся на основе тюркской кочевой музыкальной культуры крымскотатарской музыки.

Для осевших в XIII в. по соседству с принявшими византийское греко-православие кыпчаками в равнинном и потомками древнейшего населения полуострова татами в предгорном Крыму представителей господствующих татаро-монгольских военизированных кланов Золотой Орды знавшие их язык и культуру по опыту проживания в татарском Сарае армяне считались ближе остальных. Крымские татары доверяли им активно вести в своем государстве торговые и строительные дела, поощряли открытие армянами гончарных и других производств в своих селениях и городах. Думается, что именно через армянских музыкантов татары Крыма в XIV–XV вв. обогатили и разнообразили свой кочевой музыкальный инструментарий широким спектром восточных музыкальных инструментов, а свою музыкальную культуру – отличающимися лирическим мелодизмом произведениями армянских музыкальных исполнителей. За исключением присущих степной музыкальной культуре кыпчаков, татар и ногаев Крыма комуза (варгана), домбры, къобуза и къылкъобуза все остальные инструменты музыкального инструментария средневековых профессиональных крымскотатарских музыкантов были идентичны составу средневекового армянского музыкального инструментария. Оркестр крымских татар и армян составляли в основном музыкальные инструменты персидско-арабского профессионального музыкально-инструментального круга, проникавшие в крымскотатарскую музыкальную среду с прибывавшими на полуостров с тюркоязычными этносами Хорезма и Бухары турками сельджуками Малой Азии, с сарайскими и киликийскими армянами.

До выселения в 1778 г. крымские армяне постоянно проживали среди крымскотатарского национального большинства Крымского ханства. Армянские промышленники, торговцы, ремесленники и музыканты жили в крымскотатарских городах Бахчисарай, Карасубазар, Гезлев, Акмечеть, Солхат-Крым и в селах Топлу, Мелик, Камышлы, Сала, Чурук-Су, Султан-Сала, Орталан, Сарыабуз, Тапчак [1, с. 3.]. Армянские деревни в Крыму

разделялись на «махала» (крым.-тат. «махале» – квартал). В махале крымских армян существовали дома аветисов (арм. «аветис» – благая весть) под присмотром «микит агасинер» (крым.-тат. «агасы» – старший брат), в которых сказители легенд и басен «масалы» (крым.-тат. «масал» – сказка) и «шархчинер» (тур. и крым.-тат. «шаркыджылар» – певцы) обучали неженатых парней пению аветисов и песен [1, с. 8.]. Крупным центром средоточия армянских музыкантов Крыма был г. Карасубазар. В судебной хронике 1652 г. г. Карасубазара упоминается «кеманджи» (крым.-тат. скрипач) Асвадор [23, с. 92].

В главе «Песни, оставшиеся с татарского периода (1475–1778 гг.)» своей книги «Устное народное творчество армян Нор Нахичевана» Хачерес Поркшеян пишет: «Экономическое благополучие народа [в Крыму. – И.З.] способствовало и развитию культуры. В татарский период армяне имели развитую литературу, многочисленных поэтов и ученых» и что жившие в Крыму армяне «...в своем образе жизни многое восприняли от татар. Некоторые обычаи, одежда, свадебные и другие традиции носят на себе отпечаток влияния крымских татар. Язык армян Крыма во времена Крымского ханства в большинстве своем содержал крымскотатарские слова» [15, с. 30, 31]. Результаты исследований ученых Академии наук Армянской ССР подтвердили, что язык армян Нор-Нахичевана в 1970-е гг. более чем на 30% состоял из крымскотатарских слов [1, с. 9, 10.]. Современные исследователи о степени влияния образа жизни и языка крымскотатарского народа на менталитет и язык крымских армян пишут: «После разрушения великолепного армянского города Ани, большая часть горожан и жителей окрестных сел снялась с места и отправилась на поиски лучшей жизни. После долгих скитаний они достигли Крыма, где нашли себе надежное пристанище. К чему в конечном итоге это привело? Прежде всего к тому, что, обосновавшись на Крымском полуострове, часть армянского народа постепенно с течением времени стала превращаться в особый этнос, а культурные и иные связи с исторической родиной оказались фактически прерванными. Постепенно стал вырабатываться особый менталитет, а тесное и длительное проживание бок о бок с татарами привело к проникновению в язык крымских армян татарских и турецких слов» [10, с. 151].

То же самое можно говорить и о взаимовлиянии культур и музыкальных традиций крымскотатарского народа и крымских армян. Переселенные на Нижний Дон крымские армяне остаются однородной этнической локальной группой, сохраняющей устойчивые исторические и этнические традиции сложившейся за почти 500 лет проживания в крымскотатарском окружении особой крымско-армянской культуры. Крымские армяне Дона говорят на отличающемся от армянского литературного языка особом «нахичеванском диалекте», вероятно, по имени области Нахшуван, в которой в основном проживали армяне в Крыму, оторванность от родины, а также

влияние соседних народов – татар [19, с. 344]. В кон. XIX – нач. XX вв. в среде крымских армян Дона сохранялись идентичные с обычаями городских крымских татар музыкальные традиции проведения семейных вечеринок мужских именин, наречения, сватовства, брачного сговора, свадьбы, выздоровления после болезни, возвращения после долгого отсутствия, проводов, приезда издалека гостей [10, с. 151]. Выделяется сохранение у них в 1990-е гг. крымскотатарского свадебного обычая, сопровождения специальной мелодией *траш авасы* (крым.-тат. «мелодия бритья») обряда бритья жениха и его одевания *песи траш* у крымских армян [18, с. 332] и *киев траши* у крымских татар. До середины 1970-х гг. у них сохранялся крымскотатарский свадебный обряд *хина геджеси* (крым.-тат. «ночь хны») [18, с. 333]. У крымских армян он проводился за три дня до венчания и был связан с торжественной покраской волос невесты присланной из дома жениха хной. Обряд сопровождался музыкой и танцами приглашенных по этому поводу с обеих сторон девушек, которые мазали хной свои и невесты ладони, чтобы им тоже выпало счастье – *дарос* выйти замуж [18, с. 333] (крым.-тат. *дарысы*). За танцами девушек из коридора или в окна наблюдали юноши (этот обычай у крымских татар назывался *пенджере* – «окно». – И.З.) и посылали музыкантам деньги *шабаш*, чтобы понравившаяся им девушка могла еще раз станцевать. У горных крымских татар сел Черкез-Керман, Шули, Къаралез термином *шабаш* обозначался обычай дарения гостями-мужчинами денег хозяину свадьбы под звуки исполняемой музыкантами любимой мелодии дарителя и выпивания им чарки под застольную мелодию *долу* (крым.-тат. «полная» чарка). В 1990-е гг. молодые армяне могли уже открыто приходить в дом невесты, наблюдать за танцующими и давать музыкантам деньги [18, с. 333]. Одаривание деньгами *шабаш*, вручение денежного или иного подарка *бахиши*, встреча гостей, проводы невесты в дом жениха, проводы жениха и невесты в спальню и вывод их из опочивальни на следующее утро, обряд целования руки родителям жениха невестой у крымских армян, как и у крымских татар, производились под исполнение музыкантами специальной для каждой традиции мелодии [18, с. 333]. Музыканты крымских армян Дона до сих пор исполняют на своих свадьбах и празднествах крымскотатарскую мелодию *хайтарма* и привезенные их предками из Крыма песни. Крымские армяне, как и крымские татары, в день святого Георгия (23 апреля по старому стилю) празднуют Хыдреллез [20, с. 362], когда по канонам Армянской Апостольской церкви праздник Сурб Геворг отмечается 9 октября.

Процесс взаимопроникновения крымскотатарской и армянской музыкальных культур протекал в течение всего пятивекового периода их совместного проживания в Крыму. Во многих танцевальных мелодиях и песнях горных, городских и степных крымских татар можно уловить нотки, при-

сущие армянской музыкальной мелодике. В основном это касается мелодий песен степных крымских татар, исполняемых в размере характерного для Южного Кавказа ритмического рисунка на 6/8, 6/4 и 3/4, а также некоторых исполняемых в ритме атлибитум протяжных песен и мелодий южнобережных и горных крымских татар. В свою очередь в репертуаре крымских армян имеют высокую художественную значимость возникшие в Крыму песни «О расческе», «Абрчан», «Айкануш», «Ах, невеста», «Наложили хну», «Божья коровка», «Песня о Кефе», «Соловей и роза», «В балке Судака», «Под айвовым деревом», «Рябой бычок», «Песня о терне» (под мелодию которой танцевали только девочки). Слова из песен «Карасу», «Арабат», «Бек мой дядя» указывают на их крымское происхождение, а песню «О расческе» исполняли и крымские татары. Под названием «Браслет» в репертуар крымских армян вошел музыкальный фрагмент любимого крымскими татарами дестана «Арзы ве Гъамбер» и крымскотатарские песни и мелодии «Кер-огълы», «Хан-азбар», «Песнь Ашик-Кериба», «Арзу-Хамбер» [1, с. 19–29, 31–33].

На протяжении своей деятельности с 1969 по 1990 гг. в качестве музыканта крымскотатарского свадебного ансамбля в Средней Азии, Кавказе и Крыму, в том числе и на армянских свадьбах, автор статьи фиксировал все интересные для музыкальной этнографии и этномузыкологии факты. Важная для данной статьи информация была получена во время участия с 1989 г. в музыкальных акциях, фестивалях, концертах, конференциях в странах, чья музыкальная культура исторически связана с музыкальной культурой крымских татар и крымских армян. Полагаясь на свой исследовательский опыт, предполагаю, что ряд считающихся ныне крымскотатарскими народных песен и мелодий могли быть заимствованы в разные периоды процесса формирования и развития крымскотатарской народной музыки из музыкального репертуара преподававших в духовных армянских школах и приглашаемых на увеселения крымскотатарской знати и состоятельных крымских татар армянских музыкантов в период существования табу для крымских татар на профессиональное музыкальное исполнительство. По этой причине в Крымском ханстве крымскотатарскими профессиональными музыкантами являлись в основном крымскотатарские цыгане чингенелер, урумы и армяне. Предположительно первоначально армянскими могли являться крымскотатарские песни «Азбарымда къуйюсы варды вай, вай, вай», «Кичкине чардакътан бакъар», «Башынны си-пап остюрген гъариб ананъ алай», «Ануш балам, Ануш», танцевальные мелодии «Кефе хораны» и «Явлыкъ авасы».

Крымские армяне, как и крымские татары, своих соплеменников, совершивших паломничество к святым местам, называли «хаджи» и одновременно с ними справляли, жертвуя баранов, телят и даже волов, длившийся три дня праздник окончания весенних полевых работ «Хыдырлез»,

[1, с. 10], который сопровождали крымскотатарские и армянские музыканты. Основной этап проникновения в музыкальную культуру крымских татар элементов музыки и музыкального инструментария сарайских и киликийских армян включает золотоордынский и первые полвека существования Крымского ханства период культурогенеза крымскотатарского народа, т.е. до начала на него османского культурного влияния.

В 1778–1779 гг. из Крыма на Дон выселили около двенадцати тысяч армян, которые, как и греко-татары – урумы, таты, крымские татары, караимы и крымчаки, являлись носителями сформировавшейся в пределах Крымского ханства традиционной крымской музыкальной культуры. Они основали на Дону город Нахичевань, селения Чалтырь, Крым, Большие Салы, Малые Салы и Несвитай. Музыкальный оркестр крымских армян Дона так же, как и у крымских татар, состоял из средневековых крымских музыкальных инструментов «шархи», «зурна», «бороза[н]», «давул», «хавал», «дудук», «кеманче», «дайре» [1, с. 18, 31]. Небольшая часть крымских армян после присоединения к Российской империи Крымского ханства эмигрировала в Турцию. Сегодня их потомки, носящие фамилию Крымян, являются ведущими музыкантами Стамбула. В созданном в 1934 г. первом профессиональном государственном ансамбле песни, музыки и пляски южнобережных крымских татар Ялтинской филармонии музыкантами оркестра ансамбля, игравшими на традиционных крымскотатарских средневековых музыкальных инструментах «саз» и «кеманче», а также артистами-вокалистами (9% творческого состава) созданного в 1937 г. Крымского государственного татарского театра оперы и балета являлись армяне [7, с. 252].

Своеобразной иллюстрацией крымско-армяно-крымскотатарской музыкально-культурной и языковой интеграции являются нижеприведённые образцы лексики крымских армян Дона:

1. *Инчһ азылмиш гылас, чһалэ да итһэ* (Нхч) – хватит ломаться, давай, играй [музыканту] [4, с. 37]; *азылмыш, чал да иште* (Крт) – хватит себя уговаривать, давай играй уже.

2. *Ал-гэлин* – старинная свадебная мелодия, которую исполняли во время проводов невесты из родительского дома; турец. и крым.-тат. *almak* (алмак) – брать, *al* (ал) – бери, *gelin* (гэлин) – невеста (букв. «бери невесту») [4, с. 41].

3. *Аһэнг* – гармония, созвучие, лад; перс. *ahang* – гармония [4, с. 49]; *аэнк* (Крт) – созвучие, отзвук, лад.

4. *Ашых* (Нхч) – влюбленный; араб. *aşg*, от котор. перс. *eşg* – влюбленный [4, с. 89]; *ашык* (Крт) – странствующий музыкант, влюбленный.

5. *Бар* – свадебная песня (в старину) [4, с. 174].

6. *Бэйитһ* – строфа стихотворения или песни; араб. – перс *beyit*, от котор. турец. *beyit* (бейит), крым.-тат. *бейит* – двустиише, стих [4, с. 197], куплет песни.

7. *Бый-бый* – пищик, тонкая стальная пластинка, являющаяся источником звуков в языковых музыкальных инструментах [4, с. 213.]; в крым-татарском – аналогично.

8. *Бор-бор* – контрабас; в крымтатарском – аналогично.

9. *Боррозан*, *борроза* – духовой музыкальный инструмент, имеющий более продолговатую форму, чем зурна; перс. *borozan*, от котор. турец. *borazan* (боразан) – труба, горн, крым.-тат. *боразан* – большая длинная медная труба и большая, увеличенная зурна.

10. *Боррозаджи* – музыкант, играющий на боррозе; тур. *borozancı* (боразанджы), крым.-тат. *боразанджы* – трубач, горнист [4, 2019, с. 245].

11. *Галандос*, в Крыму *каландос* – новогодние поздравительные песни, которые в старину пели юноши, шествуя от дома к дому; от греч. *kalanda* (каланда) – Новый год, начало года [4, с. 266]; *календа* – у южнобережных и горных крымских татар в том же значение.

12. *Гыйдым-гыйдым* – звукоподр. сл. употр. в выражениях *гыйдым-гыйдым кһэмэчһэ чһалэл* пиликать на скрипке [4, с. 331]; крым.-тат. *гъыйд-гъыйд кеманче чала* пиликает на скрипке.

13. *Гумбурр-гумбурр* – громко, громоподобно; турец. *gümbür-gümbür* (гюмбюр-гюмбюр) – подражание сильному грохоту, шуму [4, с. 362]; крым.-тат. *гумбур-гумбур* – громко играть на большом барабане *давуле*.

14. *Гочһ-һава*, *гэчһ-һава*, – старинная свадебная маршевая мелодия, исполняли, встречая и провожая почетных гостей; тур. *goç* – переезд + перс. *hava* – мелодия [4, с. 380]; крым.-тат. *кочь авасы* или *йол авасы* – в том же значении, в крымскотатарской армии с XV по XVIII вв. выражение «*кочь авасы*» означало название сигнальной мелодии духовых инструментов и барабанов к выступлению армии в поход.

15. *Дайрэ* или *дыһарэ*, *дайрэ* – бубен; араб. *daira*, турец. *daire* (дайрэ) – бубен [4, с. 394]; крым.-тат. *даре* – бубен с парными медными тарелочками, крепящимися в двух местах по окружности с мембраной из выделанной козьей кожи.

16. *Дарэджи* или *дыареджи*, *дайрэджи* – барабанщик, играющий на бубне; турец. *daireci* (дайреджи) – барабанщик [4, с. 394]; крым.-тат. *дареджи* – бубнист.

17. *Давэтһ* – приглашение; *давэтһ анэл* приглашать (на свадьбу, застолье, собрание); араб. *davet*, от котор. турец. *davet*, крым.-тат. *давет* – приглашение.

18. *Давул-зурна* – этнический ансамбль из трех музыкантов, играющих на большом барабане (давул), маленьком духовом музыкальном инстру-

менте (зуррна) и большом духовом музыкальном инструменте (борроза); крым.-тат. *давул-зурна* или *чал* – в том же значении.

19. *Давул* – большой барабан; перс. *dohol*, турец. *davul* – барабан; крымтатар. *давул* (*зиль давул* и *чубук давул*) – в том же значении.

20. *Давулджи* – барабанщик; турец. *davulcu* (давулджу) – барабанщик [4, с. 408]; крым.-тат. *давулджи* – в том же значении.

21. *Дудуг* – дудук; турец. *düdük* (дюдюк), крым.-тат. *дюдюк* – дудук.

22. *Думбали* (детск.) – звук, издаваемый барабаном; турец. *dümbelek* – маленький барабан [4, с. 435]; крым.-тат. *домбал* – диалектное «большой барабан», *думбелек* – маленький литавровый спаренный барабан.

23. *Долу* – полный, наполненный; турец. *dolu*, крым.-тат. *долу* – полный [4, с. 439]; крым.-тат. *долу* – название застольных мелодий, сопровождающих поднятие тостующими чарки с напитком.

24. *Занг* – колокол, звонок, бубенчик [4, с. 442]; крымтатар. *чангъ* – в том же значении.

25. *Зил гыдррэл* – наряжаться; турец. *zil*, крымтатар. *зил* – музыкальные тарелки [4, с. 450], в крымтатар. *зиль* это термин, обозначающий степень *очень*, напр. *зиль сарош* – пьян в стельку.

26. *Зийафэтһ* (Нхч) – званый обед, банкет; араб. *ziyafet* – гостеприимство, от котор. турец. *ziyafet* (зияфет) – пиршество; крым.-тат. *зияфет* – в том же значении.

27. *Зифос* употр. в выраж. *Зифос горав* моментально исчез; возможно от турец. *zifos* (зифос) – брызги грязи; крым.-тат. *зифос* – диалектное выражение крымскотатарских музыкантов, означающее – *пусто, ничего*.

28. *Зуррна*: 1) зурна, духовой музыкальный инструмент. 2) свиное рыло. 3) нос животного (иронич. также человека); перс. *zorna*, от котор. турец. *zurna* [4, с. 450]; крым.-тат. *зурна* – 1) духовой музыкальный инструмент. 2) *леиш зурна* – обозначение свехнеприятного запаха

29. *Зуррнаджи*, *зурнач* – музыкант, играющий на зурне, из турец.; крым.-тат. *зурнаджи* – в том же значении.

30. *Зомһһ гыдаг* (Нхч) – корзина [4, с. 451]; крым.-тат. *зомпатакъ* – в том же значении у горно-южнобережных крымских татар.

31. *Эзги*, *эзгин* – мелодия, напев, мотив; син. *йэхъанаг*; турец. *ezgi*, крымтатар. *эзги* – мелодия, напев [4, с. 454].

32. *Тһахым* – набор [музыкальных] инструментов, *тһахым бари йэ*, исправный (об инструментах), *айвази тһахым* неисправный, поломанный (о [музыкальных] инструментах); *дээр у йашы судья тһахым хахъһин* (строка из песни) – и стар и млад станцевали вместе с судьей; турец. *takım* (такым), крым.-тат. *такъым* – набор [ансамбль], комплект, из араб. [4, с. 477].

33. *Тһанһыррди* – звукоподражание топот [в танце] [Джалашьян, кн. 1, 2019, с. 484]; крым.татар. *тапырды*, *тапырдамакъ* – в том же значении.

34. *Thırphkı* элэл (Нхч) – статья предметом пересудов; турец. *türkü olmak* (тюркю олмак) – статья предметом разговора [*türkü* (тюркю) – народная песня, *olmak* – быть, статья] [4, с. 499]; крым.-тат. *тюрку олмакъ* – в том же значении.

35. *Thulub*, *thulunh*: 1) бурдюк. 2) волынка (музыкальный инструмент). 3. юбка от пояса до пят; *thulunh hanal* содрать шкуру овцы и сделать бурдюк, *thulunh chalal* – играть на волынке; крым.-тат. *тулуб* – шкура, содранная целиком, кожаный мешок, тулуп (одежда); *тулуп-зурна* – волынка [4, с. 503]; крым.-тат. *тулуб чала* – играет на волынке.

36. *Jıngırdaуux*, *djıngılthavux* – бубенец, который вешали на шею лошади или других животных; крымтатар. *чынъгъыравукъ* – звенящий; син. *бонгырр*; крымтатар. *чынъгъырав* или *къанъгъырав* – известный еще из словаря Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-Турк» древний шумовой музыкальный инструмент.

37. *Хахъ*: 1) игра (детская, спортивная); 2) песня, мелодия; 3) танец, пляска [5, с. 5]; крым.-тат. *хахъ ойнамайя* – диалектное «вставай танцевать».

38. *Ханазбар* – название старинной мелодии [5, с. 48]; крым.-тат. *ханазбары* – букв. «двор караван сарая», в которых во времена Крымского ханства обычно устраивались музыкальные увеселения состоятельными постояльцами.

39. *Хаснах*: 1) каркас, остов, опорная часть конструкции, сооружения, строения; 2) обечайка, деревянный обод сита, на который крепится дырчатое дно, изготовленное из волос, металла или шкуры животного; турец. *kasnak*, крым.татар. *къаснакъ* – деревянный обруч, обод сита, обечайка; крымтатар. *къаснакъ* – деревянный обод-основа, на который натягивается мембрана, изготовленная из выделанной козьей или телячьей кожи музыкального инструмента *даре*.

40. *Хавал* – свирель; турец. *kaval* (кавал) – свирель, рожок; крымтатар. *къавал* – свирель, дудка.

41. *Хымхым* – гнусавый [5, с. 53]; крымтатар. «*Хымхым, вайвай*» – крымскотатарская шуточная песня о мыши.

42. *Хынагэджэси* – девишник; «Хына гэджэси – турецкое слово и означает «ночь хны», потому что в этот день ночью совершается обряд наложения хны на голову невесты. В городе он уже начисто забыт, сохранился лишь местами в деревне и проводится с большим торжеством. За три дня до венчания в доме жениха готовится чашка хны и на подносе вместе с большой восковой свечой посылается в дом невесты, где в тот вечер собираются многочисленные женщины и девушки из числа родственников невесты и жениха, подруги и приятельницы невесты. На стул кладут подушку, сажают на нее невесту в середине или в углу комнаты, музыканты играют мелодию «Алкели» [«Ал-гелин» – «Возьми невесту»], под которую

участницы торжества одна за другой танцуют, держа в руках большую восковую свечу и хну: натанцевавшись вдоволь, женщины начинают класть на голову невесты хну, а девушки берут пальцами хну и мажут ею свои ладони, чтобы им выпало то же счастье, или, как говорят «даррос», что и невесте...» (Ер. Шахазиз) [5, с. 69]; крым.-тат. *къына геджеси* – в том же значении, и в том же музыкально-танцевальном порядке.

43. *Һава*, 1. воздух, атмосфера. 2. погода. 3. мотив; мелодия; *ахъырр Һава* или *дзандыр Һава* медленная, тягучая мелодия (турец. *ağır aхъыр*, крымтатар. агъыр – тяжелый, медленный), *гочһ Һава* свадебная маршевая мелодия, *ойин Һава* свадебная танцевальная мелодия; араб. *hava* – воздух, погода, от котор. перс. и турец. *hava* [5, с. 120]; крым.-тат. *ава*, *агъыр ава*, *йол (кочь) авасы*, *ойин авасы* – в том же значении.

44. *Йай* – скрипичный смычок; турец. *уау* (йай), крым.-тат. *йй* – лук (оружие); смычок [5, с. 223].

45. *Йэхъанаг* – мелодия [5, с. 229]; крым.-тат. *ахэнк*, *аэнк* – отзвук, звук.

46. *Нани* и *Наниг* – колыбельная песня; перс. *nani* – колыбельная [5, с. 239]; крым.-тат. *айнени* – в том же значении.

47. *Шабаши* – денежные подношения музыкантам (как правило, на свадьбах), окончание работы; от древнееврейского *šabaš* (шабаш) – суббота, праздник [5, с. 249]; крым.-тат. *шабаши* – денежные подношения гостей-мужчин хозяину свадьбы, а также денежные подношения музыкантам на свадьбах; *шабаши авасы* – мелодия сопровождения шабаша.

48. *Шаррхи*, *шаррхы*, щипковый музыкальный инструмент; араб. *šark* – восток, *šarki* (восточный) – восточный [5, с. 255]; крым.-тат. *шаркий* – восточный; Шархи – топоним на Южном берегу Крыма между Алуштой и Ялтой.

49. *Чһалэл*: 1) играть на музыкальном инструменте; 2) исполнять мелодию; турец. *çalmak* (чалмак), крым.-тат. *чалмакъ* – играть на музыкальном инструменте.

50. *Чһалэлэн*: 1) играя (на музыкальном инструменте); 2. исполняя (музыку); 3) Пустословия [5, с. 280]; крым.-тат. *чалан*, *чалгъан* – игравший на муз. инструменте.

51. *Чһалхъы*: 1) Музыкальный инструмент; 2) Большая коса для срезания травы; турец. *çalgi* (чалгы), крым.-тат. *чалгъы* – коса, *чалгъы*, *чалгъы алет* – музыкальный инструмент.

52. *Чһалхъыджы* – косарь; крым.-тат. *чалгъыджы* – косарь; см. также орахджи; крым.-тат. *чалгъыджы* – участник музыкального ансамбля *чал*, музыкант инструменталист.

53. *Чһалохъ* – музыкант; тюрк. [крым.-тат.] чалмак[ъ] + оконч. существ. арм. языка *охъ*.

54. *Чһалвэл* – играть, исполняться, звучать (о музыке), турец. *çalmak* (чалмак), крым.-тат. *чалынмакъ* – исполняться музыкантом [5, с. 281], в крымтатар. арго *чалмакъ* – стащить.

55. *Чһанг* – колокол; турец. *çan* (чан), крым.-тат. *чанъ* – колокол [5, с. 283].

56. *Чһохмах, Чһохмарр*: 1) Палка, дубинка; 2) Колотушка для большого барабана (давула); перс. *çotax* – дубина, турец. *çotak* (чомак) и *çoktak* (чокмак) – палка, дубина, барабанная палочка; крым.-тат. *чокъмар* – дубина с набалдашником; колотушка для большого барабана и тонкая палочка с набалдашником [5, с. 296], *токъмакъ* – булава.

57. *Джынгылтһавух, джынгылдавух* – бубенец, колокольчик; крым.-тат. *чынгыравукъ* – звенящий [5, 2019, с. 315], *джынгылдай* – звенит.

58. *Саз* – восточный струнный музык. инструмент; перс. *saz* [5, с. 330]; крым.-тат. *саз* – в том же значении.

59. *Варрхъан* – баян (музык. инструмент); рус. варган – губной музык. инструмент [Джалашьян, кн. 2, 2019, с. 376]; крым.-тат. в том же значении – *комуз*.

60. *Дабла, табла* – бубен, круглый [Джалашьян, кн. 2, 2019, с. 391]. крым.-тат. *дабла* – круглый, *дабла бет* – круглолицый.

61. *Цһинган* и *Цһингана*: 1) цыган, цыганка; 2) алчный, жадный; см. также *чһингинэ* [5, с. 403]; крым.-тат. *чингине* – в том же значении.

62. *Кһэмэн* – альт, большая скрипка; перс. *ketan* (кеман) – скрипка; крым.-тат. *кеман, кемане* – в том же значении.

63. *Кһэмэнджи* – скрипач [5, с. 443]; крым.-тат. *кеманеджи* – в том же значении.

64. *Кһорукһ* – воздухопроводные (кузнечные) мехи; турец. *körük* (корюк), крым.-тат. *корюк* – кузнечный мех [5, с. 464]; крым.-тат. *корук* – в том же значении, в арго крымскотатарских музыкантов фисгармония и аккордеон.

65. *Ойин һава* – свадебная танцевальная мелодия; крым.-тат. *ойин ава* – в том же значение.

66. *Ойинджи* – игрок, одержимый страстью к азартным играм; турец. *ouynsi* (ойунджу), крым.-тат. *оюнджы* – игрок [5, с. 471], *ойюнджы* – танцор.

Данные примеры крымскотатарско – крымско-армянских лексических параллелей взяты из текста двухтомного словаря новонахичеванского диалекта языка выселенных на Дон крымских армян К. С. Джалашьяна (1893–1966), в который вошло около 8000 слов и устойчивых выражений. Посвятивший практически всю свою жизнь написанию данного словаря, вернувшийся в 1938 г. на родину предков в Крым и депортированный, как и крымскотатарский народ по национальному признаку в 1944 г. в Сибирь, он хорошо знал крымскотатарский язык.

Широкому взаимопроникновению лексики и музыки крымских татар и крымских армян способствовали их добрососедские отношения, а также открытость и доброжелательность армянского сообщества по отношению к государствообразующему этносу средневековой крымской страны. Крымские армяне отказывались покидать Крымское ханство. Об этом свидетельствуют слова старшин армян крымскотатарского города Кезлева из полученного 18 июля 1778 г. крымским ханом Шагин Гиреем донесения кезлевского начальника капыджы-баши Ахмет-аги: «...мы [армяне] его светлейшестью [ханом] полностью довольны и отчизною [Крымским ханством] своею довольны и от предков наших платим мы дань своему государю [хану], хоть саблями рубить нас станут, то не думаем мы и куда-либо [из Крыма] идти» [6, с. 579–580].

Крымские армяне к моменту их выселения на Дон являлись яркими носителями традиционной крымской музыкальной культуры, на процесс формирования которой их музыкальное искусство оказало действенное влияние. В 1906 г. в Москве был издан «Сборник мелодий крымских татар» Р. Меликьяна, написанный в Нор Нахичеване. Являвшийся, вероятно, крымским армянином составитель был хорошо знаком с крымско-армянской музыкой. Сборник начинается и заканчивается нотами двух вариантов крымскотатарского танца «Хайтарма», между которыми он разместил слова и ноты крымскотатарских песен «Бабаданъ сандынъ», «Къаргъа», «Ич сенинде Къырымда», «Уйле болды кун авды», «Бен баштаги дюшлим», «Не кычыргъан», «Бен бир кёр огълуйим» и ноты марша «Алгелин» [8, с. 341].

Свидетельством глубины интеграционного процесса культуры крымских армян в традиционную крымскую культуру периода последней независимости Крымского ханства является антропонимика личных крымско-армянских и крымскотатарских имен. В сборнике документов «Ревизские сказки крымских армян 1782 года» первых лет переселения крымских армян в пределы Российской Империи [16, с. 760] опубликованы списки учетных документов IV ревизии армянского населения Дона.

Возникновение новых и видоизменение личных имен потомков переселившихся в Крым сарайских и киликийских армян, проявление их лексико-семантических особенностей и отличий от традиционных армянских антропонимов обусловлены их складыванием в условиях развивавшейся на полуострове средневековой крымскотатарской государственности, ее правовых институтов и уровнем социально-экономических преобразований в их совместном проживании на протяжении полутысячи лет с крымскотатарским народом. Новые армянские имена возникали и функционировали в условиях бытования различных экстралингвистических факторов в жизни Крымского ханства. Антропонимы армян Крымского ханства включали в

себя денотативный, оценочный, мотивационный, стилистический, эмотивный блоки информации, а крымско-армянская онимическая система представляла собой окультуренное мировоззрение, характеризующее этнос крымских армян, формообразовательные особенности антропонимов которых входили в общекрымскую средневековую этнонимическую систему. Для детализации выявления этнолингвистических корней и семантики антропонимов крымских армян периода их выселения на Дон требуется проведение этно-историко-лингвистического анализа системы личных мужских и женских имен, отчеств и фамилий крымских армян конца XVIII в., сформировавшихся под влиянием этнонимической культуры крымскотатарского этноса.

В именнике армян Крымского ханства конца XVIII в., наблюдается значительная диспропорция между количеством мужских и женских имен крымскотатарского и смешанного армяно-крымскотатарского происхождения, а также увеличение или уменьшение представленности у них этих имен в зависимости от места проживания их носителей в Крыму. По представленности католических имен можно вывести проживание их носителей из Кефе, а по количеству имен джагатайско-кыпчакской лингвистической основы – места проживания их носителей в поселениях равнинных и предгорных территорий Крымского ханства. В Ревизских сказках крымских армян 1782 г. наряду с традиционными армянскими представлены также следующие имена крымскотатарского и армяно-крымскотатарского происхождения: Азиз – 5, Азизбика – 1, Аибика (Айбика) – 40, Аиз (Айиз) – 13, Аизбике – 1, Аипика – 2, Айбика – 1, Айва – 1, Айзбика – 1, Акбика – 15, Алдын – 1, Алтумбика – 1, Алтун – 5, Алтын – 59, Алтынтоп (так называется мелодия старинного медленного крымскотатарского танца) – 1, Алюхан – 1, Анабика – 103, Анабике – 4, Анахатун – 6, Анаханум – 2, Анбика – 1, Арзухан – 1, Асламбика – 21, Асламбике – 1, Аслан – 30, Асланбика – 5, Асланбике – 4, Аслахан – 1, Аслехан – 1, Ахбике – 1, Ахкул – 1, Ахкюль – 1, Ахпика – 1, Ахпике – 4, Ахтал – 1, Багар – 9, Багдагуль – 3, Бахчагуль – 1, Бегзад – 5, Бегзаде – 1, Бегзат – 2, Бика – 1, Бике – 1, Биричид – 1, Бояр – 1, Гузал – 1, Гузел – 1, Гузела – 1, Гузель – 21, Гулбагар – 1, Гулбике – 88, Гулжихан – 3, Гулзаде – 45, Гулзар – 9, Гулзеде – 8, Гулзяде – 16, Гулик – 1, Гулин – 3, Гулханум – 1, Гульзаде – 1, Гунеш – 3, Гунеше – 1, Гуржахан – 1, Гюлзаде – 1, Гюлзяде – 1, Дарича – 1, Даричаг – 1, Даричан – 1, Делвет – 6, Дерехан – 1, Дестегул – 2, Дестегюль – 1, Есмехан – 2, Етер – 1, Женент – 1, Задет – 1, Зенефре – 3, Зериве – 1, Зериф – 17, Зумбуль – 1, Инжи – 10, Инжибика – 1, Инжибике – 76, Инжик – 5, Инжинбика – 1, Ирикнас – 9, Кадар – 78, Кетен – 1, Киркие – 1, Киркия – 1, Конеш – 1, Кульбика – 1, Кунеш – 1, Курбика – 3, Курбике – 1, Маирам – 3, Маирем – 1, Майрам – 3, Менемше – 1, Мелек – 23, Мелише – 1, Менек – 1, Менемше – 31, Мержан – 1, Мерьяне – 1, Мурад – 19, Мурадбика – 7, Му-

радхпика – 1, Мурат – 1, Мурат Хатин – 1, Муратбика – 1, Муратпике – 2, Назбика – 31, Назбике – 2, Назгуль – 1, Назик – 9, Назла – 15, Назлахан – 8, Назлухан – 1, Назлы – 8, Назлыхан – 2, Назык – 6, Нарбика – 7, Нарик – 3, Нарин – 3, Нархатун – 1, Нергис – 4, Нурбика – 58, Нурбике – 6, Переган – 1, Пери – 2, Перхан – 1, Перюхан – 1, Пикеч – 1, Реган – 1, Салмас – 1, Сарвар – 1, Селвинас – 2, Сенек – 1, Сенем – 12, Серига – 1, Серма – 21, Сефенгуль – 1, Сефер – 13, Сефербика – 34, Султан – 103, Султанбика – 1, Тазагуль – 1, Талибе – 1, Тамам – 3, Тестегуль – 3, Тотаи – 51, Тотай – 35, Тушкун – 7, Тушхун – 10, Усмехан – 1, Хадин – 1, Хадун – 3, Хадын – 37, Хазбика – 1, Ханзаде – 45, Хани – 8, Ханига – 1, Ханике – 1, Ханперван – 1, Ханпика – 1, Ханур – 2, Хаспика – 72, Хаспике – 8, Хатун – 88, Хатуна – 1, Хатунбика – 3, Хатунпика – 1, Хатын – 2, Хызлаалбеги – 1, Худрет – 6, Хызлар – 1, Шабика – 6, Шабике – 1, Шахбика – 3, Шахзаде – 2, Шахзяде – 2, Шахкуль – 1, Шахкюль – 2, Шахмен – 1, Шахниса – 1, Шахнури – 13, Шахпика – 54, Шахпике – 9, Шахсаде – 9, Шахседе – 6, Шекер – 7, Ширинбика – 12, Ширинбике – 1, Эрикназ – 1, Эрикнас – 4, Этер – 1, Язгул – 3, Язгуль – 7, Язену – 1, Авах Хатун – 1, Азбика – 1, Аксапет – 265, Аксаперд – 3, Алмаз – 1, Алмас – 92, Беги – 2, Бегра – 1, Вардханум – 1, Вартагатун – 2, Вартакатун – 1, Вартахатум – 1, Вартахатун – 30, Вартепика – 1, Вартпика – 17, Вартхатун – 14, Гугарбике – 1, Дерюхан – 1, Дюлкан – 1, Зелиф – 1, Зелфа – 1, Зелфи – 13, Зелфин – 9, Земрут – 1, Зераф – 3, Зумруд – 3, Зумрут – 114, Зумрют – 1, Зюлфин – 1, Ирикназан – 1, Кугарбике – 16, Луспике – 176, Лусхатун – 34, Манемше – 1, Мариам – 427, Марианас – 1, Мариане – 1, Минахатун – 1, Менешан – 1, Мерган – 1, Мерене – 1, Нагбика – 1, Наран – 4, Нарзахан – 1, Нари – 1, Нарит – 1, Нерехан – 1, Неристан – 1, Нигжан – 1, Низбика – 1, Нугарбике – 1, Нурик – 3, Нурин – 4, Нурнагад – 1, Переган – 1, Салмас – 1, Санан – 1, Сандух – 1, Сандухт – 1, Сара – 56, Селамбина – 1, Сенен – 1, Сереф – 1, Сидет – 1, София – 2, Сундух – 1, Темне – 1, Туре – 1, Хазлаарбеги – 1, Ханабика – 68, Ханабике – 4, Ханага – 1, Ханик – 32, Ханин – 1, Ханки – 1, Ханум – 27, Хасик – 1, Хаспик – 1, Хатен – 1, Хумаш – 2, Шахнурин – 2, Шегеря – 1, Шерестан – 1, Шеристан – 1, Шинагас – 1, Шагул – 1, Шагун – 1, Шакар – 2, Шегеря, – 1, Эмзар – 1, Ягур – 1, Ягут – 70 [16, с. 624–758].

Из общего количества указанных в Ревизских сказках более 5000 женщин, традиционными армянскими являлись имена у 1950 женщин. У более чем 3050 женщин имена крымскотатарского (тюркского, тюрко-иранского, тюрко-арабского) и смешанного армяно-крымскотатарского происхождения.

Традиции наречения мальчиков исконными армянскими именами читались крымскими армянами. Из указанных в Ревизских сказках 3840 мужчин только у 334 имена крымскотатарского и смешанного армяно-крымскотатарского происхождения: Сывачи, Тенгияр, Тилендир, Тотамиш

[Ревизские сказки..., 2019, с. 452–453], Агабаб – 7, Агабали – 1, Агабек – 1, Агаджан – 2, Агадчан – 1, Агаси – 2, Агасин – 1, Агачан – 2, Азирбек – 1, Аиваз – 1, Аидын – 2, Айваз – 1, Айвас – 1, Айдын – 4, Акдын – 1, Алаверди – 5, Алаверды – 1, Амира – 1, Аслан – 4, Атаи – 2, Атам – 11, Ахан – 1, Баба – 2, Бабаджан – 2, Бабадчан – 1, Бабасин – 8, Бабачан – 3, Баби – 62, Бабиджан – 1, Бабижан – 2, Бабосин – 1, Бабук – 22, Байтерек – 5, Байтерес – 2, Бали – 2, Баниат – 1, Буниат – 1, Гасаб – 1, Дер Баба – 3, Дербаба – 1, Мали – 2, Меликсет – 12, Мерган – 10, Мергин – 1, Мерьян – 4, Миесер – 13, Мурад – 5, Мурадча – 1, Мурза – 2, Огачан – 2, Оскан – 6, Сефер – 1, Сефер Бали – 1, Хазар – 40, Хазарбек – 1, Хазарос – 4, Хазибек – 1, Халабали – 1, Хаспет – 2, Хаспек – 1, Хачабаба – 1, Хачабег – 1, Хачибаба – 2, Хочибек – 1, Хутлубег – 1, Чора – 8, Шагин – 10, Шахверди – 1, Шахпас – 1, Шахпас – 6, Шахпес – 1, Шахпос – 2, Ягуп – 1, Ягут – 1, Ямбур – 1 [16, с. 528–624].

Одним из путей проникновения крымскотатарских имен в крымско-армянскую онимическую систему являлось наряду с оказанием дани местным традициям, стремление армянского меньшинства использовать понятные коренному населению восточные имена, упрощавшие для их носителей контакты и способы общения с местными жителями при осуществлении своих ремесленных и торговых дел. В качестве примера могут служить имена армян Каффы – Томан-бея сына Садибея и Мирзы сына Новираса [9, с. 334].

В качестве примера замены армянской лексики крымскотатарской лексикой в языке крымских армян пер. пол. XVII в., имевших свои торговые фактории на территории польско-литовского государства в г. Львове, ниже приводится армянский церковный текст в латинской транскрипции на так называемом армяно-кыпчакском языке. С определенного времени в Крымском ханстве службы в греко-православных, грегорианских и армяно-католических церквях обязаны были вестись на идентичном армяно-кыпчакскому и урумскому – крымскотатарскому языку. Язык публикуемого текста диалогов идентичен языку официальных документов ханского двора «классического» периода истории Крымского ханства сер. XVII в. и его можно назвать армяно-крымскотатарским. Возможно, что из опасений возникновения проблем с публикацией своих работ на эту тему, А. Н. Гаркавец во времена запрета в СССР на упоминание крымскотатарского народа в своих ранних работах предусмотрительно использовал вместо термина «армяно-крымскотатарский» словосочетание «армяно-кыпчакский». Доказательством идентичности языка, указанного ученым как армяно-кыпчакский, средневековому официальному крымскотатарскому языку, служит текст опубликованных ученым диалогов, приводимых ниже.

Диалоги из пособия Аведика по грамматике, теологии, философии и систематике. Львов, 1634 г. (Ереван, Матенадаран, ркп. № 3522)

(255v) Ne ata aytmaa bilä belgilidir? Ki o©lu bar. (267r) Kimni± nemäsisen sen? Atanî±. Kimni± nemäsimen? Atanî±.

Kimni± nemäsidir ol? Atanî±. Kimni± nemäsidir bu? Atanî±.

Kimni± nemäsidirlär bular? Atanî±.

Kimläрни± nemäläridirlär alar? Atanî±.

(274v) Xayda etti± sen? te±ridä.

Kingä umsandi± sen? te±rigä.

(280r) Kimni± bilä yeberdi± sen? Te±ri bilä yeberdim men.

Kim bilä yeberdi bu? Te±ri bilä yeberdi bu, ol. Kim bilä yeberdi ol? Te±ri bilä yeberdi ol.

Kim bilä yeberirsen? Te±ri bilä yeberiyirim [= yeberirmen] men ya ata bilä.

Kim bilä yebersärsen? Te±ri bilä yebersärim [= yebersärmen] men ya ata bilä.

Kim bilä bardî± sen? Te±ri bilä bardîm men. Kim bilä barîyîrsen? Te±ri bilä barîyîrmen.

Kim bilä barsarsen ya ketsärsen? Te±ri bilä ya ata bilä ketsärmen.

Kim bilä etti± anî? (280v) Te±ri ya oğul bilä ettim bunu.

Kim bilä etiyîrsen? Te±ri ya Dzjhan bilä etiyîrmen ya alîyîrmen.

Kim bilä etädzjhäksen? Te±rilia bilä etedzjhegim men ya alsarmen.

Neni± bilä yasadî± ol nemeni ya bu nemeni? Bu nemä bilä ya ol nemä bilä.

(286r) Kimni aoldu± sen? Te±rini aoldum men. Hali kimni aolîyîrmen men? Te±rini.

So±ra kimni aolsarsen sen? Te±rini aolsarmen. Kimni izdiyir bu? Te±rini izdiyir os^ta ol.

Kimni izdiyir ol? Te±rini izdiyir ol.

Kimläрни aolarlar bular ya alar? Te±rini aolîyîrlar os^ta bular ya alar.

(293r) Ol vaat kimdän yeberildi± sen? Te±ridän yeberildim men. [3, с. 895].

По своим фонетическим, лексическим и морфологическим особенностям исключаящий армянскую лексику язык данного образца церковного армяно-кыпчакского языка идентичен языку ярлыков, дипломатической переписки, а также судебных книг Крымского ханства того времени и соответствует кыпчако-огузскому характеру письменного языка документооборота средневекового крымскотатарского государства. Города Кефе, Солхат-Кырым, Карасубазар, Акмечеть, Орбазар, Кезлев, Бахчисарай и селения Топлу, Мелик, Камышлы, Сала, Чурук-Су, Султан-Сала, Орталан, Сарыабуз, Тапчак, в которых крымские армяне проживали в Крымском ханстве, являлись центрами процесса взаимопроникновения и взаимообогащения их культуры с крымскотатарской культурой. В этих городах формировалось и развивалось крымскотатарское музыкальное искусство, испытывавшее благотворное влияние древней музыки веками проживавших бок о бок с крымскими татарами крымских армян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барашьян Е.В. Старинный фольклор крымских армян. Сборник материалов. Симферополь, 2003. 34 [2] с.
2. Гарднер И.А. Богослужбное пение русской православной церкви. Т. 1. М., 2004. 490 с.
3. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие Том II. Памятники духовной культуры. Алматы, 2007. 911 с.
4. Джалашьян К.С. Толковый словарь Новопахичеванского диалекта армянского языка: в 2-х книгах. Книга 1. А – Th / редактор и переводчик на русский язык А.Х. Дагладиян. Ростов н/Д, 2018. 512 с.
5. Джалашьян К.С. Толковый словарь Новопахичеванского диалекта армянского языка: в 2-х книгах. Книга 2. Ж – Ф / редактор и переводчик на русский язык А.Х. Дагладиян. Ростов н/Д, 2019. 496 с.
6. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб., 1885. Т. 2. 924 с.
7. Заатов И.А. Крымский государственный татарский театр оперы и балета в материалах архивов и довоенной прессы 1937–1938 гг. Симферополь, 2016. 358 с.
8. Заатов И.А. Очерки крымскотатарской музыкальной культуры и сценического искусства. Т. I. Симферополь, 2019. 352 с.
9. История Крыма: в 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2018. Т. 1. 600 с.
10. Казаров С.С., Казарова Н.А. Театральные традиции донских армян (сер. XIX – нач. XX вв.). // Нахичевань-на-Дону: материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18 – 19.10.2019 г.). Ростов н/Д, 2019. 404 с. С. 149–185.
11. Корхмазян Э.М. Крымская армянская миниатюра. Киев. 2008. 144 с.
12. Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода / Редактор-составитель Дж. Каригов. Предисловие Н. Абдульвапова. Симферополь, 2007. 96 с.
13. Мелизматическое пение // Большая российская энциклопедия. Т. 19. М., 2011. 671 с.
14. Микаелян В.А. История крымских армян / Ин-т истории НАН Республики Армения. Киев; Ереван; Симферополь, 2004. 224 с.
15. Поркшеян Х.А. Устное народное творчество армян Нор Нахичевана. Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1965. 196 с.
16. Ревизские сказки крымских армян 1782 года. Сост. А.В. Ефимов. Симферополь, 2019. 760 с.
17. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Составление, перевод, введение и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь, 2010. 310 с.
18. Тер-Саркисянц А. Е. Свадебная обрядность сельских донских армян (по полевым материалам 1990-х гг.). // Нахичевань-на-Дону: материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19.10.2019 г.). Ростов н/Д, 2019. 404 с. С. 330–340.

19. Тикиджьян Р.Г., Кубас И.Д. Крымские традиции в хозяйстве и культуре донских армян: история и современность // Нахичевань-на-Дону: материалы международного научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18 – 19.10.2019 г.). Ростов н/Д, 2019. 404 с. С. 340–346.

20. Хачикян С.М. Хыдреллез или Георгиев день – народная традиция донских армян // Нахичевань-на-Дону: матер. междунар. науч. конференц. (г. Ростов-на-Дону, 18 –19.10.2019 г.). Ростов н/Д, 2019. 404 с. С. 362 – 369.

21. Aslanapa Oktay. Sanatı, Tarihi, Edebiyatı ve Musikisiyle Kırım. Yeni Türkiye Yayınları. Ankara, 2003. 260 s.

22. Özdem Zeynep. Karşıda bir yer: Kırım Karasubazarda sosyo-ekonomik hayat (17. yy. sonlarından 18. yy. ortalarına kadar). Ankara, 2010. 215 s.

23. Öztürk Yücel. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2000. С. 1. 570 s.

Сведения об авторе: Заатов Исмет Аблятифович – доктор философии в арт-критицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); zaatov@gmail.com

Mutual influence of the Crimean Tatar and Crimean-Armenian cultures in the context of musical, lexical and antroponymic parallels

Ismet Zaatov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. The process of formation of the Crimean Tatar musical culture, as a whole, can be divided into periods of post-Byzantine – Kypchak – Golden Horde, Tatar – Seljuk – Islamic, Ottoman – Nogai ethno-musical influence on the development of this process, as well as on the period of merging of the musical culture of the steppe and south mountain Crimean Tatars (Tats). The process of formation of the Crimean Tatar musical art, to a certain extent, was also influenced by the musical culture of the Crimean-Armenians who lived together with the Crimean Tatars in the Crimea for half a thousand years and were evicted in 1778 to the lower Don. The author made an attempt to identify and, on the basis of lexical analysis of the language and historical antroponymy of the Crimean-Armenians and Crimean Tatars, as well as on the level of mutual influence and interpenetration of the musical cultures of both ethnic groups – to fix the de-

gree of participation of the musical and song folklore of the Crimean-Armenians in the development of the Crimean Tatar musical culture.

Keywords: Crimea, Crimean Tatars, Crimean Armenians, language, music, art, antroponymy

For citation: Zaatov I.A. Mutual influence of the Crimean Tatar and Crimean- Armenian cultures in the context of musical, lexical and antroponymic parallels. *Крымское историческое обозрение*=*Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 183–206. DOI: 10.22378/kio.2024.1.183-206 (In Russian)

REFERENCES

1. Barash'yan E.V. Ancient folklore of the Crimean Armenians. Collection of materials. Simferopol, 2003. 34 p. (In Russian)
2. Gardner I.A. Liturgical singing of the Russian Orthodox Church. T. 1. Moscow, 2004. 490 p. (In Russian)
3. Garkavets A.N. Kypchak written heritage, Volume II. Monuments of spiritual culture. Almaty, 2007. 911 p. (In Russian)
4. Dzhalash'yan K. S. Explanatory dictionary of the Novonakhichevan dialect of the Armenian language: in 2 books. Book 1. A – Th. Editor and translator into Russian A.Kh. Dagldian. Rostov n/D, 2019. 512 p. (In Russian)
5. Dzhalash'yan K.S. Explanatory dictionary of the Novonakhichevan dialect of the Armenian language: in 2 books. Book 2. Zh – F. Editor and Russian translator is A.Kh. Dagldian. Rostov n/D, 2019. 496 p. (In Russian)
6. Dubrovin N. Accession of the Crimea to Russia. Rescripts, letters, reports, reports. St. Petersburg, 1885 T. 2. 924 p. (In Russian)
7. Zaatov I. A. Crimean State Tatar Opera and Ballet Theater in the materials of archives and pre-war press 1937–1938. Simferopol, 2016. 358 p. (In Russian)
8. Zaatov I. A. Essays on the Crimean Tatar musical culture and performing arts. Volume I. Simferopol, 2019. 352 p. (In Russian)
9. History of the Crimea: in 2 vol. Ed. A.V. Yurasov. Moscow, 2018. T. 1. 600 p. (In Russian)
10. Kazarov S.S., Kazarova N.A. Theatrical traditions of the Don Armenians (mid-19th and early 20th centuries). *Nakhichevan-on-Don: materials of the international scientific conference (Rostov-on-Don, 18–19.10.2019)*. Rostov n/D, 2019. 404 p. Pp. 149–185. (In Russian)
11. Korkhmazyan E.M. Crimean Armenian miniature. Kyiv, 2008. 144 p. (In Russian)
12. Crimean Tatar instrumental music of the Khan period. Editor-compiler J. Karikov. Foreword by N. Abdulvapov. Simferopol, 2007. 96 p. (In Russian)

13. Melismatic singing. Great Russian Encyclopedia. Vol. 19. Moscow, 2011. 671 p. (In Russian)

14. Mikayelyan V.A. History of the Crimean Armenians Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Kyiv; Yerevan; Simferopol, 2004. 224 p. (In Russian)

15. Porksheyanyan Kh.A. Oral folk art of the Armenians of Nor Nakhichevan. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1965. 196 p. (In Russian)

16. Revision tales of the Crimean Armenians of 1782. Comp. A.V. Efimov. Simferopol, 2019. 760 p. (In Russian)

17. Collection of Armenian memorial records relating to the Crimea and adjacent regions (14th–15th centuries). Compilation, Russian translation, introduction and notes by T.E. Sargsyan. Simferopol, 2010. 310 p. (In Russian)

18. Ter-Sarkisyants A.E. Wedding rituals of the rural Don Armenians (based on field materials of the 1990s). *Nakhichevan-on-Don: materials of the international scientific conference (Rostov-on-Don, 18–19.10.2019)*. Rostov n/D, 2019. 404 p. Pp. 330–340. (In Russian)

19. Tikidzh'yan R. G., Kubas I. D. Crimean traditions in the economy and culture of the Don Armenians: history and modernity. *Nakhichevan-on-Don: materials of the international scientific conference (Rostov-on-Don, 18–19. 10. 2019)*. Rostov n/D, 2019. 404 p. Pp. 340–346. (In Russian)

20. Khachikyan S.M. Hydrellez or St. George's Day is a folk tradition of the Don Armenians. *Nakhichevan-on-Don: materials of the international scientific conference (Rostov-on-Don, 18–19.10.2019)*. Rostov n/D, 2019. 404 p. Pp. 362–369. (In Russian)

21. Aslanapa Oktay. Crimea with its art, history, literature and music. New Turkey Publications. Ankara, 2003. 260 s. (In Turkish)

22. Özdem Zeynep. A place in the opposite: socio-economic life in Crimean Karasubazar (In the late 17th century to the mid 18th century). Ankara, 2010. 215 s. (In Turkish)

23. Öztürk Yücel. Caffa in Ottoman domination (1475–1600) Ankara: Ministry of Culture and Tourism Publications, 2000. P. 1. 570 s. (In Turkish)

About the author: Ismet A. Zaatov – Dr. Philosophy (Art Criticism), Cand. Sci. (Arts), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar Philology and Culture of Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); zaatov@gmail.com

УДК 94(477.75)

DOI: 10.22378/kio.2024.1.207-214

«O malümatlar fayda ketirmey, olarnı bilmemezlikte zararsızdır»*

Шукри Сейтумеров

Татарстан Джумхуриети Илимлер Академиясы

Ш. Марджани адына тарих Институты

Аñлатма. İslâmniñ tarqalmasınen musulman olmağan halqlarnen alâqalar keñleşe. İslâm dinini qabul etkenler arasında Tevrat ve İncilni bilgen alimler de çoq ola. Olar dinni qabul etip, Quran ve sünnette de añılğan, özleriniñ muqaddes kitaplarındaki adiselerniñ tasvirinen musulmanlarnen paylaşa ediler. Quranda ve onıñ izaatlarında añılğan İncildeki ikâyelerden biri – bu «yuqlağan yedi qoba gençi» aqqında meşur rivayettir. O «Kehf» («Qoba») suresinde beyan etilip, başqa bir surede ne añıla, ne de tekrarlına. Hristian aleminde bu «yuqlağan gençlerge» olğan ürmet, zamannen islâm adetlerinde de yer aldı. Bu ceryan Qırım musulmanlarınada tesir etti ve «qoba sakinleri» aqqındaki efsane olarnıñ şahsiy ayatlarında aks olundu. Yani, yeudiy-hristian rivayeti, bir qısım yarımada musulmanlarınıñ halq sanatındaki eşyalarında aks olundu.

Anahtar sözler: İslâm, qoba sakinleri, Qırım, Quran, Tevrat, İncil.

Zamanımızniñ aktual ve müim meselelerinden biri, islâmdan evel yaşağan halqlarnıñ dünyabaqışlarından bazı felsefî fikirlerini musulman cemaatçılığına kirgenini añlamaqtır. İslâmniñ tarqalmasınen musulman olmağan halqlarnen alâqalar keñleşe. İslâm dinini qabul etkenler arasında Tevrat ve İncilni bilgen alimler de çoq ola. Olar dinni qabul etip, Quran ve sünnette de añılğan, özleriniñ muqaddes kitaplarındaki adiselerniñ tasvirinen musulmanlarnen paylaşa ediler. Bu ceryan Qırım musulmanlarınada tesir etti ve «qoba sakinleri» aqqındaki efsane olarnıñ şahsiy ayatlarında aks olundu. Teessüf ki, belgilengen mevzu çoq vaqıt tedqiqatçılar tarafından öğrenilmedi.

Maqalenıñ esas maqsadı, Qırım musulmanlarınıñ ayatında «qoba sakinleri»niñ («yuqlağan Efes oğlanları») ikâyesini añılma ıntılıvıdır.

Musulmanlar dünyağa islâm davetini ketirip, çoqusı memleketlerni açtılar. Böyle şekilde Hicriyniñ bir asırı keçti. İslâm bilgileri adamlarğa olğanı kibi, deñiştirilmeyip, musulmanlar olarnı nasıl alğan olsalar, öyle de berile edi. Olar, Quran ayetlerini, onıñ asıl manalarından çetleşmeyip öğrendiler. Ayetler ise,

* Qırımtatar tiline tercime etken ve edebiy işleme keçirgen Zayidova Gülnara.

añlayışlı, qattı imannen ve diqqatlı şekilde bildirile edi. Amma, islâmı yañı memleketlerde yayılması, başqa din temsilcilerinden ğaye çatışmalarına ketirdi. Bu insanlar daa islâm dinini qabul etmeyip, musulman devletlerinde yaşay ediler. Dinniñ tarqalmasınen, musulmanlarınñ yerli halq – yeudiy ve hristianlardan bağları keñleşip başladı. Bir taraftan, bazı adamlar musulmanlıqı qabul etip, Quran ve Sunnette de añılığan, özleriniñ muqaddes kitaplarındaki adiselerniñ tasvirlerinden paylaşqanlar. Digerleri ise, felsefiy fikirleri ve kendi diniy bilgilerine esaslanıp, musulmanlardan munaqaşalar qurğanlar. Çünki davet, aqıda ve onen bağlı fikirlerge esaslanı. Musulmanlarınñ islâmğa devet etmek ve öz raqiplerine cevap bermek istekleri, olarnı bazı bir felsefiy fikirlerni öğrenmege teşviq etti, çünki bu insanlarğa munaqaşalar vaqtında belli bir deliller kerek ola edi.

Musulmanlarınñ arasına hristianlar tarafından diniy-felsefiy meseleler kirsitildi ve neticede olar Aristotelniñ eserlerinden tanış oldılar. Çoqusı musulmanlar ayrı felsefiy kitaplarını öğrenip başladılar. Böyle kitaplarınñ bir qısmı yunan tilinden assiriy, soñ ise arap tiline tercime etildi. Ahır, bu kitaplar doğrudan-doğru yunan tilinden arap tiline çevirilip başladı. Yunan felsefesi arap tiline suriyeliler tarafından çevirile edi. [3, s. 24]. Bu adise, musulmanlar arasında felsefiy fikirlerniñ tarqalmasına sebep oldı.

Böyleliknen, islâm topraqları, çeşit dünyabaqış ve dinler boyunca munaqaşalar alıp barılğan, muzakere meydanına çevirildi.

İslâm dinini qabul etken yeudiy ve hristianlar arasında Tevrat ve İncilni bilgen alimler de bar edi. Olardan musulmanlarğa pek çoq yeudiy bildirmeleri keçti, soñradan bular, ayetlerniñ izaatlarını daa tolu etmek içün, Qurannıñ tefsirine¹ kirsitildi. Adamlarınñ meraqları ve teren bilgi alma istekleri, Quran ayetlerini eşitkende, olar üstünde tüşünmege teşviq etti. Meselâ, olar «qoba sakınleri»niñ köpegi aqqında eşitkende, onıñ renki nasıl olğanını ya da anda yuqlap qalğanlarınñ adları ne olğanını soray ediler. Ondan da başqa, Musa peyğamberge bilgi qıdırıp kelgen oğlannıñ adı ne olğanını bilmege istey ediler². Böyleliknen, musulmanlar çeşit ikâye ve rivayetlernen rastkelgen soñ, mümin öldürgen oğlan, Musa ve Şuayb aqqında rivayetlerniñ tafsılâtlarını, Nuh peyğamberrniñ gemisiniñ büyüklüğünü ve diger şeylerni soray ediler. Bu suallerge cevaplarını, izaatları olğan Tivratta tapmaq mümkün edi. Musulmanlarğa Tivrattaki efsaneler, islâm dinini qabul etken yeudiylar tarafından aqtarılğan. Yeudiylarnıñ ikâyelerinden alıñın malûmat, hristianlardan elde etilgenlerden daa çoq edi, onıñ içün olarnı musulman alimleri arasında «israiliyyat» dep adladılar. İslâmı qabul etken hristianlar da, İncildeki bazı malûmat ve ikâyelerinen paylaşa ediler. Eñ çoq İncil ikâyelerini Abdallah ibn Salam (vef.

¹ «Tefsir» sözü anlatmaq degen mananı bildire ve Quran ayetlerine nisbeten qullanıla. Quran tefsiri – bu Qurandaki sözlerniñ, söz birikmelerindeki manalarını anlatmaqtır.

² Hıdır aqqında ikâye.

663), Kab al-Ahbar (vef. 652) ve Vahb ibn Munabbih (vef. 732), meşur Mekke alimi İbn Curayc (vef. 767)³ [6, s. 291] bilgenler. Neticede, böyle ikâye ve efsaneler pek çox cıyıldı ve izaatçılar tarafından bazı tefsir kitaplarında kullanıldı. Böyleliknen, yeudiy efsane, rivayet ve digər malŭmatları mufasssirlər için tefsir menbaları oldu.

Amma, buña baqmadan, çeşit yönelişlərə qulaq asmayıp, Qurannın ayetlərini aňlatmaq için tefsirge pek diqqətli olğan mufasssirlərdə olğan. Olarının tefsir kitabları pek müim dep tanılğan, özleri isə tefsir və digər bilgi saasında imamlar olaraq sayılğanlar. Böyle tefsircilər arasına İbn Carira at-Tabari⁴, Abu Abdullaha Muhammada al-Kurtubi, Nasafi və digərleri kirgen⁵.

Quranda və onun izaatlarında aňılğan İncildəki ikâyelerdən biri – bu «yuqlağan yedi qoba gençi» aqqında meşur rivayettir. O «Kehf» («Qoba») suresinde beyan etilip, başqa bir surede ne aňıla, ne de təkrarlana. Bu rivayet, hususiy şəkildə dinlərini qorçalamağa tırışqan və qobağa saqlanıp, bir çox vaxıt anda yuqlağan yedi Efes gençi (hristian adetine köre) aqqında bildire.

Hristian aleminde bu «yuqlağan gençlərə» olğan ūrmet, zamannen islâm adətlərində də yer aldı. Bu ikâyə musulman topraqlarının eñ uzaq köşəçiklərində Şimaliy Afrikadan alıp, Orta Asiyağa qadar populâr oldu. Başta musulmanlar qoba qayda yerleşe, gençlər üç ya da yedi kişi olğan, köpekleri nasıl eken kibi suallər boyunca davalaşqanlar. Soñradan isə, İncildən tafsilâtlarını bilme istegi, yeudiy və hristian rivayətlərindəki qaramanlarğa ūrmet duyğularını doğura. Adətlərgə, rivayətlərdə aňılğan topraqlarğa acılıq merasimi kire. Böyle rivayətlərdən birini Rusiye alimi N. Katanov dərc etkən⁶.

³ İbn Curayca aqıqıy və şübe doğurğan şeylər arasında fərq etməyib, tapqan malŭmatnı toplaş, birinci muhaddislergə oşağan. O aqqında: «İbn Curayc malŭmatnı aqıqıylığına diqqət etməyib, onı şübe doğurmağan kibi bergendir», – dep ayılı.

⁴ Belli bağdadlı Quran alimi, fikhçi və tarihçi İbn Carir at-Tabari (vef. 923). Onın 30-tomlıq Cami al-bayan fi taviil al-Kuran («Quran tefsiri boyunca aňlatmalar») serlevalı işi tefsir boyunca esas və itibarlı menba sayıla. at-Tabarının izaatları tek musulman rivayətlərindən sınırlanmay, olarda daa yeudiy və hristian adətləri də mevcut. Lâkin buña baqmadan, müellif «yeudilərinin rivayətləri» Qurannın mənasını aňlamaq için mıtlaq kerek degildir dep, qayd ete.

⁵ at-Tabari, İbn Kasir, al-Bagavi və daa bir sıra imamlar Qurannı aňlamaq için böyle rivayətlərgə diqqət ayırmaqnı yaramay saymasalar da, bazı izaatçılar olarnı tefsirlərdə kullanmağa qarşı çıqalar. Öz noqta-i nazarlarını olar, muqaddəs mənalarnı tefsiri şübe doğurmamaq kerek dep, isbatlaylar. Çünki çoxusı «yeudiy rivayətləri» aynıqsa Ka_ba al-Ahbara və Vahba ibn Munabbihadan kəlgen ikâyələr şübeli malŭmatqa toludırlar. Ondən da başqa, rivayətlərdəki malŭmatların çoxusı ziddiyetli, olarda aňılğan bazı faktlar isə, faydasız. Böyle soylarının tərkibinə ‘qobada yuqlağan gençlər’nin adları, köpeklərinin rənkleri, Nuh peyğəmbərinin gəmi büyükligi, o qurulğan tereknin rənkı və ilâhre.

⁶ «со слов Логученского татарина», автор сообщения Мюжюб-ахун ездил на поклонение отрокам, спящим в пещере недалеко от города Кара-ходжа в восточ-

Quranda ise, er şeyniñ aqiqiy alını tek Allah bile degen nasiat bar, onıñ içün bu aqta davalasmaq manasıdır [8, s. 135].

Ve belki bazı taraflardan müellifniñ, musulmanlar dinlerinden uzaq qaramanlarğa aňlamayıp muracaat etedirler ve bu diniy ürmət, musulmanlıq tek tış körünişte olğanı içün cemaat içinde şekillenip, saqlanıp qaladır, degen sözleri de aqlıdır. Çünki böyle tıştan diniy, amma içten islâmdan evelki adetler öz yaşayışını devam etmekte ediler [2, s. 67].

«Qoba adamları» aqqında meşur efsane boyunca pek çoq ilmiy edebiyat bar. M. B. Piotrovskiyniñ fikrine köre, rus tilinde eñ tolu tedqiqat A. Krımskiyniñ belli eserinde basılğandır⁷ [8, s. 187].

Bazı musulman topraqlarında, meselâ İdil boyu, Orta Asiya, Şimaliy Afrika kibi yerlerde, «qobada yuqlağan gençler»niñ qaramanları edebiy eserlerde aks olunğan, olarnıñ ve köpekleriniñ adları yüzük, quşaq ve müürlerde basılğan.

Bu efsane, Qırım musulmanları arasında da belli. Yani, yeudiy-hristian rivayeti, bir qısım yarımada musulmanlarınıñ halq sanatındaki eşyalarında aks olundu. Meselâ, yalıboylı nağışçı «yuqlağan gençler» efsanesiniñ süjetini yüzbezde örnek şeklinde tasvir etken. Böyleliknen, yüzbezde gençlerniñ adı ve köpekniñ Qıtmır lağabı, arap ariflerinen nağıslanıp, kürekli qayıq şeklinde kösterilgen. Yüzbez Hicriy taqvim boyunca 1232 senesi azırlanğan, milâdiy esabına köre bu 1816–1817 seneleri ola. Tarihiy degerligi olğan qadimiy qırımtatar yüzbezi, bugünkü künde Bağçasaray müzeyinde saqlana. O sergide taqdim etilip, seyircilerniñ diqqatını çeke [1, 2022].

Başqa bir adisege köre, dağlıq arasında yerleşken İstilâ köyünde, oña daa bir Rusiye tedqiqatçısı «Qırımniñ uzaq köyü» dep aytqan edi, XIX asırniñ soñunda XX asırniñ başlarında «qobada qalğan gençler»niñ adları dualarda aňılğan. Bu yerde qayd etmeli ki, Qurandaki rivayette, «qoba oğlanları»niñ adları ve buña oşağan iç bir türlü tafsılâtlar yoq, olar tek israiliyyatlardan kelip çıqa. «Yedi Efes genç»niñ adları aqqında bilgiler, Qurandan degil de, islâmdan evelki menbalarğa ait.

«Qoba adamları» aqqında meşur efsaneniñ özegi olğan qısqa, amma çoq yıllıq yuqu ikâyesi, müminlerniñ közlerinde balalarını yuqusızlıqtan qurtarğan, sağlam yuqu bergen bir küç aldı.

Qırım musulmanları arasında balalarğa yuqusızlıqtan qurtarğan duanıñ oqulması, İstilâ köyüniñ halqında, sürgünlikte Orta Asiyada da saqlanıp qaldı. Belli olğanı kibi, qırımtatar halqı anda mecburiy şekilde 1944 senesi sürgün

ном Туркестане, т. е. действие переместилось «в самую глубь Средней Азии» [4, с. 223–224].

⁷ Er alda söz M. O. Attaya, A. Ye. Krımskiyniñ "Yedi yuqlağan Efes gençleri" aqqında kete. Moscow: Basmahane Krestniy kalendar, 1914. 70 s.

etilgen edi. Bir vaqiağa köre, bütün ömür beş vaqıt namazlarını qılğan, Quran ve arap urfatinen yazılğan diniy kitaplar oquğan, oraza tutqan eki esli-başlı tata-qardaş, torunını yuqlatqanda şu «yedi genç»niñ ve olarnıñ köpeginiñ adları olğan dua oquğanlar. Peyğamber Muhammed (s. a. v.) ve musulmanlarnıñ ayatlarinen bağılı rivayetler oquğanda, olar bu balağa tafsılâtlarnen «qoba gençleri» ve olarnıñ köpegi Qıtmır aqqında da aytıp bergenler.

Bugünki künde, «yedi genç» efsanesi esasında tizilgen yuqusızlıq duası, er alda tek esli-başlı qırımtaralarnıñ aqlında qalğandır.

Ondan da başqa qayd etmek kerek ki, cenkten evel Bağçasaraynıñ türk-tatar medeniyeti müzeyinde, elyazma ve basma, orta asır ve yañı vaqıtqa ait kitaplar arasında XIX asır tarihinen belli, «qoba sakinlerine» bağışlanğan bir parça bar eken. Amma, 1976 senesi, bu parça Bağçasaray tarihiy-arheologik müzeyinden Ye. M. Saltıkov-Şçedrin adına Devlet kitaphanesine berilgen. Bu parça elyazma ya da tipografiyada basılğanı, müellifi kim olğanı aqqında bizim elimizde olğan vesiqalarda yazılmağan.

Musulman ananelerinden belli olğanına köre, Peyğamber Muhammedten (s. a. v.), onıñ aqiqatlığını bilmek için, kerçekten de çeşit rivayetler aqqında soraştırğanlar (meselâ «qoba adamları» ya da Zu-l-Karnayn aqta), lâkin Qurandaki rivayetler İncildeki ikâyelerden pek farq ete.

Bu kibi rivayetlerni, olardaki ayrı sözlerni ya da ibarelerini añlamaq için, Tevrat ya da İncilge muracaat etmek doğru olmağanıñ hulâsa çıqarmaq mümkün. Olar bu söz ve ibarelerniñ añlaşılması için iç bir rol oynamaylar. Manaları aqqında aytacaq olsaq, Quranda açıq-aydın belli etilgeni kibi,⁸ olarnı Tevrat ve İncil degil de, Peyğamber (s. a. v.) añlata. Qurannıñ manasını añlamaq için, Tevrat ve İncilge baqmaq degil de, Peyğamberge (s. a. v.) muracaat etmek kerekliğini at-Tabariniñ bildirgen fikri añlata, «israillilerniñ rivayetlerindeki» malŭmatnı Qurannıñ manasını añlamaq için bilmek kerekmey, yani o malŭmatlar fayda ketirmey, olarnı bilmemezlikte zararsızdır. Bunı öz işinde akademik Piotrovskiy de qayd ete⁹.

⁸ «Одни говорят, что их было трое, а четвертой была собака. Другие говорят, что их было пятеро, а шестой была собака. Так они пытаются угадать сокровенное. А другие говорят, что их было семеро, а восьмой была собака. Скажи: «Моему Господу лучше знать об их числе. Это не известно никому, кроме немногих» [5, с. 316].

⁹ «изучение коранических сказаний позволяет конкретно определить сочетания чужого и своего в исламе...» [8, с. 5].

QULLANILĖAN EDEBİYAT

1. Абдураманова С.Н. Сюжет «Ноев ковчег» в крымскотатарской вышивке // Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»: официальный сайт. 2022. URL: <https://handvorec.ru/novosti/syuzhet-noev-kovcheg-v-krymskotatarskoj-vyshivke/> (дата обращения 20.04.2022).
2. Гольдциер И. Култ святых в исламе. М.: ОГИЗ, 1938. 180 с.
3. Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация / пер. М. Махшулов. М.: «Андалус», 2004. 237 с.
4. Катанов Н. Татарские сказания о семи спящих отроках // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. VIII, Вып. III–IV. СПб, 1894. С. 223–245.
5. Кулиев Э. Коран. Перевод смыслов. Издательский дом «Умма», 2007. 687 с.
6. Муртазин М.Ф., Кулиев Э.Р. Корановедение: учебное пособие. М.: Издательство Московского исламского университета, 2011. 370 с.
7. Пайкова А.В. Тунисская версия легенды о семи спящих отроках эфесских // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Январь 1982 г. Ч. 1. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 167–174.
8. Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 219 с.
9. Ebü Cafer Muhammed b. Cerir et-Taberi. Taberi tefsiri. Cilt 5 / Terc. Hasan Karakaya, Kerim Aytekin. İstanbul, 1996. S. 331–391.

Müellif aqqında malûmat: Seytumerov Şükri Seytmemetoviç – Tatarstan Cumhuriyeti İlimler Akademiyası Ş.Marcani adına Tarih institutınıñ Qırımdaki ilmiy merkeziniñ üyen ilmiy hadimi (420111, Baturina soqağı, 7, Qazan, Rusiye Federatsiyası); arhivaga2015@gmail.com

**«Знание об этом не приносит пользы,
а незнание этого не вредит»***

Шукри Сейтумеров

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. По мере распространения ислама связи с немусульманскими общинами расширились. Среди тех, которые приняли ислам, были также ученые, знающие Тору и Евангелие. Обращаясь в ислам, они делились с мусульманами

* Редактура и перевод текста статьи на крымскотатарский язык Гульнары Зайидовой.

библейскими описаниями событий, упомянутыми в Коране и сунне. Одной из библейских историй, упоминаемых в Коране и комментариях к нему, является знаменитый рассказ о «людях пещеры» – семи спящих отроках. Сказание изложено в суре под названием аль-Кахф (Пещера). Почитание спящих юношей, имевшее место во всем христианском мире со временем нашло свое отражение в исламской традиции. Этот сюжет приобрел широкую популярность в самых отдаленных частях мусульманской территории. Не обошел он стороной и мусульман Крыма, что выразилось, например, в практике обращения к преданию об обитателях пещеры в частной жизни

Ключевые слова: Ислам, «люди пещеры», Крым, Коран, Тора, Евангелие

Для цитирования: Сейтумеров Ш.С. «О malūmatlar fayda ketirmey, olarnı bilmemezlikte zararsızdır» [«Знание об этом не приносит пользы, а незнание этого не вредит»] // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 207–214. DOI: 10.22378/kio.2024.1.207-214

Сведения об авторе: Сейтумеров Шукри Сейтмететович – старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); arhivaga2015@gmail.com

**“Knowing this is of no benefit,
but ignorance of this is harmless”***

Shukri Seytumerov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. As Islam spread, ties with non-Muslim communities expanded. Among those who converted to Islam were also scholars who know the Torah and the Gospel. Converting to Islam, they shared with Muslims biblical descriptions of events mentioned in the Qur'an and Sunnah. One of the biblical stories, mentioned in Quran and in commentaries to it, is well-known story about “people in cave” – seven sleeping lads. The legend is expounded in sura Al-Kahf. Worship of sleeping lads, that took place in the whole Christian world over time found reflection in Islamic tradition. This story acquired with popularity in the most remote parts of muslim territory. This process did not bypass the Muslims of the Crimea, expressed, for example, in the practice of turning to the legend about the inhabitants of the cave.

* Editing and translation of the article into the Crimean Tatar language by Gulnara Zayidova.

Keywords: Islam, cave people, Crimea, Koran, Torah, Gospel

For citation: Seytumerov Sh.S. “Knowing this of no benefit, but ignorance of this is harmless.” *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*=*Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 207–214. DOI: 10.22378/kio.2024.1.207-214 (In Crimean Tatar)

REFERENCES

1. Abduramanova S.N. The plot of “Noah’s Ark” in the Crimean Tatar embroidery. State Budgetary Institution of the Republic of Crimea “Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve”: official website. 2022. URL: <https://handvorec.ru/novosti/syuzhet-noev-kovcheg-v-krymskotatarskoj-vyshivke/> (date: 20.04.2022). (In Russian)
2. Goldtsier I. The cult of saints in Islam. Moscow: OGIZ, 1938.180 p. (In Russian)
3. Zarrinkub A.Kh. Islamic civilization. Translation by M. Makhshulov. Moscow: “Andalus”, 2004. 237 p. (In Russian)
4. Katanov N. Tatar tales of the seven sleeping youths. *Zapiski vostochnogo otdeleniya imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*=*Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. Vol. VIII. Iss. III–IV. St. Petersburg, 1894. (In Russian)
5. Kuliev E. The Koran. Translation of meanings. Umma Publishing House, 2007. 687 p. (In Russian)
6. Murtazin M.F., Kuliev E.R. Koranic studies: a textbook. Moscow: Moscow Islamic University Publishing House, 2011. (In Russian)
7. Paykova A.V. Tunisian version of the legend of the seven sleeping youths of Ephesus. Written monuments and problems of history and culture of the peoples of the East. XVII annual scientific session of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (reports and communications). January 1982. Part 1. Moscow: Nauka Publishing House, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1983. P. 167–174. (In Russian)
8. Piotrovsky M. B. Koranic tales. Moscow: Science. Main editorial office of oriental literature, 1991. 219 p. (In Russian)
9. Ebü Cafer Muhammed b. Cerir et-Taberi. Taberi tefsiri. Cilt 5. Terc. Hasan Karakaya, Kerim Aytekin. İstanbul, 1996. S. 331–391. (In Turkish)

About the author: Shukri S. Seytumerov – Senior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); arhivaga2015@gmail.com

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

УДК 94

DOI: 10.22378/kio.2024.1.215-221

Рецензия на кн.: Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммаль-ходжа). История хана Сахиб-Гирея (Москва, 2023)

Татьяна Аникеева

Институт востоковедения РАН

Аннотация: В рецензии представлен краткий обзор издания «Истории хана Сахиб-Гирея», осуществленного в 2023 г. И. В. Зайцевым и Р. Р. Абдужемилевым, которое служит актуальной задаче изучения и издания источников по истории Крымского ханства и истории ислама в Крыму. Это сочинение, по замечанию И. В. Зайцева, является самым ранним из дошедших до нашего времени исторических сочинений о Крымском ханстве (оно было написано после убийства хана в 1551 г. и закончено летом 1553 г.) и носит характер абсолютного панегирика правившему хану. Хроника Реммал-ходжи охватывает собственно период правления хана Сахиб-Гирея I, завершаясь описанием его гибели, похорон и просьбой его дочери Нур-Султан о написании сочинения. Издание сопровождается двумя научными статьями – И. В. Зайцева «История хана Сахиб-Гирея» и Р. Р. Абдужемилева «Литературоведческий взгляд на сочинение Реммал-ходжи», содержит два текста перевода «Истории хана Сахиб-Гирея» и факсимиле списка хроники, хранящегося в собрании Библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Издание снабжено указателем имен и указателем географических и этнических названий. Эта книга содержит не только переводы сочинения Реммал-ходжи, сделанные по двум редакциям, но является первой публикацией фрагментов труда В. Д. Смирнова – иными словами, данное издание отражает и определенный этап развития отечественной тюркологии.

Ключевые слова: Крымское ханство, ислам, суфизм, историография, история российской тюркологии

Для цитирования: Аникеева Т.А. Рецензия на книгу: Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммаль-ходжа). История хана Сахиб-Гирея // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 215–221. DOI: 10.22378/kio.2024.1.215-221

В современной российской тюркологии довольно много работ посвящено социальной, политической и культурной истории османских владений на территории Крыма XVI–XVIII вв., истории Крымского ханства и его историографии. Среди них – работы А.В. Виноградова [3], И.В. Зайцева, Р.Ю. Почекаева [7], О. М. Курниковой [5] и др., публиковавшиеся как в виде отдельных монографий, так и статей в журналах («Восточный архив», «Эпиграфика Востока», «Восток»), и тематических сборниках («Тюркологический сборник») под грифом академических институтов России и ВУЗов (ИРИ РАН, ИВ РАН, ИВР РАН). В то же время, как подчеркивается неоднократно самими исследователями, «необходимо дальнейшее и целенаправленное изучение источниковой базы по этой тематике»¹.

Публикация «Истории хана Сахиб-Гирея», осуществленная в 2023 г. И.В. Зайцевым и Р.Р. Абдужемилевым [2], служит именно этой столь актуальной задаче изучения и издания источников по истории Крымского ханства и истории ислама в Крыму.

В книге представлены две вступительные статьи – И.В. Зайцева «История хана Сахиб-Гирея» и Р.Р. Абдужемилева «Литературоведческий взгляд на сочинение Реммал-ходжи», два текста перевода «Истории хана Сахиб-Гирея» и факсимиле списка хроники, хранящегося в собрании Библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Труд Реммал-ходжи известен в шести списках и двух редакциях: прежде не публиковавшийся перевод знаменитого османиста В.Д. Смирнова осуществлен им по фотокопии па-

¹ См.: [4]. В этом исследовании И.В. Зайцева рассматривается крымско-османская историческая традиция указанного периода, анализируются крымские рукописные тексты (исторические сочинения различных жанров) из различных собраний рукописей (в России, Египте, Иране, Турции и европейских странах). Автор рассматривает как письменную культуру Крымского ханства, так и сохранившиеся труды (такие, как «История Крыма» Мехмеда Неджати, «Истории» ханов Гиреев и другие); книга снабжена указателями (названий сочинений, географических названий, династий и кланов, этнонимов, медресе и мечетей), что особенно важно в подобного рода классических историографических трудах. Конечно, исследование крымских исторических хроник и правления Гиреев многократно затронуто и в других работах И. В. Зайцева.

рижской рукописи из VnF и дефектного (начало отсутствует) списка из СПбГУ; перевод Р.Р. Абдужемилева сделан по османской редакции, представленной парижским списком. Эта редакция, «вероятно, является плодом переработки (прежде всего сокращения) “татарской” редакции самим автором в период его пребывания в Конье, а потом в Стамбуле». Немаловажно то, что книга снабжена указателем имен и указателем географических и этнических названий.

«История хана Сахиб-Гирея» («Тарих-и Сахиб Гирей хан») была создана личным лекарем Сахиб-Гирея (1532–1551) Бадр ад-Дином Мухаммедом б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, или Реммалем-ходжой (*remmal* – тур.-осм. «предсказатель, гадалщик на песке»). Это сочинение, по замечанию И.В. Зайцева, является самым ранним из дошедших до нашего времени исторических сочинений о Крымском ханстве (оно было написано после убийства хана в 1551 г. и закончено летом 1553 г.). Хроника Реммал-ходжи охватывает собственно период правления хана Сахиб-Гирея I, завершаясь описанием его гибели, похорон и просьбой его дочери Нур-Султан о написании сочинения.

Реммал-ходжа сам был очевидцем многих событий, которые он описывает, иными словами, хроника основана на его личных свидетельствах (*мюшахеде*), а повествование ведется от первого лица. Однако источниками Реммал-ходжи были не только личные впечатления и опыт, но и различные османские *газа-наме*, *фетх-наме* и *зафер-наме*, а также документы ханской канцелярии и переписка Сахиб-Гирей-хана, что делает его сочинение особенно ценным для историка.

В сочинении описаны девять военных походов крымского хана, включая их подготовку и организацию (и описания этих походов осуществляются по единой композиционной логике): в Молдавию против Петру Рареша, Черкессию (Темрюк), Литву и Московию, Кабарду и Астрахань против хана Ямгурчи за захват крымского торгового каравана. Как подчеркивает И. В. Зайцев, важной особенностью хроники «является относительный характер датировки событий: Реммал не дает точных дат, и датировку описываемых им событий можно производить, только сравнивая его данные с другими источниками, прежде всего османскими и русскими».

Жанровые особенности хроники главным образом связаны с тем, что она носит характер абсолютного панегирика правившему хану (это отмечают и В.Д. Смирнов и И.В. Зайцев). Стилю памятника и его литературоведческому анализу (композиция, изобразительные средства и т.д.) посвящена в книге отдельная уже упомянутая статья Р.Р. Абдужемилева.

Одна из основных характеристик сочинения Реммал-ходжи связана с тем, что он сам принадлежал к суфийскому ордену мевлеви (и, как отмечают авторы вступительных статей, был близок суфийским крымским и

османским кругам задолго до вступления в мевлеви); соответственно, особое внимание Реммаль-ходжа уделяет крымским суфиям и их отношениям с ханом. Так, шейх Абу Бекр-эфенди Кефеви был в походе на Астрахань вместе с ханом: «На сей раз припомнился хазрет хану полус времени “аль-Шейх Эбубекир Эфенди”. И стали его искать среди войска. А найдя, молвили о приглашении к нему от хазрет хана. И оказав полную любезность и общее великодушие, просили явиться перед ханом. Светоч же, прибыв с несколькими почитаемыми дервишами на аудиенцию к хану и, вознеся молитвы и преклонившись перед хазрет ханом, приблизившись на несколько шагов, поприветствовал хана. И все они, стоя в близости от хана, выразили свое почтение. Хазрет хан указал места для дервишей, куда они и сели учтиво. Тогда принесли всякие блага, и занялись они трапезой и питьем на питков. И подали сахарные шербеты, стали их распивать. После того вознесли молитвы до небес и слушали их». Сам же Реммаль-ходжа упоминает о написании им некоего суфийского трактата (он известен как автор двух медицинских трудов, а также суфийской поэмы под названием «Гендж-и эсрар-и мани»). «История хана Сахиб-Гирея», тем самым, может рассматриваться и как важный и ценный источник по истории распространения суфизма в Крыму.

Эта книга содержит не только переводы сочинения Реммал-ходжи, сделанные по двум редакциям, но является первой публикацией фрагментов труда В. Д. Смирнова, то есть данное издание отражает и определенный этап развития отечественной тюркологии. Известно, что русский перевод Василия Дмитриевича Смирнова в свое время по разным причинам так и не был издан и ныне хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН в Санкт-Петербурге². В тексте перевода В.Д. Смирнова, бережно представленном в этой книге, И. В. Зайцев видит прежде всего памятник «русской переводческой востоковедной традиции конца XIX в.». Именно поэтому перевод хроники, сделанный В.Д. Смирновым, подвергся минимальным изменениям и редактированию и публикуется практически в неизменном виде.

Тем не менее следует все же отметить, что остальные части издания – вступительные статьи и перевод Р. Р. Абдужемилева – нуждаются в более аккуратной вычитке, унификации имен собственных (Реммал и Реммаль-ходжа, Ямгурчы/Ямгурчи и др.), значительной стилистической правке, тщательной проработке терминологического аппарата. Так, определение хроники как одного из «ярких образцов художественной литературы хан-

² Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 50 (Василий Дмитриевич Смирнов). Оп. 1. Ед. хр. 114. («Повествование о событиях царствования Сахиб-Гирея, хана крымского»).

ской эпохи, написанных в стиле средневекового монументального искусства», и использование терминов наподобие «восточного повествовательного искусства» [«Согласно канонам восточного повествовательного искусства, все элементы художественности представлены в единой органичной системе», «Согласно манере восточного повествования, в хронике содержатся и сыфаты (атрибуты) в форме перифразов, демонстрирующих высокий стиль произведения»] все-таки находится вне категорий филологического анализа и помещает «Историю хана Сахиб-Гирея» в довольно широкий и предельно абстрактный контекст искусства Востока, тогда как ее следует, на наш взгляд, рассматривать прежде всего как неотъемлемую часть османской и – шире – тюркской позднесредневековой литературной традиции. В то же время развернутое описание стилистических приемов, свойственных этому памятнику, нуждается во внимательном редактировании. Иногда обращают на себя внимание и некоторые погрешности перевода. Так, Сахиб-Гирей бросается на врагов с соколом (*boz doğan*) в руках, тогда как скорее всего речь идет о палице, булаве (*bozdoğan*): «Татарское племя продвигалось дальше при виде дыма со стороны черкесов. И увидели, как с обрыва скалы вниз один за другим беспорядочно начали падать лошади и люди. Хазрет хан при виде сего, взяв на руки сокола, поднялся на вершину. И повелел он людям отодвинуться назад. Со скалы вниз полетело сто-двести лошадей и сорок-пятьдесят людей» (с. 146).

«История хана Сахиб-Гирея» в относительно недавнее время уже становилась объектом интереса историков³, однако отдельное издание, включающее в себя два перевода и факсимиле рукописи, впервые становится доступным читателю. Можно не сомневаться, что эта публикация будет интересна не только историкам Крыма и Золотой Орды, но и всем, кто занимается историей отечественной тюркологии и востоковедения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Ч. 3 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 147–174. DOI: 10.22378/kio.2019.1.147-174
2. Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммаль-ходжа). История хана Сахиб-Гирея / И.В. Зайцев, Р.Р. Абдужемилев, В.Д. Смирнов. М.: Квадрига, 2023. 464 с.: илл. – (Исторический памятник; Крымское ханство в источниках. Вып. 3).
3. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 50-х – второй половине 70-х гг. XVI в. М.: ИРИ РАН, 2007.

³ См.: [1; 6; 8].

4. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост. лит., 2009.

5. Курникова О.М. История османских владений на территории Крымского полуострова в XV–XVIII вв. М.: ИВ, 2021.

6. Остапчук В. Хроника Реммал Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымскотатарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421.

7. Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост. лит. РАН, 2009. С. 320–326.

8. Шалак М.Е. Историко-географический анализ хроники Реммал Ходжи «Тарих-и Сахиб Гирей хан» // Крымское историческое обозрение. 2021. № 1. С. 95–117. DOI: 10.22378/kio.2021.1.95-117

Сведения об авторе: Аникеева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующая Центром исламских рукописей, Институт востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); tatiana.anikeeva@gmail.com

Review of the book: Badr al-Din Muhammad b. Muhammad Kaysuni-zadeh Nidai-efendi (Remmal-khoja). The History of Khan Sahib Giray (Moscow, 2023)

Tatiana Anikeeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The review provides a brief overview of the publication of “The History of Khan Sahib Giray”, carried out in 2023 by I.V. Zaitsev and R.R. Abduzhemilev, which serves the urgent task of studying and publishing sources on the history of the Crimean Khanate and the history of Islam in Crimea. This work, according to I.V. Zaitsev, is the earliest historical work on the Crimean Khanate that has come down to our time (it was written after the assassination of the khan in 1551 and completed in the summer of 1553) and has the character of an absolute panegyric to the ruling khan. The chronicle of Remmal Khoja covers the actual period of the reign of Khan Sahib Giray I, ending with a description of his death, funeral and a request from his daughter Nur Sultan to write an essay. The publication is accompanied by two articles – by I.V. Zaitsev (“The History of Khan Sahib Giray”) and R.R. Abduzhemilev (“A literary view of the work of Remmal-khoja”), contains two texts of the translation of “The History of Khan Sahib Giray” and a facsimile of the chronicle list stored in the collection of the Library of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University. The publication is provided with an index of names and geographical and ethnic names. This book contains not only translations of Remmal-Khoja’s work, made in two editions, but is the first

publication of fragments of V.D. Smirnov's work – in other words, this edition reflects a certain stage in the development of Russian Turkology.

Keywords: Crimean Khanate, Islam, Sufism, historiography, history of Russian Turkology

For citation: Anikeeva T.A. Review of the book: Badr al-Din Muhammad b. Muhammad Kaysuni-zadeh Nidai-efendi (Remmal-khoja). The History of Khan Sahib Giray (Moscow, 2023). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 215–221. DOI: 10.22378/kio.2024.1.215-221 (In Russian)

REFERENCES

1. Abduzhemilev R.R. Remmal Khoja. Chronicle "Tarih-i Sahib Giray Khan" ("History of Khan Sahib Giray"). Part 3. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.147–174. DOI: 10.22378/kio.2019.1.147-174 (In Russian)
2. Badr al-Din Muhammad b. Muhammad Kaysuni-zadeh Nidai-efendi (Remmal-khoja). The story of Khan Sahib Giray. Eds.: I.V. Zaitsev; R.R. Abduzhemilev; V.D. Smirnov. Moscow: Quadriga, 2023. (In Russian)
3. Vinogradov A.V. Russian-Crimean Relations in the 50s – the 2nd half of the 70-s of the 16th century. Moscow: IRI RAN, 2007. (In Russian)
4. Zaitsev I.V. Crimean Historiographical Tradition of the 15–19 Centuries: Ways of Development: Manuscripts, Texts and Sources. Moscow: Vost. lit. RAN, 2009. (In Russian)
5. Kurnikova O.M. The History of the Ottoman Possessions in the Territory of the Crimean Peninsula in the 15th–18th centuries. Moscow: IV RAN, 2021. (In Russian)
6. Ostapchuk V. The Chronicle of Remmal Khoja "The History of Sahib Giray Khan" as a source for the Crimean Tatar campaigns. *Source study of the history of the Ulus Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223-1556*. Kazan, 2001. pp. 391–421. (In Russian)
7. Pochekaev R.Yu. "Judicial reform" of the Crimean Khan Murad Giray. *Turkological collection 2007–2008. History and culture of the Turkic peoples of Russia and neighbouring countries*. Moscow: Vost. lit. RAN, 2009. pp. 320–326. (In Russian)
8. Shalak M.E. Historical and geographical analysis of the Cronicle of Remmal Khodja "Tarih-i Sahib Giray Khan". *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2021, no. 1, pp. 95–117. DOI: 10.22378/kio.2021.1.95-117 (In Russian)

About the author: Tatiana A. Anikeeva – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Head of the Center for Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka str., Moscow 107031, Russian Federation); tatiana.anikeeva@gmail.com

УДК 821.512.161

DOI: 10.22378/kio.2024.1.222-229

**Рецензия на книгу: Сейид Мухаммед Риза.
Семь планет в известиях о царях татарских.
Книга 2: Перевод (Казань, 2023)**

Рефат Абдужемилев

Крымский инженерно-педагогический

университет имени Февзи Якубова;

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Аннотация. В рецензии рассмотрен перевод хроники «Семь планет в известиях о царях татарских» с османского языка на русский, выполненный И. Р. Гибдуллиным и изданный продолжением к первой книге-транслитерации Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Перевод близок к оригиналу, открывает доступ к содержанию источника и служит промежуточной ступенью для дальнейшей работы над хроникой, чем и обусловлена значимость появления перевода. Отмечены некоторые противоречивые тезисы из предисловия к книге. Перевод проанализирован с позиции формы и содержания.

Ключевые слова: Герай, крымские ханы, османский язык, перевод, Сейид-Мухаммед Риза, Семь планет

Для цитирования: Абдужемилев Р.Р. Рецензия на книгу: Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2: Перевод (Казань, 2023) // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 222–229. DOI: 10.22378/kio.2024.1.222-229

В 2023 году Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан издан полный перевод на русский язык с османского хроники «Семь планет в известиях о царях татарских» крымскотатарского историографа Сейид-Мухаммеда Ризы. Перевод выполнен сотрудником центра, иранистом И.Р. Гибдуллиным. Книга представляет собой продолжение предыдущего издания 2019 года, заключающего в себе транслитерацию исследуемого сочинения с арабицы на латиницу.

Объем второй книги охватывает 528 страниц. Содержание состоит из предисловия в 8 страниц (подготовлено И.Р. Гибадуллиным и И.М. Миргалеевым) и непосредственно текста перевода, с комментариями в виде сносок.

Сам факт появления русскоязычного перевода «Семи планет» – важное событие в истории мирового востоковедения, которое по достоинству можно назвать прорывным шагом на пути полноценного научного исследования хроники. Справедливо заметить, что перевод по сути является первопроходцем, несмотря на то, что сама идея появилась давно, а попытки ее реализации предпринимались с момента выхода казанского издания А.К. Казембека. Однако до недавнего времени планам так и не было суждено сбыться по причине сложности языка хроники. Сегодня для современных специалистов-востоковедов, историков, филологов чрезвычайно необходим качественный перевод «Семи планет». Иначе этот богатый и ценнейший во многих отношениях источник так и останется непостижимым объектом изучения. Поэтому представленный на обозрение перевод открывает перспективы для дальнейшей работы с источником.

Вводя в небольшой экскурс появления изданий, связанных с хроникой Сейид Мухаммеда Ризы, авторы предисловия указывают и на первую книгу с транслитерацией, которая, по их мнению, «содержит колоссальное количество ошибок (преимущественно, при передаче персидских слов и фрагментов текста на персидском языке)» [3, с. 4]. При этом примеры этих ошибок не приводятся. Вместе с тем переводчик не принял во внимание того обстоятельства, что сам Казембек сообщал об искажениях в тексте своего издания (пробелы, потертости, непонятные значения слов) [2, с. 8], а вместо этого усмотрел ошибки в работе транслитератора (Р.Р. Абдужемилева). Вполне допустимо, что таково личное мнение переводчика И.Р. Гибадуллина. В таком случае следовало бы подготовить отдельную авторскую статью или рецензию по этому поводу для одного из научных журналов. Тем не менее транслитерация является промежуточным и важным этапом полной текстологической обработки материала.

Обе книги (как первая, так и вторая) изданы одним и тем же научно-исследовательским центром, справедливо пользующимся высокой репутацией, зарекомендовавшим себя флагманом в области исследования Золотой Орды и постзолотоордынских ханств, вносящим весомый вклад в современное востоковедение. Вторая книга является продолжением первой. В этой связи совсем неясна логика, почему центр сначала осуществил издание книги, а затем в последующей книге, уже после выхода в свет нового издания (турецкого), о котором будет речь ниже, признал в ней наличие «колоссальных ошибок». В таком случае следовало бы подготовить исправленное издание. Еще более озадачивает и то противоречие, что среди

научных рецензентов первой книги указан И.Р. Гибадуллин, переводчик и один из авторов предисловия ко второй книге.

Как отмечено в предисловии, источником для выполнения перевода во второй книге послужила латинографичная транслитерация турецкого исследователя Явуза Сёйлемеза [5], являющая собой сводное критическое издание текста, которая, по мнению авторов предисловия, «не была лишена недостатков, погрешностей и ошибок при переводе сложных персидских фразеологических оборотов» [3, с. 9]. В начале своей работы переводчик пользовался казанским изданием Казембека [1], в последующем же решил проигнорировать, несмотря на то, что основой для первой книги послужило именно это издание. Да и нельзя отбрасывать из внимания то обстоятельство, что издание Казембека было подготовлено при Казанском университете [2, с. 4, 7]. На этом и акцентировалось в первой книге. Таким образом, переводчик счел ненужным обращаться к первой книге-транслитерации, очевидно, ввиду его соображений по поводу наличия «колоссального количества ошибок», и предпринял попытку работы с турецким изданием. Причина такого подхода, судя по всему, заключается в неготовности переводчика работать с деформированным (искаженным), как выше было изложено, текстом из издания Казембека и удобство (легкость) работы с транслитерацией в турецком издании. Стоит отметить, что книга Сёйлемеза в отличие от казанской книги-транслитерации опубликована на год позднее.

Во второй книге Сейид-Мухаммед Риза обозначен как османский автор [3, с. 3], а его сочинение отнесено к османской историографии [3, с. 7]. Все же не совсем верно причислять хрониста к османской литературе, основываясь на языке написанного им произведения, полученном им образовании и включении его имени в энциклопедии османских авторов. К тому же автор «Семи планет» имел крымское происхождение (нисба аль-Кырыми) и принадлежал к роду крымского шейха ас-Сейида Афифи Абдуллаха-эфенди [4]. В Крымском ханстве многие произведения, например, такие, как ярлыки и дипломатические письма (хатты), судебные решения (кадиаскерские сиджили), хроники (теварихи), были написаны на османском (литературном) языке, но при этом принято считать их крымскотатарскими. Исторически так сложилось, что Крымское ханство и Османская империя были скреплены друг с другом взаимными переплетениями. И порой сложно провести грань между османской и крымскотатарской литературой. Стамбул в былые времена являлся одним из крупнейших мировых центров исламского образования, где выходцы из Крымского ханства получали знания и применяли их на практике уже на своей родине. Так было и после прекращения существования ханства, вплоть до первой

половины XX в. Главные же параметры определения принадлежности автора и произведения к той или иной литературе – содержание и стиль.

Касаясь вопроса фигурирования в хронике имен семи ханов, послуживших причиной наименования произведения, авторы предисловия игнорируют разъяснения Казембека о включении в список шести выделенных ханов имени Гази Герай-хана. При этом ссылаются на сомнительную версию Серкана Аджара о вероятности подразумевания под неопределенным седьмым ханом престолонаследника или будущего правителя Крымского ханства, «чья звезда еще не взошла на небосклоне правления» [3, с. 8]. Приведенные самим Сейид-Мухаммедом Ризой слова «hıtta-i Qırım da hükümrân olan yedi nefer Han-ı zî-şan» («о семи славных ханах, правивших в стране Крым») и последующая фраза «ve beynihümada güzeran iden selâtin ve hanan» («и бывших между ними султанах и ханах») опровергают возможность подобного толкования.

Обратимся к представленному переводу хроники. Перевод должен максимально отражать смысл оригинала. С этой позиции перевод И.Р. Гибадуллина равнозначен османскому тексту. Хорошее восприятие перевода зависит также от уклонения от сложных синтаксических конструкций, стремления не перенасыщать текст специальной лексикой из оригинального языка и от неприменения, в некоторых случаях, дословного перевода. В одних случаях переводчику это удалось, в других же пришлось использовать пространные предложения.

Для практического удобства работы с текстом перевода и его сравнения с оригинальным текстом целесообразным было бы постраничное указание на источник перевода.

Текст перевода не приведен к единообразию, будучи перегруженным лишней для читателя информацией. Иначе восприятие текста значительно усложнится. Переводя поэзию (газели, касыды, кыт'а и прочие стихотворения), переводчик почему-то вносит в текст латинографичное написание (порой и арабографичное) поэтических образцов на оригинальном языке. Хотя никакой надобности абсолютно в этом нет: читатель, желающий сравнить перевод с языком оригинала, может обратиться к вышеупомянутой транслитерации Явуза Сёйлемеза. А для читателя, незнакомого с османским языком, подобные вставки не представляют особого значения. Перевод одних бейтов (двустий) подкреплён латинографичным текстом, других же – арабографичным.

Цитаты из хадисов, высказывания религиозного содержания, устойчивые выражения (поговорки) переводчик приводит в основном тексте на кириллице, хотя в этом случае арабографичный текст оригинала, вынесенный в сноски, был бы вполне уместен. Некоторые примеры: *«поистине, из рабов Аллаха боятся Его ученые»* (иннама йахша-Ллаху мин 'ибадиhi

‘улама) [3, с. 14]; «*И от Него – содействие и провидение в начале и конце*» (ва минху-т-тауфик ва-л-‘инайя фи-л-бидайя ва-н-нихайя) [3, с. 15]; «*ребенок – тайна своего отца*» (ал-валаду сирру абихи), сноска – арабская пословица [3, с. 97]. В то же время цитаты из аятов Корана приведены без текста оригинального языка, с указаниями номеров сур и аятов в сносках: «*Ты даруешь власть, кому пожелаешь*» (Коран, 3:26) [3, с. 127].

Переводчик перегружает текст собственными излишними примечаниями, которые также можно было бы вынести в сноски: «...с вековым Высоким Государством (Османской империей. – *Примеч. пер.*)» [3, с. 143]; «...в [месяц] шаввал девятьсот тридцатого года (август-сентябрь 1524 г. – *Примеч. пер.*)» [3, с. 152]; «...и направился к Чертогу Счастья» (османскому двору – *Примеч. пер.*) [3, с. 153]; «...хан, чья звезда упала с башни (бурдж, тж. созвездие – *Примеч. пер.*)» [3, с. 172].

Переводчик в определенных местах текста использует слова, характерные для разговорного стиля речи, такие, как «дескать» и пр.

Неточности перевода особенно наглядно видны на уровне передачи терминологии. Эту лексику следует сохранять в оригинальной орфографии и давать толкования в сносках. Так, в переводе идет фраза «псарные деньги», затем следует пояснение в скобках *секбан акчеси*, аналогично – государственные рабы (*капыкулу*) [3, с. 154]. Здесь прослеживается неправильная трактовка «капыкулу», должно быть «придворные слуги».

Стр. 199. В стихотворении Гази Герая перевод слова «долаб» как «студент», правильное же значение – «водяная мельница»: «На дороге повстречал я одного *студента*» («*Yol üstünde yoluqđum bir tolaba*»).

Стр. 231. «...и прочитал [суру] «Фатиха [по случаю]» завоевания *Ериван (Реван)*». В оригинале: «...ve Fatiha-havan *feth-revan* olub» («...прочитал суру Фатиха, отправившись для завоевания»).

Стр. 267. «...пять-десять ратных мужей из числа татарских храбрецов протянули руки захвата военной добычи к местечку под названием *Кюриль*» // «...şesaañ-i Tatardan beş-on nefer merd-i kar-zar memalik-i kefereden *Gürel* nam mahalle itale-i dest-i iğtinam itdikleri». Сноска переводчика: возможно, Курск (?). Гюрель – польский король (упоминание *Polsqay Gürel* в ханских ярлыках и хаттах).

Стр. 286. Имя Кайтас-Ага в переводе дано в неверной орфографии Кытас-Ага: «...то пусть возьмет на службу Кытас-Агу». Переводчик мог бы обратиться к транслитерации из первой книги, где представлено написание «Кайтас-Ага».

Стр. 308. В последнем абзаце (со слов «наслаждаясь застольем») на указанной странице текст в передаче прямой речи хана содержит выражения, не свойственные книжному стилю эпохи и более свойственные современной речи.

В целом перевод на русский язык во второй книге соответствует содержанию оригинала, несмотря на наличие недостатков и неточностей. Данная работа по переводу, не имея аналогов, является первой в своем роде и в перспективе, вероятно, появятся еще другие, намного улучшенные переводы «Семи планет». Главный ориентир в определении точности перевода – легкость восприятия и доступность в понимании для читателей книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сеид Мухаммед Риза. Ас-себ-ус-сейяр фи ахбар мулюк-ит-татар = Ассебь о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. / Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы, изданное Император. Казан. Ун-том, под наблюдением Мирзы Казембека, адъюнкт-профессора онаго Ун-та, Великобританского и Ирландского Королевско-Азиатского общества члена; [авт. предисл. Мирза Казембек]. Казань: Тип. Ун-та, 1832. 344, [4], XXX с.
2. Сейид-Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Кн. 1: Транслитерация / Авт. предисл., транслитерация, подготовка к изданию Р.Р. Абдужемилев; под общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.
3. Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2: Перевод / Перевод с османского И.Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.
4. Сейтягьяев Н. Происхождение Сейида Мухаммеда Ризы (К вопросу о месте его «Семи планет» среди произведений крымской исторической прозы XVIII века) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44. С. 35–41.
5. Seyyid Mehmed Riza. Es-Sebü's Seyyar Fi Ahbar-ı Mülûki't Tatar (İnceleme-Tenktili Metin) / Hazırlayan Yavuz Söylemez. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayinevi, 2020. 470 s.

Сведения об авторе: Абдужемилев Рефат Рустем-оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культур этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

**Book review: Seyyid Muhammed Riza.
Seven Planets in the News about the Tatar kings.
Book 2: Translation (Kazan, 2023)**

Refat Abduzhemilev

*Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University;
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences*

Abstract. The matter for consideration in the review is the translation of the chronicle “Seven Planets in the News about the Tatar kings” from Ottoman into Russian, made by I.R. Gibadullin and published as a continuation to the first transliteration-book by M.A. Usmanov Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates of Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. The translation is close to the original, it opens access to the content of the source and serves as an intermediate step for further work on the chronicle, which determines the significance of the translation. Some contradictory theses from the preface to the book are noted. The translation is analyzed from the perspective of form and content.

Keywords: Geray, Crimean khans, Ottoman language, translation, Seyyid-Muhammad Riza, Seven Planets

For citation: Abduzhemilev R.R. Book review: Seyyid Muhammed Riza. Seven Planets in the News about the Tatar kings. Book 2: Translation (Kazan, 2023). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 222–229. DOI: 10.22378/kio.2024.1.222-229 (In Russian)

REFERENCES

1. Seyid Muhammed Riza. Seyid Muhammed Riza. As-seb-us-seyyar fi akhbar muluk-it-tatar = Asseb o-sseyyar, or Seven Planets, containing the history of the Crimean khans from Mengli-Girey Khan I to Mengli-Girey Khan II, i.e. 871/1466 to 1150/1737. Work of Seyyid Muhammad Riza, published by the Emperor. Kazan. Univ., under the supervision of Mirza Kazembek, Associate Professor at the Univ., Member of the British and Irish Royal Asiatic Society; author of preface Mirza Kazembek. Kazan: Tip. Un-ta [University Printing House], 1832. 344, [4], XXX p. (In Ottoman Turkish & Russian)
2. Seyid-Mukhammed Riza. Seven Planets in the News about the Tatar kings. Book : Transliteratsiya. Transcription by R.R. Abduzhemilev, ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 364 p. (In Russian, Ottoman Turkish)
3. Seyid-Muhammed Riza. Seven Planets in the News about the Tatar kings. Book 2: Translation. Translation from Ottoman by I.R. Gibadullin; by scientific ed.

I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 528 p. (In Russian)

4. Seityagyaev N. Origin of Seyid Muhammad Riza (On the matter of the place of his “Seven Planets” among the works of Crimean historical prose of the 18th century). *Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2003, no. 44, pp. 35–41. (In Russian)

5. Seyyid Mehmed Riza. Es-Sebü’s Seyyar Fi Ahbar-ı Mülûki’t Tatar (Research – Critical Text). Prepared by Yavuz Söylemez. Ankara: Turkish Historical Society Publishing House, 2020. 470 s. (In Turkish & Ottoman Turkish)

About the author: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); refatimus@gmail.com

ХРОНИКА

Итоговая конференция Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, секция Крымского научного центра (г. Симферополь, 2 марта 2024 г.)

2 марта 2024 г. состоялось ежегодное заседание секции итоговой конференции Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, организованное его отделом – Крымским научным центром.

На секции Крымского научного центра было представлено 13 докладов различных тематик, связанных с историей и культурой крымских татар.

С докладом о крымскотатарской диаспоре Болгарии в посткоммунистическую эпоху выступил руководитель секции, к.и.н., заведующий КНЦ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Сейдаметов Э.Х.

В ходе своего выступления д.и.н., ведущий научный сотрудник КНЦ Кондратьев Г.Н. рассказал о правовом регулировании брачно-семейных отношений в контексте политики коренизации 1920–1930-х годов.

Мусаевой У.К., д.и.н., старшим научным сотрудником КНЦ был представлен доклад «Илья Николаевич Бороздин – инициатор этнографических экспедиций ВНАВ по сохранению историко-культурного наследия Крымского полуострова 1920–1930 гг.».

В своем докладе к.и.н., старший научный сотрудник КНЦ Абдужемилев Р.Р. рассказал о современных тенденциях в текстологических исследованиях нарративных источников Крымского ханства.

Повседневной жизни правящей элиты Крымского ханства был посвящен доклад младшего научного сотрудника КНЦ Абибуллаевой Э.Э.

Младший научный сотрудник КНЦ Сеит-Маметов Ш.Э. в ходе своего выступления рассказал о детях-рабах в Крымском ханстве, а лаборант-исследователь КНЦ Усеинов М.А. – о некоторых типах надмогильных памятников Степного Крыма.

Особенностям культуры досуга крымскотатарского дворянства на рубеже XIX–XX вв. по страницам газеты «Терджиман» был посвящен доклад младшего научного сотрудника КНЦ Сеитметовой С.А.

Лаборант-исследователь КНЦ Сейтхалилова Л.С. выступила с докладом «Этноним «крымские татары» и термин «кырымлы» («крымцы»): проблема адекватности перевода».

Каждое выступление встречало живой отклик участников секции. Часть из представленных докладов будет опубликована в журнале «Крымское историческое обозрение».

*Информация подготовлена
младшим научным сотрудником Крымского научного центра
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Сеитметовой С.А.*

Правила для авторов см. на сайте crimeanreview.ru
<https://crimeanreview.ru/pravila-publikatsii/>
<https://crimeanreview.ru/trebovaniya-k-statyam/>

Instructions to authors look at the website crimeanreview.ru
<https://crimeanreview.ru/en/rules-of-publication/>
<https://crimeanreview.ru/en/requirements-for-articles/>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons
“Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials are available under the Creative Commons License
“Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2024. Т. 11, № 1

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW
2024, vol. 11, no. 1

Компьютерная верстка – *А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 17.09.2024 г. Дата выхода в свет 25.09.2024 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 14,5 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru